

Казачи за Камнем

Историко-информационный краеведческий журнал
№ 5 (42) май 2024 года

ЗА НАШЕ

БУДУЩЕЕ

**КАЗАКИ
ЗА КАМНЕМ**

№ 5 (42) май 2024 года

**Историко-информационный
краеведческий журнал**

**Издание группы казаков
Урала, Зауралья,
Западной и Восточной
Сибири и Дальнего Востока**

Редакторы:

Александр Толкачёв,
Владимир Крюков
Почётный атаман Амурского
Казачьего войска

Редколлегия:

Сергей Косяченко
и казаки России

Электронный адрес редакции:

KazzaK1949@mail.ru

В номере

Стихи. Русский солдат.....	4
Московские суворовцы, За свет и мир.....	5
«Леопард» и челябинец.....	6
Маршал Говоров.....	7
В честь Дня Победы.....	12
Морпех из Донбасса.....	24
День Победы в Киеве. 2024 год.....	33
Иван Билибин.....	34
Литература «Житие человека».....	37
Причина поражения.....	123
Иван Берилло.....	127
Николай Горбунов.....	128
Крюков Владимир Викторович.....	130
Дурь или вредительство.....	139
Братна в Томске.....	139
Очерк из старого журнала.....	140
Потоп в Сибири.....	148
Чины и знаки различия в РИА.....	153
Юнкера-беспридельщики.....	158
Рейд генерала Мамантова.....	163
«Казачья Голгофа».....	168
Восточная сказка.....	171
Филателия.....	173
Сатира и юмор.....	178

Журнал выходит на средства членов редколлегии

Мнения авторов не всегда совпадают с мнением редакции

На первой странице: Казак. Художник Степанюк.

На второй странице: Плакат из Интернета.

На страницах 180 и 182 фото и плакат из Интернета.

На последней странице: Плакат 1941 года. Худ. В. Серов.

Русский солдат

**Они убили русского солдата,
И от восторга радостно вопят.
Как фрицы фото делали когда-то,
Они над павшим щёлкают себя.
Они на тело гордо ставят берцы,
И АКаэмом тычут в небеса.
Они такие, ну крутые перцы,
Русню мочить готовы до конца.
Они убили русского солдата,
А он возьми да и открой глаза!
Прощёлкали в его руке гранату –
И сами полетели в небеса...

Не искушайте Боженьку, ребята!
За всё однажды к вам придут счета.
Убить возможно Русского солдата,
А победить - не выйдет никогда!..**

Сергей Каргашин

За свет и мир мы боремся, они — за царство ТЬМЫ

Мы склоняем свои головы перед подвигом наших родных и близких, дедов и отцов, бабушек и матерей, которые ценой своей жизни и самоотверженного труда защитили нашу Родину и победили фашизм.

Восемьдесят три года назад наш народ, от мала до велика, встал за защиту своего Отечества и спустя четыре года суровой войны разгромил врага в его логове и освободил Европу от нацизма.

Любовь к ближнему, верность присяге и готовность положить душу свою за друзей своих стали тем краеугольным камнем, о который разбились зависть, ненависть и злоба фашистов.

Сегодня на территории бывшей Украинской ССР наши воины, внуки и правнуки солдат-победителей Великой Отечественной войны, снова ведут бой с нацистской нечистью и бандеровской хунтой, возвращенными коллективным Западом.

На Украине мы воюем не с украинским народом, наша армия громит авангард нового Четвертого рейха, которым стала Европа под руководством США.

Не случайно, рядом с русскими знаменами повсеместно развиваются Красные знамена. Все это продолжение Великой Отечественной войны.

Но современная версия либерального фашизма является более страшной и бесчеловечной, чем германский нацизм. Германские фашисты отвергали христианскую мораль, считая себя «сверхчеловеками» и «расой господ».

Современный Четвертый рейх отвергает все нормы морали и нравственности, уничтожает само понятие семьи, материнства и отцовства, узаконивает грехи, как норму жизни. Либеральный фашизм пытается полностью расчеловечить людей.

И России вновь приходится бороться со страшным злом, угрожающим не только нашей Родине, но и всей человеческой цивилизации.

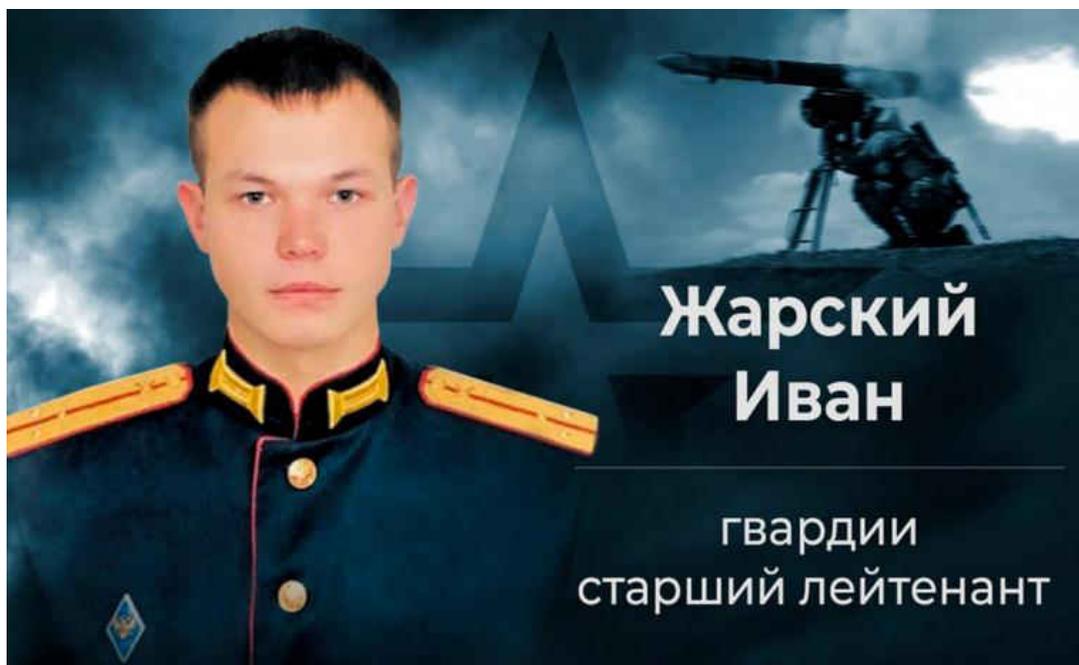
И снова звучат слова из песни-гимна «Священная война»: **«Как два различных полюса, во всем враждебны мы: за свет и мир мы боремся, они — за царство тьмы».**

И вновь актуальны строки А. Т. Твардовского из поэмы «Василий Теркин»: **«Бой идет святой и правый. Смертный бой не ради славы, ради жизни на земле»...**

Московские суворовцы

Мир Вашему дому!

В Минобороны РФ раскрыли подробности уничтожения челябинцем семи БМП и танка «Леопард».

Минобороны РФ: челябинец Жарский несколько часов бомбил технику боевиков Украины

Челябинский офицер, Герой России Иван Жарский в составе расчёта противотанкового комплекса выполнил задачи по уничтожению танков и других бронированных целей противника. Жарский за несколько часов уничтожил восемь единиц вражеской техники и нескольких боевиков, сообщает пресс-служба Министерства обороны РФ.

«Рассказываем о подвиге Героя России Ивана Жарского... Огнём из противотанкового вооружения Иван Жарский и [гвардии сержант] Игорь Овсянников уничтожили восемь единиц вражеской техники, а также большое количество боевиков», — сообщает пресс-служба ведомства в своем telegram-канале.

Действуя в составе тактической группы российских морских пехотинцев, Иван смог удержать один из ключевых населённых пунктов, который находился под контролем ВСУ. Умело используя

Мария Чернышова
рельеф местности, Жарский и Овсянников скрытно заняли огневую позицию. Украинские националисты, имея преимущество в силе и технике, попытались отбить стратегический объект. Они использовали артиллерию и беспилотные летательные аппараты (БПЛА).

Российские военные грамотно меняли огневые позиции и смогли за несколько часов уничтожить восемь единиц техники и большое количество украинских боевиков. Противник четыре раза пытался прорвать позиции наших подразделений, но понёс потери и был вынужден отступить, добавили в пресс-службе Минобороны РФ.

О подвиге Жарского в ходе спецоперации ранее рассказали в пресс-службе пункта отбора на военную службу по контракту в Челябинске. Там сообщили, что челябинец уничтожил вражеский танк «Леопард 2А6» и семь БМП. На опубликованном видео Жарский отшутился, что служил писарем в штабе, «печатал бумажки на компьютере».

Колчаковский подпоручик, целый год воевавший против Красной Армии, но ставший в итоге Маршалом и Героем Советского Союза

https://dzen.ru/a/ZBwO2GT_WXUczIdg

Этот Маршал Советского Союза входит в число, скажем так, относительно известных. Конечно, по упоминаемости в СМИ, ТВ-передачах и т.п., он значительно уступает тем же **Г. К. Жукову, К. К. Рокоссовскому, И. С. Коневу**, возможно, ещё кому-нибудь.

Но свой вклад в Победу внёс несомненно, маршалом и Героем Советского Союза стал именно в годы войны.

Хотя этого могло и не случиться.

До декабря 1919 года будущий Маршал Советского Союза, а тогда колчаковский офицер, воевал против Красной Армии, участвовал в наступлении колчаковской армии, сражался на стороне белых в боях под Уфой, Златоустом, Челябинском. Приказом по армии Колчака был произведён в подпоручики.

Это история жизни Героя Советского Союза Маршала Советского Союза **Леонида Александровича Говорова**.

Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Л. А. Говоров (1897-1955).

Источник фото - <https://stuki-druki.com/biofoto2/Leonid-Govorov-02.jpg>

Воспоминаний после себя он не оставил. Может и потому, что банально не успел. Прожил, по нынешним меркам, не такую и долгую жизнь - 58 лет, но в ней вместились многое.

Родился в селе, ныне это Советский район Кировской области. Семья была самая обычная - отец начинал работать в пароходной компании, затем письмоводителем. Письмоводитель - так тогда называли делопроизводителя в канцелярии. А мать - домохозяйка.

Образование у Леонида - сельская школа, реальное училище. В возрасте 19 лет, он поехал в Петроград и поступил в Политехнический институт. Но Первая Мировая, которая уже вовсю полыхала,

продолжить учебу не позволила. Далее - призыв в армию, курсы в Константиновском артиллерийском училище, чин прапорщика и служба в далёком Томске в мортирной батарее.

Но в Петроград, ставший Ленинградом, Говоров ещё вернется.

В судьбах того поколения был **Октябрь 1917 года**, вслед за которым последовал роспуск армии. Говоров вернулся домой, стал работать. А затем, как написано выше, оказался в армии белых, у Колчака. Провоевал на их стороне больше года, был участником целого ряда операций, стал подпоручиком.

Но в декабре 1919 года судьба сделала крутой поворот. Как вспоминал сам Ле-

онид Александрович, он постепенно пришёл к пониманию, что идёт совсем не той дорогой.

По одним данным подпоручик Говоров, вместе с несколькими солдатами своего подразделения, покинул расположение своей части и прибыл в Томск, где они присоединились к восстанию против белых. А по другим - попал в плен и принял предложение - перешёл на сторону красных.

Воевал дальше, служил под командо -

Л. А. Говоров. 1923-1924 годы.

Источник фото - <https://foto-history.livejournal.com/10482666.html>

Военная карьера складывалась не просто - помнилось его белогвардейское прошлое. Говоров не роптал, судьбу не клял, воспринимал всё спокойно, с пониманием. Упорно учился - Курсы усовершенствования командного состава, Курсы при Военной академии имени М. В. Фрунзе.

Но считал, что этого мало - **в 1933 году** заочно окончил полный курс Академии имени М. В. Фрунзе. Занимается и самообразованием, да ещё как – самостоятельно изучил немецкий язык и сдал экзамен на военного переводчика!

В феврале 1936 года Говорову присвоено звание комбриг, он стал слушателем Академии Генерального штаба РККА.

Говоров упорно учит теорию, готовит научный труд. **В 1939 году** публикует свою работу - "Атака и прорыв укрепленного района".

Но неужели никто ему не попенял ни разу о белогвардейском прошлом? Как же органы пропустили такого? Почему? Ведь, бывший белый офицер, воевал против красных, изучил немецкий, ну, точно - "шпи-

ванием **В. И. Блюхера, А. И. Корка**, дважды был ранен. За проявленную храбрость и умелое выполнение боевых задач был награжден орденом Красного Знамени. Фамилии ряда его командиров позже ему припомнят.

Гражданская завершилась. Что делать дальше? Говоров, недолго думая, выбрал военную карьеру - продолжил службу. Занимал разные должности - начальник артиллерии полка, УРа, командовал артиллерией стрелкового корпуса.

ён", если подходить к оценке того времени с точки зрения либералов. Мол, хватали всех подряд и ни за что! А тут - целый чемодан компромата!

Конечно, вспоминали ему это всё и не раз. Но по всем воспоминаниям, Говоров всегда держался несколько отстраненно от всех, сухо, замкнуто, был очень малоразговорчив.

Из воспоминаний генерал-полковника **Л. М. Сандалова**:

- "...Леонид Говоров считался человеком неразговорчивым, нелюдимым, замкнутым. Друзей среди армейских товарищей не заводил, в дружеских попойках не участвовал, в острых политических дискуссиях тоже. Всё свободное от службы время проводил с семьёй, с остальными же держался вежливо, но отдаленно, особняком...".

Вероятно, что вот эта замкнутость, неразговорчивость и помогли Леониду Александровичу. Нечего было предъявить ему!

Его не раз, как говорится - "брали в разработку". Так **в 1930 году** Говорова,

как бывшего белого офицера, попытались раскрутить на принадлежность к делу "Весна" по бывшим офицерам царской и белой армий, но ничего не вышло.

1937 год - донос о вредительстве на артиллерийских складах, к которому якобы был причастен и Говоров. Но он доказал свою непричастность.

1938 году - новое дело. Говорову поставили в вину что, хотя о своём прошлом он и не скрывал, всё сообщил, но, вот какая "загогулина" - скрыл белогвардейское прошлое своего младшего брата. За это точно спросить надо!

Как говорится, и "до кучи" - его дополнительно обвинили в связях с "врагами народа", бывшими военачальниками РККА **Корком, Якиром** и другими. Припомнили те самые фамилии командиров прошлого.

Вывод комиссии был жёстким и однозначным - "политического доверия не заслуживает, из рядов академии отчислить".

Несмотря на это, Говоров завершил обучение. Возможно, кто-то на самом верху за него замолвил слово ... Сложно теперь сказать. А возможно ещё и то, что вины своей он не признавал, никаких показаний на других не давал. Его реально не удавалось втянуть в какие-то разговоры о политике, о власти, против него никто ничего не мог сказать такого, что стало бы интересно для соответствующих органов. А, как с беспартийного, с него не могли спросить по партийной линии. Так всё и закончилось ничем.

После всех "разборок", **в январе 1940 года** Говоров возвращается в армию – воевать. Теперь он начальник штаба артиллерии 7-й армии, участвующей в "зимней войне" с Финляндией. Артиллерия должна была обеспечить прорыв линии Маннергейма. Вот, Говорову и представился случай применить на практике свои теоретические выкладки из научной работы по прорыву укрепрайона.

Наградой для Говорова стал орден Красной Звезды. А затем он получает и своё первое генеральское звание - генерал-майора артиллерии.

За месяц до начала войны (хотя, кто тогда это знал!) Говоров назначен начальником Артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского. Там и встретил начало Великой Отечественной.

Воюет по специальности - командует артиллерией Резервного Фронта, затем артиллерией Западного Фронта. Но толком и не успел войти в должность - несколько дней спустя его назначают командовать 5-й армией. Причина такой ротации - вместо получившего ранение генерал-майора **Д. Д. Лелюшенко**, который, к слову, сам успел покомандовать всего 9 дней. Обстановка тогда менялась очень быстро.

Говоров сумел организовать оборону своей армии под Москвой. Ему присвоено звание генерал-лейтенант артиллерии, он дважды - **в ноябре 1941** и **в январе 1942 годов** награждён орденом Ленина.

А в конце апреля 1942 года Говоров на несколько лет снова оказался в Ленинграде - становится командующим Ленинградской группы войск Фронта. Активно занимается контрбатареистой борьбой, добивается выделения двух эскадрилий авиакорректировщиков. На подступах к городу созданы полевые укрепрайоны, там размещены артиллерийско-пулемётные батальоны, подготовлена система траншей и ходов сообщения.

А затем Говоров переходит в категорию главных руководителей на войне на местах - командующих фронтами. **В июне 1942 года** его назначают командующим Ленинградским Фронтом, которым он руководил до **июля 1945 года**.

В январе 1943 года в результате наступательной операции, блокада города была прорвана, Говорову присвоено звание генерал-полковник.

Но на этом его военный рост **в 1943 году** не остановился - **в ноябре** Говорову присвоено звание генерала армии. А чуть более, чем через полгода - **18 июня 1944 года**, Леонид Александрович вступает в когорту избранных - получает маршальскую звезду, становится Маршалом Советского Союза.

В конце войны он руководил войсками, осуществлявшими блокаду Курляндской группировки вермахта

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 января 1945 года Маршалу Советского Союза Леониду Александровичу Говорову присвоено звание Героя Советского Союза.

Маршал Говоров на заключительном этапе войны.

Источник фото - <https://tunnel.ru/tmp/0RMx4L5k2l8wpUCaKGyb/22-fevralya-1897-goda.jpg>

А ещё Леонид Александрович стал кавалером Ордена "Победы". Он был награждён им Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года.

Война победоносно завершена. После её окончания Говоров командовал Ленинградским ВО, был главным инспектором Сухопутных войск, главным инспектором Вооружённых Сил СССР. В течении 5 лет командовал войсками ПВО страны.

В мае 1954 года маршал Говоров стал первым главнокомандующим (до этого был командующим) Войсками ПВО СССР - заместителем министра обороны.

Стоит сказать о ещё одной странице в биографии маршала. О его принципиальности знали, поэтому, не удивительно, что в январе 1948 года именно он стал председателем в Суде чести Министерства Вооружённых Сил СССР.

Маршал Советского Союза Л. А. Говоров во главе сводных войск Ленинградского Фронта на Параде Победы. 24 июня 1945 года.

Источник фото - <https://foto-history.livejournal.com/10482666.html>

Тогда в этом Суде чести рассматривалось дело нескольких высокопоставленных военных - адмиралов ВМФ страны Н. Г. Кузнецова, Л. М. Галлера, В. А., Алафузова и Г. А. Степанова.

Обвинение было серьезным. Их обвиняли в том, что в годы войны, без всякого разрешения, они передали представителям Великобритании и США секретные чертежи и описание целой группы боевой тех-

ники и вооружения - высотной парашютной торпеды, дистанционной 130-мм гранаты, трофейной акустической системы, снятой с потопленной немецкой подводной лодки, ряда корабельных артиллерийских систем, схемы управления стрельбой, а также несколько экземпляров секретных морских карт.

В ходе разбирательства, Суд чести под председательством Говорова признал адмиралов виновными и постановил ходатайствовать о предании их суду.

По ходатайству Суда чести, в **феврале 1948 года** Военная коллегия Верховного суда СССР провела судебное разбирательство и признала адмиралов виновными в предъявленных им обвинениях. Адмиралы Галлер, Алафузов и Степанов были приговорены к лишению звания и к различным срокам заключения. Адмирала Кузнецова также признали виновным, но учитывая его заслуги перед страной во время войны, уголовного наказания он избежал, но был понижен в звании до контр-адмирала.

После смерти Сталина все осужденные по этому делу были реабилитированы ...

... Казалось, впереди ещё у Говорова годы службы на благо Родине. Но Леонид Александрович уже давно был серьезно болен - гипертония, постоянные проблемы с высоким давлением со всем отсюда вытекающим. А служба военная была связана с

постоянными стрессами, нервными напряжениями и перегрузками. Гипертония, как известно, является первой причиной инсульта, который и случился у маршала **летом 1954 года**. Полностью он не восстановился.

Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Леонид Александрович Говоров скончался в ночь **на 19 марта 1955 года**. Урна с прахом выдающегося полководца захоронена в Кремлевской стене на Красной площади.

Стоит добавить, что во время Великой Отечественной Леонид Александрович стал членом ВКП(б). При этом было принято решение принять его без прохождения кандидатского стажа.

Память о Маршале сохранена в названии улиц, переулков, в памятных мемориальных досках.

Памятник Л. А. Говорову в Санкт-Петербурге.

Источник фото - <https://warheroes.ru/content/images/monuments/pamyatn/Govorov2.jpg>

Вот такая история жизни прославленного военачальника. В его не такой и долгой жизни было много всякого, но он честно прожил свою жизнь, делом доказывая правоту своего выбора **в 1919 году**. Дослужился до самых больших звезд в Вооруженных Силах, стал Героем Советского Союза, прославил свое имя победами на поле брани.

Комментарии 453

Дмитрий Бочаров Главный вывод если рыло было не в пуху то не страшен был и тридцать седьмой год и тридцать восьмой Но ради справедливости стоит признать что время было непростое
Лёха Стира Упрись, как Говоров! Технарть артиллерист стал общевойсковым командиром. Светлая память Советскому Человеку.

В честь Дня Победы. В назидание и в качестве предупреждения.

<https://dzen.ru/a/Zik351f5dh627dbV>

Эта история, не скрою, пробрала даже меня - старого циника - до глубины души. Пробрала своей пронзительной правдивостью. Жизнь - не фильм про героев. "Манифестация духа" соседствует с минутой слабости и наоборот. Но если есть стержень в человеке, он свой путь найдет и пройдет до конца - коротким он будет или длинным, это уже как Бог даст. Приславший нам материал участник проекта "Молодость в сапогах" просил разместить его в преддверии дня Победы в память о своём отце и его боевых товарищах. Отцу в тот день 17 апреля исполнилось бы 107 лет, вот и накапало...

Но мы решили единогласно в нашей, так сказать, редколлегии выдать рассказ чуть раньше. ... Очень уж он в тему пришелся. В такие минуты врать, что называется, запахло. Поэтому без всякого Эзопа, открытым текстом.

Да, очень хочется дожить до счастливых времен, увидеть Славу и Торжество нашей Великой Страны, увидеть её расцвет. Хочется вырастить детей и внуков, погреть старые кости в относительном покое и достатке. И да, мы идём на компромиссы. Совершенно не хочется осознавать себя в непривычном и диком (с учетом воспитания и убеждений) качестве какого-нибудь экстремиста-дискредитатора на радость ухмыляющимся наглым рожам, делающим карьеру любой ценой. Можно смолчать. Можно отвернуться. Можно не нарываться. Именно так мы и будем поступать. Но только не в отношении фашистских прихвостней и их новых реинкарнаций. НИКОГДА. НИ ШАГУ НАЗАД.

С уважением к достойным людям любых убеждений и полнейшим презрением к любым фашистам, кто бы их там не цитировал.

Редактор.

Это герой нашего рассказа - Пятков Георгий Николаевич, ровесник Октября. Вечная память.

ГАШУН

Этот невероятный случай произошёл с моим отцом летом 1942 года, когда немцы, нанеся нам в мае тяжёлое поражение под Харьковом, начали стремительное продвижение в направлении на Кавказ и Волгу, поставив перед собой, в частности, задачу захвата Сталинграда. Наши войска, стремясь сдержать врага, оказывали ему сопротивление, используя для этого каждую возможность. Одним из таких рубежей стала река Дон на всём её протяжении. Вот на её берегах и вступил в войну мой отец. Он был артиллерист, только лишь весной 1941 года выпущенный после шестимесячных курсов младших политруков, куда его, как грамотного красноармейца и члена партии, направили во время прохождения действительной службы в РККА с февраля 1940 года.

Начало войны застало его в Махачкале в войсках Северо-Кавказского военного округа (с мая 1942 года - фронт) в звании лейтенанта и должности заместителя командира батареи по политчасти 321-го артполка 91-ой стрелковой дивизии.

До конца весны 1942 года в полку и дивизии шла в основном боевая подготовка, но уже в середине мая в связи с драматически складывающейся обстановкой на юге России его дивизия и полк бы-

ли спешно переброшены в Ростовскую область, где в районе станицы Константиновская (ныне город Константиновск) перед его артполком была поставлена задача обеспечения переправы тесных немцами частей Южного фронта на левый берег Дона в его нижнем течении. Пропускная способность действующих там двух паромов была явно недостаточна для огромной массы отступающих войск и техники. На переправе скопились автомашины с грузом, пехотой и артиллерией, которые подвергались регулярным и беспощадным авианалетам, в результате которых войска несли большие потери без прямого соприкосновения с противником. Обстановка была удручающей, давление немцев чуть ли не ежедневно усиливалось и вскоре артполк был переправлен на левый донской берег с приказом занять там новые позиции.

Во второй половине июля противник, прорвавший оборону Юго-Западного и Южного фронтов, начал развивать успех в направлении Ворошиловграда. Части Южного фронта были вынуждены приступить к отходу.

А 19 июля немцы овладели уже самой станицей Константиновской и приступили к подготовке форсирования Дона. И 22-го числа части 91-ой дивизии вступили в первый бой с прорвавшими нашу оборону и переправившимися на левый берег гитлеровцами. Бои шли беспрестанно в последующие двое суток и были они, по убеждению отца, самыми тяжёлыми и суровыми за всё время его нахождения на фронтах Великой Отечественной войны до мая 1945 года. Там же на глазах отца погиб от прямого попадания снаряда муж его старшей сестры. По невероятному совпадению они оказались в одном полку.

Константин, старше отца по возрасту и званию, был командиром батареи. Отец видел, как во время сильнейшего артобстрела немцами позиций полка в том месте, где находился его родственник, последовали один за другим несколько взрывов, начали рваться боеприпасы, всё заволкло чёрным дымом. Дождавшись затишья, он добежал дотуда, но среди вы-

вороченной земли, каких-то страшных обрывков чего-то дымящегося и горевшего, перевернутых и искореженных орудий Костю не нашёл. Даже похоронить было некого и нечего. Да и думать об этом не приходилось при беспрестанно возобновляющихся артобстрелах.

Дважды дивизии грозило полное окружение и дважды с большими потерями – людскими и материальными – она вырывалась из него. Но на третьи сутки, несмотря на ожесточённое сопротивление, его артполк был полностью разбит, очаговая оборона окончательно смята и опрокинута. Такая же участь постигла и остальные части дивизии, занимавшие оборону слева и справа. Началось поспешное и, практически, неорганизованное отступление по всему фронту. Немцы быстрыми темпами устремились к Сталинграду.

Отец с оставшимися в живых сослуживцами оказался среди разнокалиберной массы людей, лошадей и техники, которая, пылясь, катилась по открытым Сальским степям в сторону восхода солнца: в основном – пешком, кто-то – на уцелевших лошадях, меньше всего – в кузовах задыхавшихся от нестерпимого зноя «полуторок». Само по себе отступление – событие совсем не радостное. Но тяжесть складывающейся удручающей ситуации усугублялось ещё и тем, что не чувствовалось никакого руководства войсками, не слышалось ни одной команды, ни одного распоряжения. Было тягостное ощущение того, вспоминал отец, что командование просто бросило их.

Не особенно, казалось, интересовались этой отступающей в неразберихе массой войск и немцы. Они даже не пытались нанести по разрозненному и утратившему какую-либо инициативу противнику сильный и окончательный удар. Видимо, были вполне уверены, что русские «дойдут» и сами – так зачем же подвергать своих солдат ненужному риску, завязывая масштабные схватки с деморализованным противником? Вместо прямого столкновения чаще всего происходило следующее: на ближайшую степную возвышенность внезапно выскакивало не-

сколько немецких мотоциклов с коляской, раздавались пулеметные очереди по толпе, возникала неудержимая паника, люди кидались кто вправо, кто влево, валялись кучами на землю, стараясь укрыться за малейшим бугорком или в канавке, а потом, когда немцы, коротко и прицельно отстрелившись по движущимся «мишеням», быстро исчезали за холмами, на дороге, среди пыльных завихрений оставались лежать убитые, кричали раненные. Затем все смыкалось и движение возобновлялось снова, как будто ничего и не произошло. И вот эта беззащитность и покорность неизбежному, вспоминал отец, были особенно страшными.

В районе станции Зимовники Северо-Кавказской железной дороги отцу и его товарищам повстречалась группа железнодорожников с разбитого немцами бронепоезда - его, опрокинутого с насыпи, отец с товарищами видели прошедшей ночью. От железнодорожников они узнали о только что появившемся приказе И. В. Сталина №227, известном как «Ни шагу назад!». Суровость и насущность слов вождя не вызывала никаких сомнений - во всяком случае у моего отца, как у офицера и политработника, всей кожей, как он вспоминал, ощущавшего постыдность этого «драпа» (такое словечко уже вошло тогда в солдатский лексикон). Большинство его боевых товарищей также были готовы выполнить приказ и стоять до последнего.

Но разворачивающаяся на их глазах реальность вносила свои коррективы в ход тех драматических событий. Ведь даже, судя по положению дел только на их участке можно было догадаться, что оборона полностью повержена, а остатки разбитых войск либо попадают в окружение, берутся в плен, либо уходят в лучшем случае почти безоружными и деморализованными на восток. Что скрывать, говорил отец, эта очередная неудача породила среди немалого числа красноармейцев, да и части командиров, панические настроения: казалось, что всё потеряно, что нет сил удержать стремительное наступление немцев, которые, обнаглев

от безнаказанности, то и дело оказывались впереди наших отходящих и неуправляемых войск. Действительно, было от чего пасть духом...

Отступавшие вскоре окончательно потеряли ориентиры и под постоянными «налетами» немцев разбрелись по степи, видимо, полагаясь в вопросе спасения только на себя.

После нескольких дней и ночей блужданий они тоже отбились от немногочисленных остатков полка и остались втроём - старший политрук Пётр Белов, сержант разведвзвода полка Завоськин и отец. Положение было, и впрямь, аховое: кругом и, казалось, - а, скорее всего так и было - повсюду были немцы. Когда светало, лучше было не передвигаться. Это грозило гибелью или пленом. Оставалось единственное - укрываться днём где-нибудь в зарослях буйного ковыля и полыни, каких-то низкорослых колючих кустарниках или в необрушенных колхозных посевах, а ночью идти. Так они и делали. И пока им везло.

Но то, что случилось 2-3 августа в районе ст. Гашун отец, несмотря на все испытания, выпавшие на его долю за годы войны, помнил всегда.

В тот день они, взвесив все шансы, поняли, что возможно им вообще вряд ли удастся выбраться к нашим и поэтому уничтожили все служебные документы и карты, которые были у них с собой, а также закопали в бурьяном массиве личные фотокарточки и снимки своих близких (там было и фото будущей жены отца, моей матери). Себе оставили только партбилеты, удостоверения личности и оружие. У отца и Белова были пистолеты, у Завоськина - карабин и одна граната, не считая ножа за голенищем. С этим арсеналом они собирались стоять до последнего патрона и твердо решили оставить этот самый последний патрон каждый свой для себя. Мысль о сдаче в плен, говорил отец, у них даже не возникала, поскольку твердо были убеждены в том, что добровольная сдача - это измена. Да и им хорошо было известно, что для комиссаров-политруков у немцев плена

не было - пули в затылок отцу и Белову были гарантированы.

Отец вспоминал, что тогда он впервые в жизни заглянул с полным хладнокровием в ствол своего ТТ и даже «прикинул», как это будет получаться на случай приложения его к правому виску головы через партийный билет. При этом страха никакого тогда не испытывал. Возможно от того, что напряжение было слишком велико, да и ситуация была пока лишь воображаемая. А вот как это получится на деле?

Уничтожив документы, они залегли на краю обширных зарослей бурьяна, в надежде пересидеть там до темноты. И сделали это вовремя, так как немцы не заставили себя ждать и внезапно на двух полугусеничных бронетранспортерах - отец называл их «танкетки» - возникли из поднявшегося с восточной стороны пыльного облака. На беду они, видимо, были из тех частей, которые занимались зачисткой захваченных районов и вот поэтому их целью оказался как раз этот бурьянный массив, в зарослях которого они вполне обосновано предполагали найти укрывающихся солдат противника - больше мятущимся в поисках спасения людям в этой степи, превращавшейся днём в летний жгучий зной в полупустыню, прятаться было негде.

Бронетранспортеры остановились метрах в ста-ста пятидесяти от их убежища и с установленных на броне пулемётов открыли стрельбу по всей площади массива. Затем, постреливая для остротки, походили вдоль с «приглашениями» выходить и сдаваться. После чего к ним с поднятыми руками разрозненными группками и поодиночке вышло десятка два-три красноармейцев и командиров. Немцы согнали их в кучу и, проведя отбор, отвели в сторону и расстреляли - скорее всего - выявленных коммунистов, политработников и евреев. Остальных сбили в колону и указали им идти в сторону недалекой отсюда деревни, где, видимо, был пункт сбора пленных. Причём без всякого конвоя. А потом и сами уехали. На всю эту операцию у немцев ушло с час.

Но на этом испытания отца и его товарищей не закончились. Они, понадеявшись на то, что немцы сюда уже не вернуться, решили остаться в своём укрытии до темноты и уж потом продолжить свой путь. Но немцев почему-то опять привлёк эти бурьян - может пленные что-то рассказали - и под вечер вновь послышался звук двигателей. На этот раз это были три «танкетки», одна из которых остановилась не более как в полусотне метров от места, где они укрывались. Дело принимало теперь крайне серьёзный оборот: если первые немцы побоялись войти в бурьян, то эти, вероятно, будут прочесывать всю площадь гусеницами и броней.

Нервы у отца в этот момент не выдержали и он решил сделать перебежку по открытому месту к стоящим метрах в ста в глубине поля скирдам, в надежде, что там он найдёт спасение от неминуемой гибели. Был бы я один, вспоминал отец, то очевидно ринулся бы в этот верный капкан и погиб бы наверняка. Но в самый последний момент перед рывком вдруг сообразил, что своим паническим решением выдаст себя и своих товарищей и тогда им всем, действительно, конец. Да и лежавший неподалеку Белов, очевидно разгадав это намерение, выразительно покачал в сторону отца пистолетом: «Только посмей - получишь пулю!» Кляня себя за глупость, отец остался лежать в бурьяне вместе с товарищами. Немцы тоже не уходили, но почему-то ничего не предпринимали. Было не очень понятно, что они задумали.

Настала ночь. В наступившей густой южной темноте на них вышли два красноармейца, которые тоже хотели выйти к нашим, но они были без оружия, только один с ножом. Бойцы сообщили, что в массиве продолжают скрываться ещё достаточно много красноармейцев и командиров, но они все разобщены и не знают, что предпринять. Посоветовавшись теперь уже впятером, решили было сами «прочесать» бурьян, собрать всех боеспособных и не павших духом, и такой усиленной группой выбираться из этой западни. Но в тот же момент, словно по единой

команде, в воздух взвились и повисли светящиеся ракеты, обозначив сформированное за это время немцами своеобразное кольцо окружения.

Теперь стало понятно, что немцы просто не хотят рисковать в надвинувшейся ночной тьме, а намерены дождаться утра - летние ночи короткие - и на свету затянуть удавку, при этом спокойно перебив тех, которые попытаются выскочить из неё. Поэтому, взвесив все «за» и «против», отец с товарищами решили выбираться из бурьяна именно сейчас, пока темно, и потом двигаться на юг, где, как они предполагали, могли находиться наши войска. Не откладывая, начали движение. Где короткими перебежками, где ползком.

Немцы продолжали регулярно запускать ярко освещавшие окружающую местность ракеты. Иногда слышались одиночные выстрелы и короткие автоматные очереди - какие-то отчаянные ребята, видимо, пытались вырваться из кольца. Понять, где затаились сами немцы, было трудно, и поэтому они чуть не напоролась на одного из этих «осветителей»: он сидел в бурьяне, метрах в пятнадцати-двадцати, но сам себя выдал, закуривая сигарету, а отца с товарищами не заметил. Дальше всё как-то сложилось само собой, даже слов не понадобилось, только переглянулись. Двое - Завоськин и один из бойцов, тот, что с ножом - быстро и бесшумно поползли вперед и в разные стороны. Немец, видимо, что-то почувствовал, затушил сигарету и опять пустил ракету. В тот момент, когда ракета, отбросив искры, погасла, сгустив темноту, послышались сдавленные и приглушённые звуки. Когда, рассказывал отец, они рывком бросились вперед, с немцем было уже покончено - Завоськин убирал нож, другой боец потрошил фрицевскую амуницию. Какой он был, этот немец, молодой или старый, белобрысый или тёмный, отец не видел, да и в дальнейшем о нём не думал, хотя в таких делах «ближнего боя» участвовать ему, артиллеристу, до этого не доводилось.

Немного отлежались, убедившись, что всё было сделано тихо и не вызвало

никакой тревоги: немцы продолжали кидать свои ракеты и изредка постреливать. Тем не менее, надо было спешить - немцы могли обратить внимание на то, что один из них почему-то перестал делать свою работу. Прихватив трофеи - винтовку и патроны к нему - их взял красноармеец с ножом, - флягу и что-то там ещё из фрицевских припасов, - уже за кольцом они ползком преодолели ещё несколько десятков метров, выбирая промежутки между пуском ракет, а затем, пригибаясь, пошли-побежали подольше от этого места. Кругом полная темень.

Пройдя так километра два-три, поняли, что вышли на берег какой-то реки - попали в камыши - и тут же наткнулись на нашего убитого солдата, лежавшего головой в воде, рядом с ним винтовка. Оттащили его на сухое место, но хоронить в темноте не стали - нужно было торопиться. Винтовку у павшего бойца взял другой, безоружный красноармеец.

Пробыв целый знойный день в открытой степи, вырываясь из окружения с предельным физическим и психологическим напряжением и, не имея ни глотка воды, все, помимо того, что были предельно измотаны физически, страшно мучались от жажды. Во фрицевской фляге воды было на пару глотков каждому. Обрадовавшись реке, бросились к воде. Но она оказалась настолько горькой и солоноватой, что пить её было попросту невозможно.

Сориентировавшись по компасу, что был у Петра Белова, и, не меняя направления, они хотели сразу же перебрести реку, но глубина в этом месте заставила переправляться вплавь. Переплыли все.

Снова марш. Но не прошли и одного километра, как опять пришлось переправляться. И так за ночь четыре раза.

Когда рассвело, стало понятно, что в темноте, идя по прямой, они всё время форсировали извилистое русло одной и той же реки. Осмотревшись и ещё раз сориентировавшись, пошли левым берегом. Правда, не все. Присоединившиеся накануне два красноармейца решили теперь идти одни. Возражений не было, хотя в ночном выходе из западни в бурь-

яне ребята показали себя с лучшей стороны и могли бы сгодиться на марше к своим. Но, с другой стороны, безопаснее, как показали предыдущие дни, было двигаться мелкими группами. Они распрощались и ушли, взяв теперь курс восточнее. Придерживаться всё время ночного передвижения не получалось - сидеть в бурьяне или густом ковыле в жару было тоже тяжело, да и подстёгивала мысль, что вот ещё немного и выйдем к нашим.

Наступил день 3 августа 1942 года. Невыносимая жара и безоблачное небо. Вторые сутки шли без крошки во рту. Но больше всего мучила жажда. Хотелось пить, пить и пить.

Кругом открытая, ровная, местами холмистая степь. То здесь, то там поднимаются столбы пыли. Было понятно, что это перемещается немецкая техника. Это, конечно, заставляло то и дело залегать в редких здесь низинках. Часто, на небольшой высоте пролетали самолёты. Немецкие. Наших просто не было видно.

Примерно в первом часу дня по направлению их движения вдали на другом берегу реки показалась деревня. Подошли ближе. Увидели, женщина на мостках полощет белье. Окликнули её. Она не испугалась: мало ли окруженцев бродит сейчас по степи.

Завоськин - благо здесь было относительно мелко - быстро перебрался на другой берег, чтобы выяснить - есть ли немцы в деревне. Вернувшись, сообщил, что утром были - проезжали, но не останавливались. Женщина пригласила к себе и, прежде всего, дала вдоволь напиться. Потом принесла каравай черного хлеба и простоквашу, которые были моментом съедены и выпиты. Узнали, что река, через которую они неоднократно переправлялись прошедшей ночью, называется Большой Гашун («гашун» по-калмыцки «горький»).

Было за полдень, когда малость отдохнувши, они вышли со двора и направились в сторону видневшегося колодца-журавля посередине одного из огородов, чтобы набрать с собой во фляги воды в дорогу.

В деревне - мертвая тишина.

Ни детей, ни взрослых не видно.

Лишь на подходе к огороду навстречу из ближайшей хаты к ним вышел старик лет семидесяти, предложил помочь набрать воды: колодец был на его участке. По ходу расспрашивал, откуда и куда идут. Вздыхал, слушая невеселые ответы.

Поскольку в Сальских степях нет лесов, то огороды здесь окапывают канавой, а из выкопанной земли сооружается и ещё что-то вроде бруствера. Получается какая-никакая, а защита хотя бы от соседского домашнего скота, да и на транспорте просто так это сооружение не перемахнешь. Так что это вместо жердяной изгороди.

«Изгородь» дедова огорода с журавлём была уже старая и потому низкая. Да и осыпавшаяся канава стала мелкой - чуть до колена - и узкой, а с боков поросла редкой побуревшей на солнце травой и полынью, едва кое-где смыкавшейся верхушками. В темпе среднего шага через эту канавку можно было легко перешагнуть.

Напившись вдоволь воды и набрав во фляги, они стояли у колодца и продолжали разговор о том, «что же будет дальше, коли так прёт немец?» Пробовали, конечно, уверить старика, что вернётся наша армия, что это временное отступление и т.д. Словом, стояли и, по выражению отца, благодушничали...

Вот в этот самый момент Завоськин сдавленным голосом крикнул «немцы!» Тут же увидели, что из-за крайних домов с противоположной стороны улицы, от реки выехали две грузовые автомашины, заполненные солдатами. То, что это были немцы сомнений не было. Как так получилось, что никто из них вовремя не заметил поднимающейся вверх пыли от приближающихся к деревне машин, отец не мог объяснить. Возможно, полагал он, их просто расслабила холодная вода и еда и они потеряли бдительность. Теперь предстояла расплата.

Машины в такую жару явно направлялись к колодцу, задранный в небо «журавль» которого призывно виднелся издалека. Спасаться бегством уже не было смысла: да и куда побежишь? Кругом

гладкая, как стол, степь - посекут из пулеметов, а то и подавят колёсами. Они успели лишь только присесть, прикрывшись редким бурьяном вокруг колодца, даже не поняв: заметили их немцы или нет?

Быстрее всех среагировал дед, приглушенно крикнув: «Лезьте в канаву!», и отчаянно замахал рукой в сторону ближайшей «изгороди», которая отделяла колодец от улицы - к такому же, но более надежному укрытию на запятках участка они бы так или иначе не успели. Все произошло в какие-то мгновения. Падая в канаву, отец только успел увидеть, как старик, полуприсев, крестится. Ширина канавы едва вмещала лишь одного легко одетого человека. Втиснувшись в неё и пытаясь, инстинктивно, уйти как можно глубже в землю, он головой касался ног Петра, голова Завоськина упиралась в его ноги. Отец достал пистолет, передернул затвор. По клацанью затворов понял, что приготовились к последнему бою и его товарищи.

Они лежали на спинах, едва прикрытые той склонившейся над канавой выгоревшей на солнце редкой травяной порослью. Старик остался у колодца.

Машины с немцами остановились точно напротив журавля в нескольких метрах от канавы. Послышалась отрывистая команда, но никакого топота сапог спрыгивающих из кузовов машин солдат не последовало. Было лишь слышно, как загремели ведра. С трудом оторвав голову от земли, отец боковым зрением увидел, что к колодцу направляются с ведрами водители, у одной из машин стоят, разговаривая, видимо, два офицера, над бортами торчат головы и плечи сидящих на своих местах солдат.

Стволы пистолетов направлены вертикально вверх. Пальцы - на спусковых крючках. Завоськин - с гранатой. Ситуация до ужаса простая: первый же немец с этих машин - шофер ли, солдат, - заметивший их и поднявший тревогу, был бы тут же, наверняка, убит. Это бы отец с товарищами сделать успели. Но тут же были бы убиты и они - немцы просто забросали бы их гранатами, задавили кин-

жальным огнём солдат в машинах. Это было абсолютно ясно. Но солдаты оставались сидеть в кузовах, а вот шоферы шли с ведрами...

Сквозь редкотравье отец увидел, как первый из них, что-то говоря своему товарищу, легко ... перешагивает прямо через Петра. Следом за ним второй, гремя ведром, перебрасывает ноги теперь уже через отца, ствол ТТ которого сопровождает его растянутый шаг. Немцы прошли к колодцу. И никого шума и криков тревоги. Только скрип колодезного журавля да брнчание ведер наполняемых водой. Неужели не заметили!? Мысль эта, вспоминал отец, не укладывалась в голове.

Набрав воды, шоферы пошли к машинам, но теперь молча и чуть выше места, где лежали отец, Пётр и Завоськин. Напряжение достигло предела: наверняка, заметили, но хитрят и вот сейчас, выйдя из сектора обстрела, обязательно скажут своим о прячущихся в канаве русских и тогда конец. Конец. Но ... тишина. И, слышно, опять идут, брнчат пустыми ведрами. В таком же порядке шофёры сделали и вторую ходку к колодцу. Может быть мне поначалу показалось, вспоминал отец, но «его» немец в этот раз, перешагивая туда и обратно, даже мельком взглядывался в него. Более того, их взгляды встретились и отец увидел на лице шофёра что-то вроде ухмылки. Эту ухмылку отец никогда не забудет. Но и теперь никакой тревоги не прозвучало. Голова отказывалась верить в это! Мыслей не было никаких, лишь только напряжение в комке и одна готовность - вот сейчас!

Отец, как и его товарищи, в этой дичайшей по напряженности ситуации были готовы ко всему, но только не к тому, что случилось дальше, и что до конца жизни угнетало его.

А произошло вот что.

Немцы побрнчали ведрами, заливая воду в раскалённые радиаторы, снова пошёл какой-то отрывистый разговор, потом смех, опять брнчание пустого ведра. Отец приподнял голову: «его» немец теперь один с ведром неспешно шёл в

сторону колодца, офицеры усаживались в кабины. Водитель вновь растянуто перешагнул через отца и теперь на его лице отец увидел ту же ухмылку на лице явно смотревшего на него немца. Было невозможно представить себе, что он не видит при этом следящего за ним пистолетного зрачка? Конечно, видит! Но почему же тогда...!?

Набрав воды, немец, возвращаясь, растянуто перешагнул через отца и, вдруг, звякнув дужкой, поставил ведро на край канавы. Инстинктивно, говорил отец, я вжался в ту земляную стенку канавы, за бруствером которой зачем-то остановился шофер. Весь превратившись в слух и зрение, он слышал его сопение и какие-то звуки, но видел только верх пилотки фрица, по которой понимал, что тот для чего-то повернулся в его сторону. Вот, сейчас, понял отец, вот, сейчас все и произойдет. Сейчас он крикнет своим и...неизбежный конец всему. Как можно выше отец поднял свой ТТ, взял на мушку этот самый краешек пилотки и окаменевшим указательным пальцем стал медленно нажимать на курок...

...И в это время сквозь бледно-серые узорчатые стебли полыни и ещё какой-то травы, нависшей над канавой, на него полетели брызги, заливая гимнастерку и попадая на руки и лицо. И, вдруг, как-то разом, как в дурном кино, он понял, что происходит: не вставая на кромку «изгороди», и, тем самым, чувствуя себя относительно защищенным - пистолет-то в руке этого русского он, конечно, заметил - надувшийся воды немчура мочится на него, стараясь, гад, попасть в лицо...

И отец ... не выстрелил. Он даже помнил, что инстинктивно рукой с зажатым в ней пистолетом прикрывал лицо.

Сделав своё дело, немец, брякнув дужкой, подхватил своё ведро и пилотка исчезла. Оглушенный произошедшим, рассказывал отец, он даже не успел подумать, что же ещё более невероятного после такого может произойти дальше, как услышал хлопки закрываемых автомобильных дверей и рёв запущенных двигателей. Оторвав не желающую подниматься от земли голову, он увидел, что машин

уже нет на месте, а над улицей закручивается поднятая колёсами пыльная завеса. Наступила звенящая тишина, стрекотали кузнечики, скрипел растревоженный немцами журавль....

На ватных ногах они выкарабкались из канавы. У отца в голове туман, правая рука в болезненной судороге продолжала сжимать рукоять ТТ, палец застыл на спусковом крючке. Пётр - также с пистолетом - уже сидел, напряжённо согнувшись, на «изгороди», Завоськин, озираясь по сторонам, стоял, левой рукой утирая грязной пилоткой мокрое лицо и продолжая сжимать гранату в побелевшей от напряжения кисти правой руке.

Не знаю, говорил отец, да и не помню, какое из чувств, овладевших ими тогда, надо поставить на первое место. Смешалось все: и невозможность сразу же осознать, что же здесь только что произошло, и всё ещё обыкновенный человеческий страх перед минувшей неизбежностью гибели, и начинающая пульсировать в голове мысль о том, что они почему-то живы. По-моему, вспоминал он, последнее - то, что остались живы, а особенно на этот раз - возобладало над всеми другими ощущениями. Да и как могло быть иначе? Отцу было двадцать пять, Завоськину лет двадцать с небольшим, а Петру за тридцать.

Старик, который всё время был здесь, но на которого немцы не обратили никакого внимания, подошёл к ним. Руки его тряслись. «Сынки, как же вы живы-то остались? Всё, думаю, вот сейчас вас обнаружат и на моих глазах постреляют, да и меня, старого, заодно туда же, что не выдал вас первым. Но есть Бог! Есть!" Дед часто закрестился и заплакал...

Придя окончательно в себя, рассказывал отец, он ощутил мерзостный запах от своей гимнастерки, обрывая пуговицы сдернул её и попросил старика достать из колодца воды. И, хотя надо было спешно уходить из деревни, долго умывался, как мог застирал с песком гимнастерку и, отжав, тут же натянул её на себя - солнце жгло невероятно. Пётр и Завоськин, понимая дикость только что здесь случившегося, не торопили его с уходом. Да и

вообще в дальнейшем, пока они были вместе, никаких разговоров о том, что произошло с ними, а, особенно, с отцом, не вели. Ведь как не крути, а они-то, его товарищи, пережившие вместе с ним эти страшные минуты в канаве, как никто другой понимали, что, возможно, это садистская выходка немецкого шофёра - не убить, а унижить противника и оставить его жить с этим - спасла им жизнь. Я тогда ещё не совсем понимал, говорил отец, что ребята, на самом деле и прежде всего, были благодарны ему за то, что он вытерпел и не свалил этого ублюдка с расстегнутыми штанами в ту же канаву. Ясно, чем бы это все закончилось...

Но вот чем же руководствовался сам немец-шутник, когда эта идиотская идея пришла ему в голову? Трудно сказать. Мог он поднять тревогу? Да, конечно, мог и вообще-то должен был сделать это. Но почему же произошло так? Может быть, он просто не хотел рисковать из-за каких-то двух-трех русских доходяг, которые и так никуда не денутся - у них у всех, был уверен, в этой знойной степи один конец. Похоже, при этом вполне осознавал, гад, что первая-то пуля может достаться как раз ему, крикни он «русские!» А ведь можно-то, наверное, думал немецкий шоферюга, и по-другому. Ведь всё и так складывается прекрасно - берём их в плен массами, гоним по этой адской степи, вон, уж скоро в Сталинграде будем и на Волгу выйдем!

Наверное, всё-таки это был экспромт, и возник он в те короткие минуты, когда этот гад со своим приятелем мотался между машиной и колодцем и набирал журавлем воду. Они оба увидели русских в канаве и порешили немного поразвлечься, возможно, тот, что «отцов», даже поспорил с другим на бутылку их вонючего шнапса. А это же такая шутка, такая бравада! Да и русский, думал он, себя выстрелом не выдаст - зачем ему и его товарищам оставаться трупами в этой грязной канаве? Вот будет о чём потом рассказывать и гоготать под кружку пива в компаниях шоферни и приятелей или у себя в фатерлянде после победы над большевиками! И, хотя отец, рассказывая

эту историю, додумывал все это за немца, но всё-таки можно предположить, что не все было в порядке у этого немчуры с головой. Ведь одно дело рассуждать так, молча прыгая с ведром через русского, держащего тебя на мушке, а другое - расшепериться над ним с расстегнутыми штанами да ещё и издевательски ухмыляться при этом. Правда, за бруствер всё-таки прятался, боялся, сволочь, что не выдержит русский в канаве, пальнет в него. Но, вот, почему он потом, сидя за рулем рядом с офицером, не раскрыл ему эту свою «хохму», вот это не понятно. А может и раскрыл, а тот поржал «Ну и шутник ты, Ганс!» и хлопнул его по плечу, но возвращаться в такую жару просто уже не хотелось...

Словом, говорил отец, живая смерть шагала через них. И те минуты в канавке у колодца, был он уверен, мало чем отличались от положения тех, которые вместе с другими побывали во рву смертников, но чудом остались живы и в недоумении вставали после того, как уходили их палачи. Говорят, что они сразу становились седыми...

Спасла, конечно, ещё и пресловутая воинская дисциплина немцев. В машинах, на жаре и в пыли сидело два-три десятка фрицев и никто из них не выскочил из кузовов, не ринулся к колодцу. Потому что все они - воля их командира. А он команды не дал, вероятно, куда-то спешил, выполняя, в свою очередь, команду своих начальников.

Тогда ещё ни отец, ни его боевые товарищи не могли знать, что до конца войны оставалось ещё множество дней и ночей и что впереди их ждёт немало трудностей и опасностей, сопряженных с выбором между жизнью и гибелью. Но всё это вписывалось в некую формулу войны, предполагающую, что шансы на выживание и смерть можно было поровну поделить с противником. Но этот случай у колодца выходил за скобки всего возможного и оказался настолько памятным, что если другие уже за временем потускнели или просто забылись, то этот никогда!..

После пережитого Петр Белов вдруг дал некоторую «слабину»: предложил сбросить обмундирование и поискать в деревне какую-нибудь гражданскую одежду. Конечно, они понимали, что следующего такого «удачного» исхода может не быть: уже за одно только то, что они были военными, да к тому же двое из троих - командиры и не просто командиры, а политруки с большими красными звездами на рукавах, то немцы бы ну никак не пожалели на них два-три патрона. Брать троих в плен - для них, рвущихся вперёд в победном блице, - одна волокита.

Отец не согласился с предложением Петра, хотя понимал, что они ещё не раз могут напороться на гитлеровцев. Особенно, если повторят ту же ошибку – беспечность и благодущие. Ведь немцы были кругом и всюду на их пути. А посему они ещё раз порешили, по возможности, днём в населенные пункты не заходить. Подальше держаться от активных дорог, нажать на выносливость без воды и пищи.

Предложение Белова не могло найти поддержки ещё и потому, что они двигались к своим и очень надеялись на то, что всё равно смогут это сделать. Ну а что могло ожидать их, явись они к нашим беглецами в гражданских лохмотьях и без документов? Разжалование, исключение из партии, трибунал и, в лучшем случае, штрафной батальон, а то и смерть с презрением. Пётр и сам устыдился своей слабости, впрочем, вполне понятной в такой ситуации. Переговорив, они решили к этому вопросу больше не возвращаться.

Дождавшись сумерек, они пошли дальше и, пройдя ещё несколько километров, встретили группу наших, человек пять-шесть. Среди них отец увидел командира взвода из своего полка – лейтенанта Гладкова. Все знаки различия на его гимнастерке были спороты. Гладков был комсомольцем. Отец подозвал его и спросил, где его комсомольский билет? Лейтенант, глядя себе под ноги, промямлил что-то вроде «запрятал, закопал в заметном месте».

Отец понял: Гладков полностью готов к сдаче в плен. То, что его намерения теперь стали ясны окружающим, видимо, понял и он сам. Но что они могли предпринять тогда, в той ситуации, в которой находились? Ничего. Наутро, после ночёвки в бурьяне, его среди бойцов и командиров не оказалось и больше отец этого лейтенанта не видел.

Но жажда и голод всё же вынудили их зайти светлым днём в одну из редких деревень. Ведь колодцы были в основном только в населенных пунктах. Немцев там не было. Стояла жара. В деревне как ни в чем не бывало разгуливали кочующие цыгане. Женщины гадали, а мужчины занимались лошадьми. Отец помнил, что тогда ему в голову пришла слышанная где-то пословица: «Не важно, какая волость, был бы конный базар». Среди цыган не было ни уныния, ни растерянности. Они как бы были вне обстановки, царившей вокруг и, похоже, их не волновало, что здесь в любое время могут появиться немцы. Видимо, цыгане не без надежды рассчитывали на то, что они не воюют, никого из воюющих не поддерживают и потому немцы их не тронут. Отец предупреждал их и уговаривал уйти к нашим, где они будут в безопасности, но это было бесполезно. Что с ними стало потом, отец, конечно, не знал, но не сомневался в их трагической судьбе.

Не задерживаясь долго в этой деревне, отец с товарищами, перекусив у местных и пополнив фляги водой, двинулись дальше через неоглядную, выжженную солнцем степь. Дождей не было давным-давно. Горячая пыль обжигала легкие. Шли уже четыре часа, отсиживаюсь при малейшем признаке опасности в бурьяне. Нигде не было видно ни жилья, ни кустика. Наступила ночь. Немного поспали, укрывшись в низинке. До рассвета пошли дальше.

Вода быстро закончилась и опять начала мучать жажда, как будто не пили несколько дней. Гимнастерки промокли, глаза слипались и слезились от грязного пота из-под головных уборов.

Вдруг справа по ходу движения на гладкой поверхности степи они увидели

какую-то неровность. Подошли ближе. Огромная воронка от авиабомбы. На дне ямы вода или, скорее, серая от пыли жидкость. Там же лежала раздувшаяся под жарким солнцем туша лошади: половина в воде, остальная часть - на сухом. Не в силах терпеть жажду они сползли вниз. Вода была теплая, с таким привкусом, что в другое время и ноги мыть не стал бы. И ещё эта погибшая лошадь. Но жажда была настолько сильна, что они не только жадно тут же втягивали в себя эту воду, но и набрали её во фляжки, смочили головы и продолжили свой путь.

В воздухе то и дело пролетали немецкие самолеты, держа курс на восток и обратно. По ним можно было ориентироваться: правильно ли они идут. И понимали, что правильно. Как и многие другие бойцы и командиры, разрозненные и рассеянные по Сальским степям, никто из нас, рассказывал отец, не имел точного представления, где находятся наши главные силы, куда идти и встретят ли они их вообще. Ситуация тогда представлялась крайне критической.

Скажу честно, говорил отец, оптимизма тогда у большинства было мало, волей-неволей приходилось думать, что немцы без особых препятствий продолжают двигаться к Волге и, вероятно, всё-таки сумеют в ближайшее время захватить Сталинград. Отступающие были в курсе целей гитлеровской кампании: немцы своих пропагандистских листовок, как бомб и пуль на головы наших держащихся из последних сил бойцов, не желающих сдаваться врагу, не жалели.

Но даже и тогда, уверял отец, главным нашим устремлением было желание догнать и соединиться со своими, в каком бы состоянии они не находились. Мы, говорил он, хотели драться с немцем. И то, что им довелось пережить в последние дни и ночи, только озлобляло и укрепляло их в желании продолжить борьбу с обнаглевшими гитлеровцами...

А ещё через пару дней отец с товарищами всё-таки вышли к своим. Причём, это произошло как-то незаметно - сплошной линии фронта не было. Они просто вдруг поняли, что немцев вокруг

нет, потом их остановил какой-то отряд уже явно не окруженцев, который занимался сортировкой и приведением отступавших, как писал К. Симонов в «Живых и мертвых» (любимая книга отца), в чувство. Для него и его боевых товарищей пройти неизбежную в таких ситуациях проверку трудностей не составило: они были в своей, хоть и измочаленной до предела форме с сохранёнными знаками различия, документы и личное оружие тоже были при них (тот самый ТТ за номером 2725, который отец прикидывал к своему виску и с которым лежал под шагающими через него немцами, служил ему ещё и в конце 1943 года, когда он после Сталинградской битвы был уже капитаном и командиром батареи управления 5 гвардейской сталинградской тяжёлой артиллерийской дивизии РГК).

В Сталинграде они расстались. Каждый получил новое назначение и хотя воевали они где-то рядом друг с другом, но встретиться так и не пришлось, хотя связи с Петром не теряли.

В первые дни после капитуляции 6-ой армии Паулюса, когда со своими сослуживцами отец осматривал те места, откуда они перед этим огнём тяжелой артиллерии выбивали немцев, то часто там натыкались на полуживых или, лучше сказать, полудохлых от голода и холода фрицев, которые были уже не в силах выползти из вырытых ими нор в отвесных земляных склонах оврагов и балок и сдаться. Если натыкались на таких, то, буквально, выковыривали их оттуда. Ну и... Конечно, признавался отец, мне бы, как политруку, следовало придерживать своих сослуживцев, но язык не поворачивался, сам бы их стрелял, до того, как и все, злой на них был, да и всё думал - глупо, конечно, - что вдруг встречу этого, «своего», что так весело, побрякивая ведром, шагал через него тем августовским жарким днем и... Вот уж тогда он бы отыгрался за всё! Очень, очень отомстить хотелось. И с таким же желанием всматривался он и в эти колонны бесчисленных немецких пленников, но они все, заматанные в тряпье, грязные, небритые были на одно лицо, отмороженное крепкими

даже для нас в том январе и феврале морозами, все они были тем гогочущим немцем-шофером с бренчащим ведром на краю канавы у колодца-журавля. И вдруг отцу стало противно видеть их. Хватало и других нужных и важных дел. А потом пошли послесталинградские боевые будни, новые победы и горечи поражений, новые проблемы, новые потери друзей-товарищей. Война продолжалась.

Были ожесточенные бои сорок третьего года, особенно те, что проходили под Спас-Деменском, потом за Смоленск и Оршу, затем освобождение Белоруссии, потом настала очередь Польши - старый поляк, волком насуплено смотрящий на них, когда они со своими орудиями въезжали в разрушенный то ли немцами, то ли нами его городок, а там, обойдя с юга Варшаву, с боями прошли Лодзь, штурмовали Познань с его мрачной крепостью-цитаделью, и наконец, вступили на землю проклятой Германии, преодолели ад кровопролитных Зееловских высот и вышли на Берлин. И когда, как и многие наши бойцы, отец расписался на мрачных, выщербленных осколками и пулями стенах поверженного рейхстага, то только тогда он начал чувствовать себя отомщённым.

Наш Герой слева. Ещё не оправился после ранения.

Война закончилась, но отец продолжил службу в Группе советских оккупационных войск в Германии. В октябре 1945 года ему, уже майору, был предоставлен отпуск на Родину. В Москве на Белорусском вокзале он попал в объятия Петра Белова, который по ранению и состоянию здоровья уже был демобилизован и поселился в Москве. Поезд отца до Челябинска уходил только на следующий день и уговаривать его переночевать у себя Петру не пришлось.

Отец рассказывал, что они допоздна сидели в холостяцкой комнатухе Белова в коммунальной полуподвальной квартире на Большой Пироговской и выпивали за друзей-товарищей, за всё то, что им довелось пережить и всё-таки добить немца в его логове, в Берлине. Конечно, вспоминались страшные дни разгрома и отступления от Дона через Сальские степи к Сталинграду, ожесточенные многомесячные бои за сам Сталинград. А потом Петр, оставив все прочие воспоминания в сторону, налил им по полному и предложил отдельно выпить за отца, сказав, что вряд ли сейчас они сидели бы с ним за этим столом, если бы он тогда не выдержал и выстрелил в того немца. Отец ответил ему, что всё понимает, но до сих пор так и не решил для себя: был он все же тогда прав или нет?

Вот такая история.

В дописанных моим отцом уже через много лет после войны строкам к его дневниковым записям:

«Годы идут, но до сих пор невозможно без волнения и содрогания вспоминать те страшные и жуткие минуты физического ощущения смерти в тот знойный день 3 августа 1942 года в 3 часа дня у редкого степного колодца на восточной окраине безымянной деревеньки в Сальской степи.

Стоит ли удивляться, что мы и сейчас то и дело кричим по ночам в сонном страхе и нервы потом долго-долго не могут успокоиться?».

Огромное СПАСИБО нашему товарищу, приславшему этот материал.

"Врач сказал в лицо, что всё бесполезно": Морпех с Донбасса отказался быть рабом у западенцев

<https://dzen.ru/a/ZjzhMsn1BmLjz0Hq>

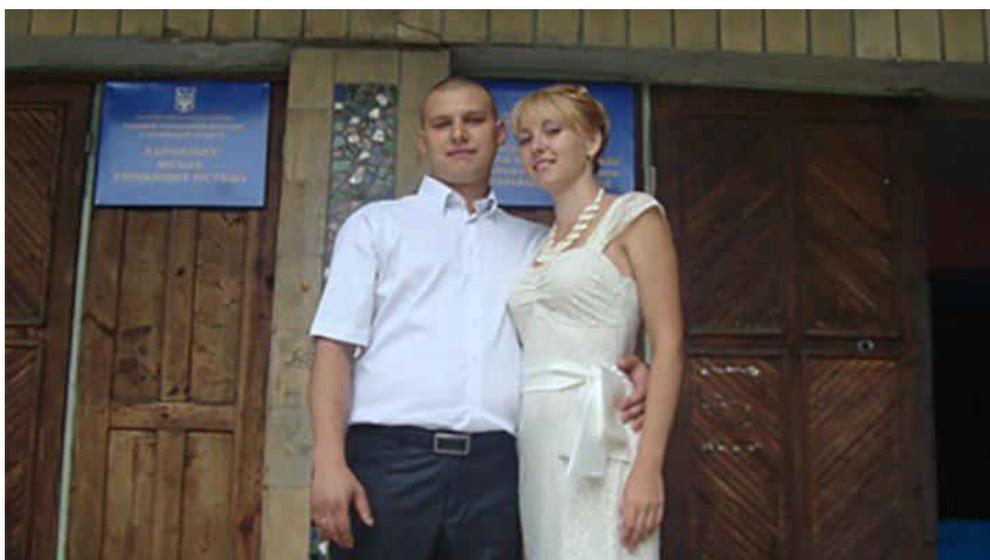

Эта история об изнанке войны, о которой многие не подозревают. И о русских женщинах, которые сегодня сражаются за своих мужчин. Потому что мало уцелеть в бою, часто нужно ещё выжить и в тылу. Мы привыкли восхищаться подвигом жён декабристов. Но он меркнет в сравнении с подвигом русских женщин, чьи мужья получили тяжёлые ранения на спецоперации. Вика – супруга морского пехотинца, который раньше был донецким шахтёром. Евгений не выжил бы, если бы Господь не послал ему такую жену.

ЧЕРТИНОВ ВЛАДЛЕН

Вика с Евгением из Харцызска – города в 26 км от Донецка – познакомились, когда ей было 19, ему – 20. Через две недели хождений за ручку он сказал: "Я влюбился". На что Вика ответила: "Я нет". И услышала: "Ничего. Потом полюбишь". И он был прав.

- Наша страшная история началась в 2014 году. На нас напали свои же. Они прыгали на майдане, а потом к нам пришли западенцы, люди с Западной Украины с нашивками "робовластник" (рабовладелец), и сказали: вы теперь наши рабы. Я не шучу. Им обещали в Донбассе хату и двух холопов, – рассказывает Вика.

*ДЕНЬ БРАКОСОЧЕТАНИЯ. ОНИ НЕ РАЗ СПАСУТ ДРУГ ДРУГА.
ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО ЦАРЬГРАДУ*

Полиция Харцызска сбежала. Люди остались в растерянности. Евгений пришёл домой с шахты со стеклянными глазами, сказал:

- Это моя родина, надо её защищать.

И они, ребята с улиц, отказались быть рабами у западнцев и стали создавать подразделения.

Начались бои за соседний Иловайск. Их дом содрогался от взрывов, Вика из окна смотрела на зарево и знала, что муж где-то там. Спустя год он рассказал: их было триста, а выжило тридцать. Показывал могилы по обе стороны дороги в Дебальцево, куда они отступали: по ней можно идти и по пути все время кого-то поминать.

В 2014-м они победили. Но ещё долго просыпались по ночам. Фото предоставлено ЦАРЬГРАДУ

- В 2016-м, уже после освобождения Дебальцево Женя не мог спать – просыпался от любого звука с красными глазами. Когда они входили в Дебальцево, видели, как голодные исхудавшие дети вылезали из подвалов. Находили изуродованные трупы солдат, чуть присыпанное захоронение стариков и женщин. Многие его товарищи тогда не выходили из запоя, а он держался, – вспоминает Вика.

После войны Евгений пробовал вернуться на шахту, но ему было тяжело общаться с теми, кто не пошёл воевать. Кто-то говорил: "Меня жена с тещей в сарае заперли". Кто-то: "Я бы пошёл, да у меня дети". Он отвечал им: "У меня тоже дети. Я за своих и твоих воевал, пока ты в сарае отсиживался".

Перед войной, при Януковиче, который поддерживал Донбасс, Женя получал тысячу долларов (7 тысяч гривен). Вика не понимает вообще, почему "эти идиоты" на них напали, ведь вся страна жила за счёт Донбасса, Луганска и Харькова, где сосредоточены заводы и институты.

А после войны денег стало не хватать. При переходе на рубли зарплаты просто умножили на два. 7 тысяч гривен превратились в 14 тыс. руб. Далеко не тысяча долларов. Когда Евгений служил, получал 22 тыс. руб. И с этих денег ещё пытался что-то откладывать.

Но всякий раз, когда у них в роте кто-нибудь погибал, он приезжал и забирал из копилки все сбережения. Они выдавали семьям, потерявшим кормильцев, мешок гречки, риса, два ящика тушёнки и ещё скидывались, потому что у родственников часто не было денег на похороны. Вика мужа понимала:

- Я не спорила. Работала бухгалтером на базе и могла в крайнем случае под зарплату набрать продуктов. Понимала, что есть люди нищие. Как-то услышала на рынке разговор двух женщин, приехавших из Иловайска после снятия окружения: "Давай хотя бы бычков пару кило купим, на неделю нам хватит". Килограмм стоил 50 рублей, у этой рыбы голова

большая, тела почти нет, но зато она быстро клюет – её раньше покупали для кошек. Я шла домой и редела.

*САМЫЙ РАДОСТНЫЙ ДЕНЬ. 2017 ГОД. ЕВГЕНИЙ В ДЕНЬ ПОБЕДЫ С ВИКОЙ И СЫНОМ ГЕОРГИЕМ.
ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО ЦАРЬГРАДУ*

В 2019 году Евгения назначили командиром батальона и дали участок 8 км на линии соприкосновения. У него не сложились отношения с командированным в Донбасс полковником из России (их называли "консультантами"). Получил несколько выговоров по службе. Женю не устраивало, что идёт война, а им, образно говоря, приказывали траву красить. Пришлось уволиться и уехать в Москву работать на стройку: родился второй ребёнок – дочка, и семью надо было кормить.

МИНУТЫ СЧАСТЬЯ НА ФОНЕ ВОЙНЫ. ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО ЦАРЬГРАДУ

Больше всего Вике жалко донбасских детей. У её знакомой, когда началась вся эта "страшная история", сыну было 10 лет. Прошло ещё 8 лет, и его с института мобилизовали вместе с другими ребятами. Кроме войны, он так и не успел ничего толком в этой жизни увидеть.

С началом спецоперации и у них в городе стало очень громко, Вику с детьми знакомые позвали пожить во Ржеве. Там находится авиаремонтный завод. Однажды заревели тестируемые авиадвигатели. В этот момент они стояли на остановке. 12-летний сын Вики схватил двухлетнюю сестру, залез под скамейку и закрыл малышку собой. Все, кто находился на остановке, были шокированы.

В 2022 году донецкие ребята, с которыми Евгений раньше воевал, позвали его в морскую пехоту. И он уехал под Мариуполь. Ему восстановили капитанское звание. Дали в

подчинение мобилизованных дончан, набранных по линии министерства образования: преподавателей, никогда не державших в руках оружия. Всем далеко за сорок. Такой личный состав.

Из-под Мариуполя перебросили в Пески. 19 мая прошлого года Евгений должен был расчистить участок от мин. Мину нужно было взорвать, выстрелив с безопасного расстояния. Но они не знали, что имеют дело с минами с увеличенным радиусом действия. У Евгения пиликнула рация, и две мины, между которыми он находился, среагировали.

Ему оторвало по колено правую ногу, правую руку искорёжило. Скакнуло внутречерепное давление, и случился инсульт, вся левая сторона тела оказалась парализована.

"Мы не знаем, почему он всё ещё жив"

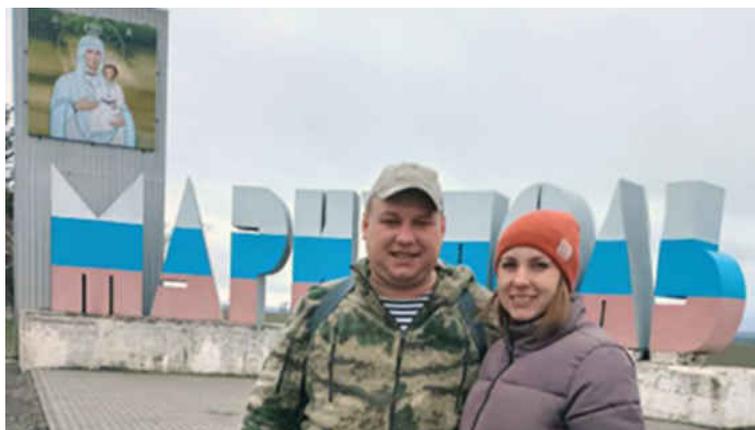
Евгения срочно доставили в Донецк, в Центре травматологии сделали ампутацию ноги. Стали отказывать почки, а помочь не могли: за месяц до этого в больницу попал снаряд – прямо в кабинет, где стоял аппарат для диализа. Вика с мамой Жени просили отвезти его в другую больницу, но им почему-то отказывали.

- Пришлось вечером звонить командиру, который был в Крыму на собственной свадьбе. Если бы не позвонила, Женя б не выжил. Командир ночью начал писать министру здравоохранения ДНР, тот поднял главврача больницы, утром мужа вертолётом доставили в Ростов-на-Дону, – рассказывает Вика.

Из Ростова Евгения отправили в Питер, в один из госпиталей Военно-медицинской академии. Вика с мамой прилетели к нему. Их пустили в реанимацию. Муж был похож на осьминога – весь в трубках. По новой методике вакуумные отсосы ставят к ранам, они вытягивают жидкости, и раны быстрее заживают.

Молодой врач сказал им: "От вас на 90 процентов будет зависеть, выживет он или нет". Вика не раз вспоминала потом эту фразу.

- Я всегда боялась открытых ран. А там ещё банка крови стояла, которая с него натекла. И у меня кружилась голова – мутило от её вида и запаха. Первое время в реанимационной была как в тумане. Потом это прошло, – признаётся она.

МАРИУПОЛЬ. ЗА МЕСЯЦ ДО... ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО ЦАРЬГРАДУ

Мама Жени дежурила в палате днём, а Вика ночами – спала урывками на стульчике. Готовила еду, кормила из ложечки, убирала то, что натекало в банку через катетер. Причём убирала и за пятерыми соседями по палате. Все – ампутанты.

- Первую ночь никогда не забуду. Привезли 25-летнего артиллериста без ноги с пробитым кишечником. Он не мог заснуть – его все время тошнило, я его успокаивала: "Эдик, потерпи". Другой парень, Сергей, без двух ног. Ему мерещилась в углу женщина в белом. Он пытался ползти к ней. У меня волосы на голове шевелились. Его привязали к кровати.

Левая нога у Жени хоть и уцелела, но там много ран. Он и сейчас не может на ней долго стоять – ему больно: под коленной чашечкой остался осколок, который врачи не могут убрать.

Кроме того, на животе был вырван кусок мяса, там нет мышц – внутренние органы прикрыты лишь кожей. Ему четыре раза вскрывали живот, и образовалась огромная грыжа. А на спине – огромный пролежень (омертвление тканей), который дошёл почти до кости.

В течение полутора месяцев анализы были такие, что врач каждый раз встречая Вику, говорил:

- Всё очень плохо. Не знаю, почему он до сих пор жив.

Вика, оставшись одна в гостинице, выла от горя. Но, в отличие от врача она знает, почему муж живой. Она всегда молилась за Женю, крестила в дорогу, когда уезжал на фронт. Женю все называли заговорённым. Считали: его ничто не берет. И то, что он выжил после таких ранений, тоже чудо, ведь из него вынули больше ста осколков.

Когда они с мамой Евгения только приехали в Питер, не знали, где искать нужный госпиталь. По телефону сказали, что им нужно большое серое здание на площади Ленина. А навигатор почему-то привёл их от метро к маленькой неприметной церквушке за деревьями.

Пока ехали в Питер, мы всё время молились Николаю Чудотворцу. И оказалось, что это храм Николая Чудотворца. Поставили свечки, написали записочку. А когда вышли, сразу увидели нужное серое здание, хотя до этого шли мимо и в упор его не заметили.

"Ничего не объяснили..."

Изувеченные парни в палате ещё умудрялись шутить. На второй день в реанимации муж сказал Вике:

— А доктор нас вчера мыл".

— Да ты что!

— Да, включил датчики пожарной сигнализации, и вода с потолка полилась.

И рассмеялся. Только смех этот выглядел страшным, потому, что в первые месяцы его лицо было перекошено. Он пытался разговаривать с соседом, который был совсем плох: весь замотанный, торчали трубки из живота и только язык все время шарил по губам.

Женя увлекается историей – его просили рассказывать что-нибудь. Разговорами они с Викторией привели в чувство Сергея. Его перестали привязывать к койке. Он, как и Женя, оказался футбольным фанатом – выяснилось, что в молодости после какого-то матча любимых команд они в составе своих группировок даже друг с другом дрались.

ЖЕНЯ И ВИКА. ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО ЦАРЬГРАДУ

Женя пил по пять литров воды в день, и с него тёк пот. Менять постельное бельё ему не хотели, потому что это пришлось бы делать слишком часто. Вика подкладывала под мужа пеленки, – поворачивать его было невозможно – вес 140 кг, рост 190 см. Началась кожная инфекция. Накупили каких-то мазей, но они не помогли:

- Врачи и медсёстры были настолько загружены, что ничего нам не объясняли. Не хватало персонала. Было потеряно много времени. Вместо того чтобы заниматься лишь выносом утки, я могла бы сразу начать делать послеинсультные упражнения. Мне пришлось узнавать всё самой в интернете. Очень помогла волонтер, приходившая стричь раненых. Она сказала, что от одноразовых пелёнок только хуже, так как кожа прееет, подсказала нужную мазь.

Жене сделали протез, но из-за инсульта не давали его надевать. Встать для него – это как поднимать штангу: нагрузка на сердце возрастает в три раза, и оно может не выдержать. Ему пересаживали кожу на пролежень с других участков тела. Сняли гипс с правой руки, которая вся была сшита. Один палец вырван, от другого остался "пенёчек", суставы остальных не действовали – стали их разрабатывать. Левая рука начала отходить после инсульта, но малейшее прикосновение к ней вызывало боль.

ПОДАРОК КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ: ПРОГУЛКА. ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО ЦАРЬГРАДУ

"Все плохо: ничего делать уже не надо"

А за окном палаты светило солнце, и у Жени появилась мечта – 15 августа, в день своего рождения, выехать на улицу покурить. Мечта сбылась. Его вынесли прямо на больничной каталке.

Вика просила, чтобы Женю осмотрели кардиолог, невролог и что-то назначили. Наконец невролог пришёл и сказал, что всё плохо: ничего делать не надо – все равно не поможет.

- Я не ожидала от врача услышать такое, да ещё при Жене. Он после этого замкнулся, отвернулся к стене, сказал мне: "Езжай, пусть всё будет как будет. Лучше бы я застрелился". Я не могла говорить – ком сжимал горло. Я старалась каждый раз заряжать его чем-то светлым, а тут такой удар, у меня был упадок сил, – вспоминает Вика.

Она решила отвезти мужа к психологу, ей посоветовали [обратиться к Светлане Лазаревой](#). Но Женя уже ничего не хотел слышать. Вика три дня уговаривала, вылила море слез. В итоге пришлось обмануть – сказать, что они поедут к реабилитологу.

Была зима. Она по сугробам толкала тяжёлую коляску с мужем, помогала ему пересаживаться в такси. После первого же сеанса он перестал прогонять жену и на второй сеанс уже поехал без разговоров. Через месяц прошла асимметрия лица. У него появилась цель – встать и пойти. Он хочет вернуться служить. Ведь ему дали категорию "ограниченно годен", а это значит, что должны где-то предоставить и служебную должность.

Евгений побывал в пяти госпиталях – к сожалению, не все они приспособлены к перемещению людей на инвалидных колясках. О том же нам рассказывал и [другой герой наших публикаций](#) – бывший мэр Петрозаводска Владимир Любарский.

А вот каким у Жени выдалось первое посещение душа. Чаша душевой на 30 см была выше пола, и чтобы заехать в неё на коляске Евгению приходилось раскачиваться, а Вике сзади рывками толкать.

Министерство обороны бесплатно поселило Вику и маму Жени в гостиницу. Но начался сезон белых ночей, и их вместе с другими родственниками попросили освободить номера на время.

- Куда? Мы в чужом городе. Мы готовы были заплатить. Но, видимо, наши места кто-то заранее забронировал. И эта ситуация повторялась дважды.

В итоге матери и жёны героев снимали комнаты на четверых с помощью волонтеров.

"Всё будет хорошо!"

Фронт сегодня в значительной степени держится на добровольцах – как военных, так и гражданских. Та же картина, видимо, в госпиталях. В одном из них православные сёстры милосердия организовали группы массажа, дежурили в палатах, установили в ванной стиральную машину. Нашли свободный уголок и за свой счёт поставили брусья, с помощью которых Евгений вместе с другими ампутилантами учился ходить на "новых ногах".

Волонтеры фонда "Сильные духом" подарили ему коляску. Когда однажды зимой Вика везла мужа по двору, её увидела волонтер другого фонда Елена Ясная. Спросила: "Сам не катает?". Узнав, что руки у Евгения толком не действуют, подарила ему другую коляску – электрическую.

На время выселения из гостиницы знакомые свели Вику с живущей в Петербурге женщиной из Горловки, и та пускала её к себе, а потом, когда мама Жени вернулась в Донбасс, и вовсе пригласила пожить у неё. Позднее она сняла за 20 тысяч квартиру в Пушкине. И однажды привезла туда Женю.

- У него было счастливое лицо. А потом его накрыло. Из груди вырвался стон – такой, будто душа наружу рвалась. Но он быстро пришёл в себя и мясо нам жарил, – вспоминает Вика тот день.

С тех пор она уже трижды привозила Женю к себе. Их первый выезд в город состоялся по необходимости. У Евгения при взрыве сгорела симка, на которой было онлайн-приложение банковской карты. Отправились в отделение банка "Россия", да перепутали: прибыли в филиал, обслуживающий юридических лиц.

ВОЛОНТЕРЫ УСТРОИЛИ РАНЕНЫМ ПОЕЗДКУ В МУЗЕЙ АРТИЛЛЕРИИ. ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО ЦАРЬГРАДУ

- Пришли девушки, сказали, что сейчас вызовут ребят из другого филиала и все сделают. Они очень уважительно к Жене отнеслись, но ему показалось, что на него смотрят с жалостью. Он разволновался. У него снова искривилось лицо. Я думала, у него сейчас новый инсульт случится,— признаётся Вика.

То же самое повторилось во время первого похода в кафе у Витебского вокзала. Женя прятал руку с оторванным пальцем, опускал глаза, ему казалось, что все на него пялятся. Вика не узнавала мужа.

- Раньше он всегда был уверен в себе. Меня не раз спасал от истерик его твёрдый взгляд. Он присутствовал на родах нашего сына. У меня тогда разошёлся таз, лопнул хрящик: я с грудным ребёнком, а ходить не могу. Мне сделали корсет, но полгода, пока хрящик срастался, было безумно больно. Я сидела под углом 45 градусов. Женя меня носил на руках в ванну и туалет. И произносил: "Всё будет хорошо".

Теперь, когда Женя сам оказался в похожей ситуации, Вика часто повторяет ему его фразу.

Главное хорошее для них сейчас – дети. Пока Вика находится с мужем, дети у бабушек. Сын Георгий приезжал в Петербург. Он в свои 14 лет уже крепыш – весь в отца. Спокойно принял случившееся. А с трёхлетней дочкой Ариной по видеосвязи состоялся такой разговор:

- Когда вы приедете?
- Когда папе выдадут железную ножку.
- Скажите доктору, чтобы выдал человечью. Я же с железной ножки буду смеяться.
- Над папой нельзя смеяться, папа герой.
- Ладно, не буду.

ЖЕНЯ УЧИТСЯ ЗАНОВО ХОДИТЬ. ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО ЦАРЬГРАДУ

А на следующий день Арина не утерпела – всем детям в садике рассказала, что у папы будет железная ножка. И ещё сказала, что пойдет в церковь помолиться за папу.

Недавно Женю выписали из госпиталя. Для человека, который лежал и ничего не мог, у него невероятный прогресс. Он сам пересаживается с кровати на коляску и обратно, встаёт. Правая рука у него стала рабочей, левая тоже отошла, но кисть ещё слабая.

- Нужны время и его старания, а Женя по натуре нетерпелив. Это испытание для него – научиться терпению. Когда он его пройдёт, начнёт восстанавливаться гораздо быстрее, – считает Вика.

Правая нога у Жени ампутирована по колено. Ему выдали бионический протез, который выполняет коленную функцию и программируется с помощью мобильного телефона. Евгений уже ходит. Пока недолго – минут по десять

ОНИ ЕЩЕ ПОТАНЦУЮТ. ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО ЦАРЬГРАДУ

Ангелы с обгоревшими крыльями

На СВО немало людей получают очень серьёзные раны. А теперь представьте, каково им выживать, находиться в госпитале да и просто жить дальше, если рядом нет такой жены.

На вопрос, что нужно, чтобы быть женой раненого, Вика всерьёз говорит: "Медицинское образование". Но, узнав историю их семьи, в голову приходит другое слово – Любовь.

Вика порой сама удивляется, откуда у неё взялось столько сил. По утрам, просыпаясь, ей бывало трудно открыть глаза, но когда она выходила из дома и снова ехала в госпиталь, радовалась любой мелочи: солнцу, листве на деревьях.

Она придумывала себе хорошие истории про них с Женей. Про то, как они обязательно куда-нибудь все вместе поедут. Мысленно разговаривала с ним. Представляла: вот сейчас войдёт к нему в палату и пошутит вот так, он вот так ей ответит, а она на это скажет ещё что-то весёлое.

И ещё в ней живёт уверенность, что в этой борьбе за Женю рядом с ней есть ещё кто-то.

- У меня однажды будто раздвоилось сознание, и я увидела образ: во время взрыва Женю заслоняет собой его ангел-хранитель, и теперь он с обгоревшими крыльями тоже лежит на больничной койке где-то в параллельной вселенной. Я всё время говорю ему: "Спасибо за Женю". Прошу мужа: "Хотя бы иногда мысленно благодари ангела, закрывшего тебя от двух мин". Я безоговорочно верю в Бога, а Женя спрашивает: "Где был Бог, когда я хоронил друзей?". Но когда он слышит от меня про этого ангела, у него на глаза наворачиваются слёзы...

Комментарии⁴⁹⁷

Вера Толстова Господи, помоги этим людям! Низкий поклон Евгению и Вике. Верьте, все у вас будет хорошо. Держитесь!

Не тетки Вот такие семьи нужны России. Верные жены, любящие мужа. Что может быть лучше для человека, чем семья, дети, родные люди рядом?

ДЕНЬ ПОБЕДЫ – 2024

Киев. 9 мая 2024 года

Как мы радовались людям, которые несли и несли цветы к Вечному Огню: обнимали нас с Володей и фотографировали детей с нами. Не обращая внимания на полицейских, которые окружили нас плот-

ным кольцом, заставляя снять пилотки, протискивались к нам, жали руки, поздравляли с праздником и дарили цветы, ругая полицейских.

Фото на ходу незнакомой девушки Светланы Пеле:

*На нас форма образца 43-го года, раритетная.
Несем цветы к Вечному Огню.*

У Вечного Огня нас с Володей «замела» полиция, не дав возложить цветы. «Это Вы против сноса памятников?» - спросил меня полицейский. Я кивнула головой. «Тогда садитесь в машину», - командовал старший. На участке на нас составили «Админпротокол» ... за ношение пилоток с красными звездочками. В протоколе я написала: «*Не согласилась с требованием полицейских снять пилотку, т.к.*

это нарушает Устав моей организации ВУССО, зарегистрированной Минюстом Украины».

Продержали нас на участке часа два, но до метро потом подбросили на служебной машине, т.к. у Володи разболелась нога: ему ведь за 75-ть.

Работники полиции вели себя корректно.

А это уже заголовки из украинской прессы:

Днепр □ Ситуация в Киеве □ Проблема в Пилотке □ День Победы □ Забыли Лик Своих Отцов □ Днепр 9 мая 2024 г.

9 мая в Киеве. Бешеная ватница устроила победобесие и ...

YouTube · УНИАН

В Киеве "ветеранка" с советской звездой устроила провокацию у Мемориала вечной славы.

Фоторепортаж.

В Киеве старушку попытались заставить снять пилотку с ... **LiveJournal** <https://turmalin-morion.livejournal.com>

В Киеве местные правоохранители не пускали к Вечному огню пенсионерку в советской военной форме и попытались заставить женщину снять пилотку... "Ветеранка" с советской звездой, засветившаяся у Мемориала вечной славы в Киеве, с 2018 года в базе "Миротворца".

Фото.

В Киеве со старушки попытались снять пилотку с ... в Рубцовске.ру <https://vrubcovske.ru/news/ekonomy>.

P.S. А СВОИ ЦВЕТЫ Я УСПЕЛА-ТАКИ ПЕРЕДАТЬ ЛЕНЕ МАЗУР С ПРОСЬБОЙ ПОЛОЖИТЬ ИХ К ВЕЧНОМУ ОГНЮ, ВСЛУХ СКАЗАВ: «ОТ ГАЛИ САВЧЕНКО».

*С уважением,
Галина Савченко и Владимир Ковальский,
г. Киев, 09.05.24.*

Удивительный мир сказок Ивана Билибина

Род Билибиных имеет славные старинные корни. Имя купца Билибина упоминалось в «Строельной книге» за 1590 год. Купцы Билибины в начале XIX века переселились из Калуги в Санкт-Петербург. В его окрестностях, в селе Тарховка в 1876 году появился на свет Иван Билибин. Его отец, Яков Иванович, занимал пост главного врача в военно-морском госпитале в Либаве (ныне Лиепая, Латвия).

В сентябре 1898 года Билибин поступил в Тенишевскую мастерскую И.Е. Репина. Обучение у великого живописца было очень важным для него. В мастерской Репина раскрылся его талант художника.

Зимой 1898-99 в Петербурге проходила выставка В. М. Васнецова, которая потрясла Билибина и определила его творческий путь. Позднее он вспоминал: «Сам не свой, ошеломлённый ходил я после этой выставки. Я увидел у Васнецова то, к чему смутно рвалась и тянулась моя душа».

Под впечатлением от произведений В. М. Васнецова и Е. А. Поленовой Билибин летом 1899 создал первые иллюстрации к русским сказкам, в том числе и к «Сказке

об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке». Работы были выполнены в акварели.

Иллюстрации к «Сказке об Иване-Царевиче, Жар-птице и Сером волке», 1899 год.

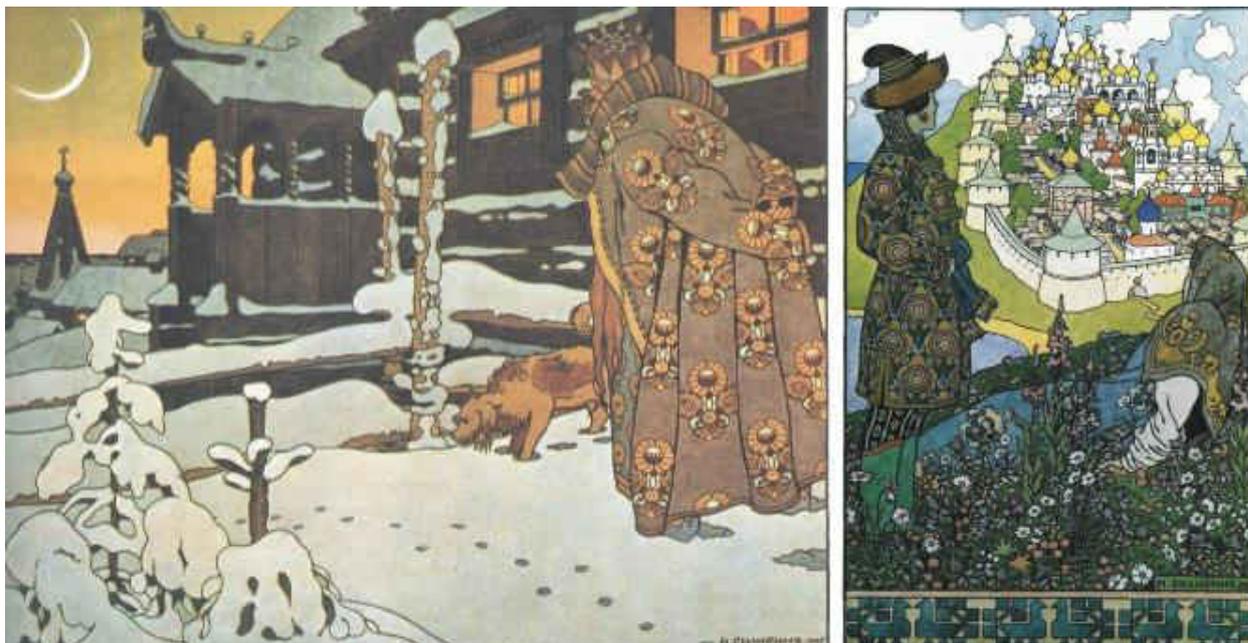
Портрет И. Я. Билибина кисти Б. Кустодиева, 1901г.

Иван Яковлевич Билибин был по натуре весёлым и очень остроумным человеком, «он был высок, строен, всегда элегантно одет» (по мат-м Е. П. Климова). Левитский, учившийся с Билибиным у Репина, вспоминал: «...среди массы учащихся, я увидел молодого, жизнерадостного, черноватого с большой бородой для своих лет студентика..., это был милейший человек, очень весёлый, общительный, а главное

работавший так, как будто бы рисование у него между прочим...».

С 1899 по 1902 Иван Билибин создаёт серию из шести «Сказок», изданных Экспедицией заготовления государственных бумаг. После в том же издательстве выходят сказки Пушкина о царе Салтане и о Золотом петушке и чуть менее известная былина «Вольга» с иллюстрациями Билибина.

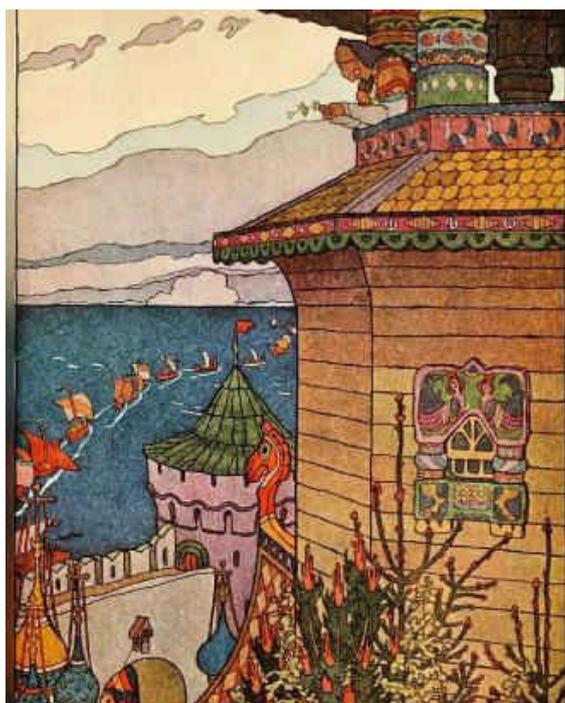
Иллюстрации к сказке А.С. Пушкина «О царе Салтане».

Княгиня на теремной башне.

Иллюстрация к сказке «Белая уточка». В иллюстрации «Княгиня на теремной башне» художник впервые применил приём совмещения нескольких точек зрения, который будет характерен для многих последующих работ.

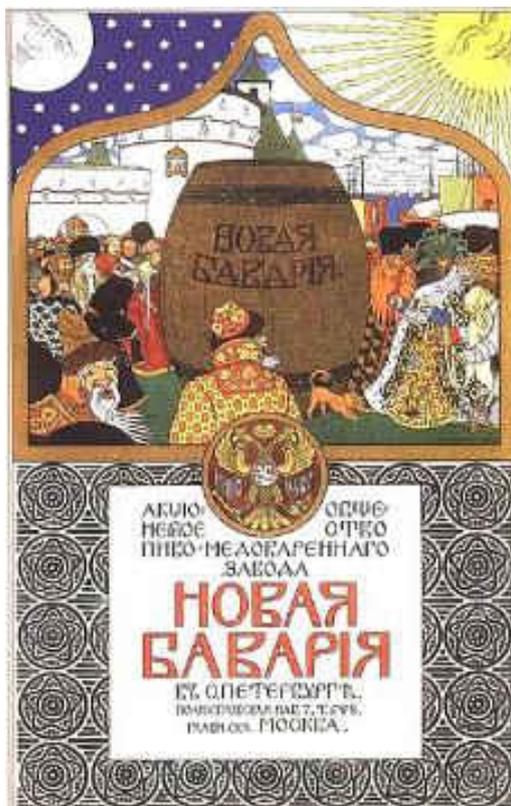
М. Гордеева обращает внимание на композицию, которая построена таким образом, что «зритель смотрит на городские стены и убегающие по волнам к горизонту кораблики сверху, в то время как на княгиню – снизу».

Сказки с картинками Билибина разошлись по стране большими тиражами и принесли ему известность художника-сказочника, создателя особого типа иллюстрированной книги. Они выпускались в виде тонкой книги-тетради. Для их оформления мастер исполнил декоративные элементы обложки, заставки, орнаментальные украшения - всё это придавало книгам сходство со старинными рукописями, ведь художник продумывает не только рисунки, но и все деко-

ративные элементы: шрифты, орнаменты,

Процесс выполнения И. Я. Билибиным графического рисунка был похож на труд гравёра. Сначала он набрасывал эскиз на бумаге, уточнял композицию во всех деталях на кальке, а затем переводил на ватман. После этого колонковой кистью с обрезанным концом, уподобляя её резцу, проводил по карандашному рисунку четкий прово-

лочный контур тушью.

Немногие знают, что Билибин работал и в сфере рекламы.

Рекламный постер продукции Акционерного общества пиво-медоваренного завода «Новая Бавария», созданный Иваном Билибиным.

Здесь торжествует традиционная символика сказочного мира: в верхних углах плаката на центральную картинку заглядывают с одной стороны — месяц со звёздами, а с другой — антропоморфный облик улыбающегося солнца. В центральной части композиции красуется товарный знак, а над ним — сцена из боярского быта на фоне древнерусских крепостных стен. Бояре хлопочут вокруг огромной бочки — её размер сравним с крепостной башней, на которой украшения, инициалы и всё остальное. Надпись: «Новая Бавария». Нижняя

половина плаката отдана отчётливому графическому начертанию реквизитов фирмы.

В широте позитивной реакции на эту праздничную картинку, на наш взгляд, сомневаться не приходится.

Кроме того, художник создавал афиши, адреса, эскизы почтовых марок (в частности, серию к 300-летию Дома Романовых) и около 30-ти открыток для Общины святой Евгении. Позже Билибин рисовал открытки для русских издательств в Париже и Берлине.

Тот самый двуглавый орёл, который используется сейчас на монетах «Банка России», принадлежит кисти знатока геральдики Билибина. Художник нарисовал его после Февральской революции в качестве герба для Временного правительства. Птица выглядит сказочной, а не зловещей, ведь рисовал её известный иллюстратор русских былин и сказок. Двуглавый орёл изображен без царских регалий и с опущенными крыльями, по кругу сделана надпись «Российское Временное правительство» и характерный «лесной» билибинский орнамент. Авторские права на герб и некоторые другие графические разработки Билибин передал фабрике «Гознак».

Первый опыт Билибина в сценографии — оформление оперы Римского-Корсакова «Снегурочка» для национального театра в

Праге. Следующие его работы — эскизы костюмов и декораций для опер «Золотой петушок», «Садко», «Руслан и Людмила», «Борис Годунов» и других. И после эмиграции в Париж в 1925 году Билибин про-

должает работать с театрами: готовит блистательные декорации к постановкам русских опер, оформляет балет Стравинского «Жар-птица» в Буэнос-Айресе и оперы в Брно и Праге.

Билибин широко использовал старую гравюру, лубок, народное искусство. Били-

бин был истинным знатоком старинных костюмов разных народов, он интересовался вышивкой, тесьмой, техниками ткачества, орнаментом и всем, что создавала национальный колорит народа.

Царство царя Дадона. городская площадь. Сценография ко второму акту оперы Римского-Корсакова «Золотой петушок»

Со временем Билибин примирился с советской властью. Он оформляет советское посольство в Париже, а после, в 1936 году, возвращается на теплоходе в родной Ленинград. К его профессиям добавляется преподавание: он преподает во Всероссийской Академии художеств - старейшем и крупнейшем в России художественном учебном заведении. В сентябре 1941 года, в возрасте 66 лет, художник отказался от предложения наркома просвещения эвакуироваться из осажденного Ленинграда в

глубокий тыл. «Из осажденной крепости не бегут, её защищают», - написал он ответ. Под фашистскими обстрелами и бомбежками художник создает патриотические открытки для фронта, пишет статьи и обращения к героическим защитникам Ленинграда.

Билибин умер от голода в первую же блокадную зиму и был похоронен в братской могиле профессоров Академии художеств возле Смоленского кладбища.

«Русский Антиквар» №1, 2024 г.

Литература

Александр Толкачёв

Житие человека

Помяни его, Господи, когда придет он в Царствие Твоё.

Продолжение, Начало в номере 41.

В тылу у немцев

В Маёвке они сразу пошли к Зубкову в дом. Оказалось, что половина родни у того в эвакуации, половина не трогалась с места, оставшись на оккупированной территории добровольно.

"Зачем, почему? - думал Бух, искренне не понимавший, что мирное население во всём цивилизованном мире нигде не воюет и во время военных конфликтов предпочитает проживать дома, а не путешествовать по дорогам с отступающими войсками. - Может, наши их с заданием оставили? - строил догадки Алексей Максимович. - А, может, просто не захотели с места сниматься? Нет, наши тут ни при чём! Вон сколько их по домам околачивается. Все агенты НКВД, что ли? Конечно же, добро, хозяйство... У-уу, частники проклятые, куркули! За барахло готовы душу дьяволу продать!" - ворчал он скорее на себя, чем на людей, бескорыстно приютивших его в трудную и опасную минуту. Ведь у самого-то не было вообще никакого дома. Он был бездомен, как пёс бродячий и даже хуже того. С новыми документами и новой биографией не было ему места на родной земле. Не было! Он понимал, что ему нужно срочно и серьёзно подумать о своём будущем, если он ещё хотел жить на этом свете. Немцы, при всей их нынешней победной эйфории, люди действительно серьёзные, и если вдруг что-то пронюхают подозрительное, церемониться не станут - шлёпнут за милую душу и оплакивать некому будет.

Прежде, чем что-то предпринять, решил Алексей Максимович всё же показаться в доме бывшей жены, посмотреть, что там и как. Душа-то болела по старой жизни, не железный же он, с мясом прошлое от себя отрывал, да и дети там...

Это было, конечно, опасно, могли узнать и донести соседи, поди, потом доказывай, почему у тебя, у бывшего партийца и зека, документы на имя какого-то Буха, но он решил.

***

В родных местах Бух с изумлением увидел много знакомых мужиков, молодых, здоровых, со стрижкой под "ноль", сидящих по родным хатам и чего-то ждущих.

"Вот оно что! - сообразил Алексей Максимович. - Значит, и они прошли тем же страшным путём, что и я. Значит, и они ещё не определились в этой новой и странной жизни... Эх, как нужна сейчас твёрдая руководящая комиссарская рука, способная собрать всех воедино и повести..."

Но куда вести, куда? Армия с пушками и танками разбита, так неужели немцев одной трёхлинейкой взять можно? Да и где она, трёхлинейка? Нет, здесь иное нужно... И руководители нужны, руководители! Центр! Штаб! Кадры! Кадры, которые решают всё..."

О родных Бух ничего толком так и не узнал. Жена, по слухам, проживала на далёком хуторе во здравии и в согласии с его преемником, дочери были с нею, в его помощи никто не нуждался и свою не предлагал. Настроение у Буха было препаршивейшее, потому что каждая улица, каждый дом родного города, которые чем-то были связаны с Александрой, вызывали у него почти физическую боль, напоминая о жене, о детях, сердечной резью заставляли думать о тщетности существования на земле, и не прибавляли сил, а наоборот, отнимали последние.

"Господи, как же это непереносимо трудно быть обманутым любимым человеком! Как мучительно больно любить предателя, безжалостно растоптавшего в твоей душе всё самое чистое и светлое! Как трудно после этого сохранить в себе человека и не пустить пулю в лоб...".

И решил он не испытывать больше судьбу, а мотануть куда-нибудь подальше, где о нём знать не знают...

По сведениям, которые Бух собрал в дороге, в Яркино, маленьком шахтёрском городке, был староста и местная, никем не управляемая полиция. Шахтами заведовал пожилой немец, с десятком солдат вермахта. Никаких притеснений с их стороны жители ещё не испытывали.

Но это только начало. Дай им осмотреться, да вникнуть в нашу жизнь... - размышлял Бух. - И все-таки, какой ни какой, а это шанс. Есть в городе и надёжный адресок на первый случай".

Этот адресок ему дал Витя Зубков, добрая душа, провожая старшего товарища в дорогу. Он надеялся на скорую встречу и, возможно, совместную борьбу с врагом.

Бух не надеялся ни на что.

***

В первые дни войны шахты Донбасса работали очень продуктивно, но весь уголь шахтёры вывести уже не могли, катастрофически не хватало вагонов и вся территория вокруг шахт была завалена советским "чёрным золотом". Уходя, наши взорвали шахты, но запасы угля оставались на поверхности земли колоссальные. И это всё досталось немцам, которые, почему-то, с реализацией захваченного в первые месяцы не торопились. Угольные залежи поливались дождём, развеивались ветром, проклинались оставшимися в оккупации шахтёрами и их жёнами, в две смены добывавшими их для фронта при Советах, но от этого горы угля не уменьшались и не исчезали.

Вскоре на шахтах Яркино появился человек, заведовавший у немцев ресурсами. Он довольно быстро собрал команды шахтёров и заставил их работать на рейх. Одни собирали так нужный великой Германии цветной металл, другие сортировали битый кирпич и свозили в общие кучи уголь.

Голод не тётка, да и расплачиваться за хлеб-соль с незнакомыми людьми было нечем, поэтому, как ни хотел, а на работу Алексей Максимович всё же был вынужден выйти.

Шахтёрской специальности у него не было, вряд ли могли пригодиться и его бухгалтерские знания в условиях нового "немецкого порядка", поэтому надежд на "хлебное" трудоустройство Бух не имел никаких. При его здоровье, он это знал, долго работать физически, Алексей Максимович был не в состоянии. В лучшем случае проработал бы полгода и сдох на куче холодного угля, добывая тепло германским печкам и каминам. Посомневавшись в очередной раз в правильности избираемого пути, Бух пришёл к немцу, ведавшему ресурсами, и рассказал ему всё по легенде.

Пожаловался на ранения и нездоровье, на возраст. Особенно нажимал на подробности последнего месяца жизни, усиленно показывал свой страх перед военной мощью германской

армии. Не скрыл, что был в плену и бежал из лагеря. И эта откровенность немцу понравилась очень.

Он ответил:

- Хорошо, старик! Если ты такой откровенный, такой правдивый, ты будешь старшим над рабочими. Будешь получать хороший паек, и великая Германия никогда не напомним тебе о твоём побеге из плена. Я, Франц Цепнер, гауптман, по моей записке ты получишь всё, что тебе нужно.

Бух так сумел понравиться гауптману, что тот сам решил показать "правдивому русскому старику" объём его работы на территории одной из шахт, и объяснить смысл самой работы.

***

На службе великой Германии

На большом отвале шахты масса людей собирала в мешки куски угля. Гауптман, увидев это, расвирепел, выхватил пистолет и хотел стрелять в воздух, но пистолет несколько раз дал осечку и это ещё больше взбесило Цепнера.

- Ферфлюхтен!.. Ферфлюхтен!.. - орал он во всё горло, и в бессилии целился в людей и нажимал на курок.

Собирающих уголь как ветром сдуло с отвала.

Бух, неплохой знаток людей, сразу понял, что эксцентричный немец не такой уж великий ум и практичный хозяин, коли сидя, образно говоря, на вершине разлагающегося угольного Монблана, ничего не делает для его спасения, но зато сам, на глазах у подчинённых и жителей посёлка, пытается охранять песчинки от доставшегося ему богатства силой неисправного личного оружия.

И Бух сделал для себя соответствующие выводы.

Буквально на следующий день Алексей Максимович настолько осмелел, что спросил у гауптмана через переводчика:

- Неужели господин гауптман, в самом деле, хотел стрелять в этих несчастных?

- Да! - ответил гауптман твёрдо. - Германия никому не позволит безнаказанно грабить её военную добычу. Меня пистолет подвёл. Я получил его ещё в Париже и с тех пор ни разу не стрелял из него. Я не кадровый офицер.

- Как? - искренне удивился Бух. - У вас же ранение, шрам на щеке.

- О, нет! Я фон Цепнер! Это понимать надо. Это удар рапиры. Да!

И хотя поначалу Бух ровным счётом ничего не понял из сказанного, но он, благоразумно, сделал глубокомысленно-озабоченное лицо и почтительно склонил голову, обрастающую седым ёжиком волос.

Так он начал работать на немцев в должности заведующего угольными складами и отвалами. И это была самая настоящая удача. Столь важный пост в той непростой обстановке значил многое: Бух исправно распределял, продавал, а кому-то и выдавал всё необходимое по личным запискам самого гауптмана. Мог и на свой страх и риск пустить что-нибудь "налево", но аккуратно, не нахальничая. Так у Алексея Максимовича завелись деньги, вино, продукты питания, а в скором времени у них с Цепнером возникло даже нечто вроде "дружбы".

***

В конторке у Буха всегда толпился народ и народ разный, поэтому у него всегда имелась возможность урвать чужой кусок масла на свой кусок хлеба. Отныне он уже не тревожился за своё неустроенное ближайшее будущее, боялся только старых знакомых, которые могли узнать и донести немцам о том, что он коммунист Коломейчук, а не Бух, и тогда немцы, не разобравшись, могли просто шлёпнуть "правдивого старичка", как советского агента. И ещё он боялся оставаться тёмной ночью один.

Долго не мог заснуть Алексей Максимович, ворочался в постели, думая о своей теперешней жизни, о судьбе несчастной страны, сражающейся далеко на востоке, о партии...

Он не считал себя предателем, потому что работал на немцев под чужим именем, но чувствовал, что иначе назвать его трудно. И в ночном одиночестве Буха не утешали придуманные наспех оправдания, разумные доводы "за" и не менее логичные доводы "против". Он знал, что должен был или бороться с врагом, или сделать шаг в противоположную сторону. Невольно, под давлением обстоятельств, он уже сделал этот шаг, как сделали его миллионы сограждан в оккупированной зоне. Но его личная сопричастность к толпе рабов Германии не приносила утешения.

Бух страдал душой.

***

Власти, в привычном понимании этого слова, в городке не было никакой, но зато существовала итальянская комендатура. Эти итальянцы были то ли из дивизии "Позубио", то ли из корпуса "Торино". А может, и наоборот. Командовал ими комбат Ферванти - полковник. С ним Алексея Максимовича свёл однажды неугомонный гауптман, относившийся к южным союзникам несколько иронично. С полковником у Буха вскоре также наладились самые тесные контакты. Итальянец был на редкость свойским парнем, большим любителем выпить и повеселиться. Притом оба они оказались, как считал комбат, одного года - 1891.

Вообще к итальянцам у Алексея Максимовича сохранилось больше симпатий, чем к немцам. Они не зверствовали и были, конечно, лучше гитлеровцев во всех отношениях. Но всё равно это были оккупанты, и водить с ними знакомство вряд ли нужно было, тем более на виду у всех русских жителей городка. Бух это понимал преотлично, как, впрочем, понимал и то, что жить и работать в оккупированном врагом городе и не водить с ними знакомство - невозможно. Да и опасно. Очень опасно сторониться тех, кто в силе и ищет не только встречи с тобой, но и дружбы.

***

Качентраменто

Однажды, месяца через три после своего трудоустройства, поехал Алексей Максимович на соседнюю шахту и там был неожиданно арестован итальянскими солдатами. Его арестовали и посадили в "качентраменто" - в лагерь.

В лагерь итальянцы уже до чёрта собрали здоровых и сильных мужиков, которых прилично кормили, работой не изнуряли и даже разрешили вести переписку.

Никаких объяснений и протестов от Буха не принимали, заявляя на все просьбы одно:

- Поедешь вместе со всеми на фронт копать для нас окопы. А пока сиди, отдыхай, набирайся сил, они тебе ещё пригодятся.

Хорошо, что за забором лагеря Бух увидел знакомого парня и попросил его, чтобы тот сказал Ферванти о том, что его русский друг сидит в "качентраменто".

Через трое суток Алексея Михайловича освободили из лагеря. Приехал итальянец на трескучем и вонючем мотоцикле и увёз его назад на шахту. Вот тогда Бух и понял, что знакомство с фашистами может нести не только опасность, но и выгоду.

"В итальянском "качентраменто" кормили действительно хорошо. Даже очень! - с удовольствием вспомнил Бух блюда южной кухни. - Каждый день давали итальянские макароны с распаренным варёным мясом. Очень вкусная еда! Если бы не предстоящая отправка на фронт, можно было бы и дальше сидеть у итальянцев, ей-богу!"

***

Свобода в плену

И вот Бух снова на работе, снова в обществе оккупантов. Работает, как всегда, на совесть, потому что откровенно боится немцев, опасается опереточных итальянцев и чувствует смутную тревогу в присутствии соотечественников.

Да и как не бояться немцев? Они уже успели себя показать не с лучшей стороны. Вся округа стонет и полнится страшными слухами. И все вокруг их боятся, даже итальянцы. Боятся и ненавидят, но работают так же, как и Бух. Слишком уж большие мастера оказались господа фашисты по части нагнетания всяких ужасов: тут и виселицы в центре городка, и массовые расстрелы, и порка... И всё прилюдно, всё открыто до безобразия, как в анатомке. Жизнь превратилась в бессмыслицу, в адову пытку и единственным светлым лучиком у горожан была надежда на приход наших.

Фронт был ещё далеко, но уже к началу сорок второго года многие поняли, что немцы и в этой войне проиграли. Даже те, кто искренне хотел поражения ненавистным Советам, видел, что сорок первый год больше не повторится. Но сколько ещё продлится этот вселенский ужас, называемый новым немецким порядком? И кто выживет к приходу наших, если уничтожение русского народа будет идти такими темпами?

В сорок втором из городка угнали всех итальянцев на фронт. Угнали под Калач, а может, ещё куда подальше. Бедные потомки римских легионеров, нёсшие в своих генах воспоминания о

распятом Иисусе Христе, принявшем страдания во искупление всех грехов человеческих, страшно не хотели уходить с обжитого места, будто предчувствуя свой бесславный конец в нескончаемых просторах ледяной России, ставшей вскоре их собственной Голгофой.

И опять Алексей Максимович остался один на один с гауптманом и его командой, число которой возросло за счёт призывников старших возрастов, негодных на фронт, но вполне способных заменить на оккупированной территории ненадёжных союзников.

***

Диалоги

Оставаясь одни, Бух с гауптманом вели бесконечные разговоры о жизни. И тому и другому были интересны эти беседы, многое им становилось ясно не только в собеседнике, но и в его народе в целом. К тому же, у них уже не существовало языкового барьера, что, несомненно, делало их встречи привлекательнее.

Бух довольно быстро научился сносно понимать по-немецки, а фон Цепнер по-русски. Его предки, оказывается, некогда жили в России, в Прибалтике, знали наш язык по учёбе в Петербургском университете и дома любили говорить по-русски. Ну, а Буху, видно, не прошло бесследно длительное общение в детстве с немцем учителем. Какие-то основы разговорного немецкого языка крепко сидели в его восприимчивой к точным знаниям голове и вот дали результат только сейчас.

Гауптман в разговоре с русским специалистом любил хвастать своим талантом инженера и всячески превозносил "немецкий порядок" во всём, даже в интимных отношениях между супругами. Это было довольно необычно и противно слушать от здорового и полного сил мужчины в возрасте, но Бух с ним благоразумно соглашался: да, для здоровья порядок необходим... Сам он с женщинами не имел дело со времени первого ареста органами НКВД и большой потребности в этом не испытывал и по сей день, хотя в оккупации возможности у него были по женской части преогромные. Просто Бух в первый год супружеской жизни дал сам себе клятву никогда не изменять жене. Никогда! И, несмотря на её измену, он оставался верен своей клятве, потому что всё ещё любил жену.

Бух любил жену, а гауптман, похоже, разговоры о женщинах и мундир. Немец постоянно чистил его своей маленькой красивой щёткой, привезённой из Франции, и смотрелся в любое зеркало, попадавшееся ему на пути. Этим он напоминал Буху капризного ребёнка, увлечённого своей единственной и чем-то очень дорогой для него игрушкой.

Ещё фон любил принимать у себя в доме гостей, особенно начальство, которое к нему относилось вполне благосклонно, потому что в Берлине у Цепнера были большие связи в самой рейхсканцелярии.

Бух расспрашивал его за рюмкой водки о разном, но в основном о жизни в Германии, хотел разобраться в немецкой идеологии и понять первооснову их жестокости и силы.

Например, он как-то спросил:

- Господин гауптман! - Цепнеру очень нравилось именно это обращение. И хотя воинское звание для его возраста было небольшим, он им очень дорожил, как всякий гражданский человек, призванный в армию из запаса и стремящийся показать себя окружающим истинным и прирождённым душкой-военным. - Мы, русские, как и все в мире, знаем немцев только с хорошей стороны: вы и учёные отменные, и добрые хозяева, и чистоплотные, и вообще... представители высшей расы... Но как вы допускаете зверства в отношении других народов? Почему у вас существует антисемитизм? Ведь это, извините... Это чуждо здравому смыслу.

- Ничего, ничего, не извиняйтесь! - усмехнулся Цепнер.- Это в вас говорит ваша добрая русская душа. У вас в России всего много, поэтому вы так терпимы и добры. Вы слишком богатая азиатская нация, но вы не умеете пользоваться своим богатством. Вот мы и пришли к вам, чтобы вы поделились с нами, бедными европейцами. А антисемитизм... Антисемитизм возник оттого, что в Германии слишком много было евреев. Немцам жить стало трудно, даже плохо. Это правда! Евреи взяли власть в свои руки, они обманом прибрали всё оставшееся у нас богатство к себе в сундуки и хотели вообще нас уничтожить. Да, да, уничтожить! Мы не могли этого допустить, поэтому мы, истинные немцы, поддержали антисемитизм. Мы одобрили, как вы говорите, зверства против евреев в силу исторической необходимости и лишь для того, чтобы выжить как нация. Мы только защищаемся от них! Поверьте, только защищаемся.

Фон Цепнер был большой любитель порассуждать на отвлечённые темы и не мог сразу остановиться, если вопрос его каким-то образом задевал за живое или же просто был сложным, неоднозначным и требовал определенной доли изворотливости при ответе. Он неоднократно возвращался к уже сказанному, интерпретируя ранее изложенную мысль по-новому, подходил к ней с иной точки зрения, сыпал цифрами, именами, но всегда и при любом случае стремился более ярко доказать то, что хотел. В нём, несомненно, погибал очередной "великий учитель и вождь", оратор и пламенный трибун, демагог и болтун, и именно поэтому он ценил Буха, слушавшего с вниманием любую чепуху, которую Цепнер нёс самозабвенно. Других слушателей у фона не было.

- Конечно, - продолжал гауптман. - нас можно обвинить в излишней жестокости к представителям еврейской национальности. Но вы плохо знаете историю этого... народа. И никто не знает, потому что незримая цензура во всех странах распространила категорический запрет для всех, кроме евреев, на изучение их истории. Нееврейам изучать историю "богоизбранного народа" не рекомендуется.

Почему? - хотел бы я вас спросить.

Почему это можно и даже должно изучать историю Ассирии-Вавилонии, Египта, Греции, Рима, русских, немцев, японцев, англичан, а из истории евреев выбраны лишь отдельные выгодные для них факты? Шире откройте глаза на нашу жизнь, мой друг, и вам многое станет понятно! - гауптман нервно зашагал по комнате. - Среди народов земли есть один проклятый богом и людьми народ, давно лишённый государства, осуждённый скитаться за свои безмерные преступления по миру ещё с библейских времён, и живущий среди других народов как паразит.

Продолжая расхаживать по комнате, гауптман нервно потирал руки, словно мыл их под краном с водой и с удовольствием объяснял несведущему славянину теорию расовой неприязни.

- Иудизация современного мира, захватывающая все стороны государства, хозяйства и культуры представляет собой страшный факт современности, гораздо более страшный, чем чума, землетрясение или нашествие гуннов. 80% мирового капитала, 60% мировой прессы принадлежит "вечным сторонникам Талмуда". Но кто об этом в мире знает? Всё покрыто тайной, потому что рычаги дезинформации мирового сообщества у евреев...

Цифры, приводимые гауптманом, подействовали на Буха шокирующе, но, как вечный скептик, он тут же подумал, что будь это так, то всё, что говорит стареющий "камрад" наверняка тоже является плодом творения евреев. Однако вслух сказать свою крамольную мысль он не решился. Как не решился спросить самого себя: зачем евреям всё это нужно? И почему, собственно, он этого испугался?

- Не-ет, не мы первые начали, - протяжно тянул гауптман. - Но именно нам необходимо покончить с ними. Это наша историческая миссия... Иудейство это - элемент антисоциальный по преимуществу! - говорил он, как бы сам с собой и вместе с тем для своего единственного собеседника. - Не у народов, принявших в свою среду евреев, нужно искать причину еврейских страданий, а у самих евреев. Народы мира никогда не пойдут вслед за евреями-ростовщиками, несущими гибель любому производству, любому талантливому человеку иной национальности, кроме еврейской, конечно, потому что знают - в этом их гибель.

- Вы понимаете, о чём я говорю? - спросил гауптман Буха, строго глядя ему прямо в глаза.

- С трудом, - честно признался Алексей Максимович. - Я слишком много испытал за последние годы и вынужден был жить долгое время, аки червь земной, думая о выживании, а не о глобальных вопросах, ответы на которые всё равно не знаю.

- Жаль! - искренне сказал гауптман. - Потому, как еврейский вопрос один из наиболее жгучих социально-политических вопросов, заново поставленных переживаемой нами эпохой. И вы многое могли бы понять и переоценить в своей тяжёлой прошлой жизни, если бы основательно взялись за его изучение, - многозначительно заявил Цепнер. - Редкий мыслитель, учёный или писатель проходил мимо этого вопроса, не заинтересовавшись им! - продолжил с пафосом гауптман свою просветительную лекцию об антисемитизме. - Ибо уже один факт существования многомиллионного народа, с резко обозначенными племенными признаками, с особыми верованиями, особой культурой, особым бытом, и объединённого сильным национальным самосознанием, но не имеющего собственной государственной территории, - факт совершенно исключительный, не имеющий никаких параллелей в истории других народов.

Я понимаю, как трудно подойти к еврейскому вопросу вам, русским, ибо роль еврейства в современной трагической судьбе вашего народа столь ярка, столь очевидна и столь многозначна, что невольно должна вызывать в каждом из вас сильную эмоциональную реакцию. Кроме того, в русской интеллигентской умонаправленности существует в отношении еврейского вопроса особая традиция. Один из ваших талантливейших публицистов, Дорошевич, писал: "Русский интеллигент подходит к еврейскому вопросу только на цыпочках и чуть дыша от страха". От страха прослыть "нелиберальным", то есть "некультурным" - добавим мы.

Ваша революция в России - была еврейской революцией, ибо она есть поворотный пункт в еврейской истории, - продолжал гауптман. - Положение это вытекает из того обстоятельства, что Россия является отечеством приблизительно половины общего числа евреев, населяющих мир, и потому свержение деспотического царского правительства должно было оказать огромное влияние на судьбы миллионов евреев, как живущих в России, так и тех многих тысяч, которые эмигрировали из неё в другие страны. Кроме того, революция в России - еврейская революция ещё и потому, что евреи являлись самыми активными революционерами в царской Империи. Наша с вами сегодняшняя цель - способствовать правильному разрешению еврейского вопроса освобождёнными от еврейско-коммунистической диктатуры народными массами, готовящимися приступить к постройке новой и лучшей жизни. Народ, желающий жить и выжить, должен понять всю глубину еврейской опасности и, поняв, принять радикальные меры к её устранению, - немного успокоился гауптман, подведя некую итоговую черту под интересным для него разговором. - И вот здесь возникает вопрос: кто, если не мы, немцы, наиболее активная часть народонаселения планеты, может остановить евреев? - гауптман на секунду задумался. - Кстати, у вас, у русских, давно существуют настоящие фашисты, организованные в крепкую партию. Правда, они проживают пока только на Дальнем Востоке, в Манчжурии, но кто знает, сколько их рассеяно по всей России! Знаете, какой основной лозунг они выдвигают в национальном вопросе?

- Откуда мне знать? - сказал Бух. - Ведь кроме коммунистических газет и коммунистического радио в советской России почерпнуть информацию неоткуда.

- "Россия для России"! - со значением произнёс гауптман, вновь подняв указательный палец правой руки к потолку. - Они стремятся создать на территории вашей страны, под руководством фюрера и дуче, настоящее Великое Русское государство, настоящую русскую власть, которая будет заботиться о русских национальных интересах, интересах Российской нации. И по-своему национальному составу будет русской властью! Российским государством должны, со временем, конечно, управлять сами русские, как представители большей нации в стране... Вы мне не верите? - неожиданно насторожился фон Цепнер, подозрительно уставившись на Буха. - Считаете, что это лживая немецкая пропаганда?

Бух, смутившись, неопределённо пожал плечами.

- Нет, не пропаганда! - убеждённо сказал гауптман, довольный явным замешательством собеседника. - Каждое фашистское движение в каждой стране идёт к осуществлению наших общих идеалов сугубо национальными путями, вкладывая в фашистское движение своё собственное содержание. Внутренняя сущность Российского фашизма определяется его стремлением к служению Российской нации, к созданию Российского национально-трудового государства. - Гауптман сделал паузу, успокоился и продолжал совсем как университетский профессор на лекции перед студентами-первокурсниками. - Главнейшее отличие Российского фашизма от других фашистских движений заключается в том, что Российский фашизм должен прийти на смену коммунизму, в то время как фашизм в Италии и Германии заменил собой либерально-демократическое государство и капиталистический строй. Поэтому Российский фашизм в своей практической политике должен идти путём раскрепощения, путём предоставления русскому народу известной сферы внешней свободы, конкретно выражающейся в признании частной собственности, свободы труда, свободы вероисповеданий, научного творчества, и даже в определённых пределах свободы печати, свободы слова и так

далее. Естественно, мы, немцы, окажем своим братьям по борьбе только первоначальную помощь, а дальше... - гауптман усмехнулся. - Дальше они должны продвигаться сами. Российский фашизм, кстати, имеет очень глубокие корни в русском историческом прошлом. Вспомните времена царя Алексея Михайловича.

Бух удивился знанию русской истории захватчиком земли русской и с удвоенным вниманием пытался понять то, что тот ему втолковывал.

- Ведь весь государственный строй того времени представлял ничто иное, как прототип современной корпоративной системы, - разглагольствовал гауптман. - Всё население было организовано по чинам - корпоративным объединениям. Вы, наверное, знаете, что корпоративный строй обеспечивает государственной власти надклассовый - независимый от классовых и личных влияний - характер.

Бух вообще тогда не знал и не понимал, что такое "корпоративное объединение", но помалкивал, подобострастно кивая головой, потому что видел, как гауптман нехорошо "заводится" на еврейском вопросе.

Фон Цепнер остановился, задумался на мгновение, глядя на Буха мутными глазами, а затем сказал:

- Я вижу в вас определённое сомнение в услышанном, поэтому немного ещё расскажу о "жидах", поработивших вашу страну. Так ведь здесь их называют и сейчас, правда?

- Да, так! - согласно кивнул головой Бух.

- Я вам докажу на исторических фактах, что не только немцы, жестоки к евреям. Возьмём, например, ваши еврейские погромы? Что это, если не антисемитизм?

Бух молчал, понимая, что гауптман готовит ему какую-то хитроумную ловушку.

- Ну, вы, конечно, как всякий большевистски настроенный житель этой страны, истинный интернационалист и так далее, и тому подобное, наивно думаете, что погромы есть порождение 20-го века, и что, мы, немцы, наиболее в этом преуспели? Ан, нет! - оратор сощурился и внимательно посмотрел на присмирившего собеседника. - Ещё князь Владимир Мономах, в 1114 году, на совещании князей земель русских в Видубичах, постановил: "выслать жидов из русской земли со всем их имуществом и впредь не принимать их, а если они тайно войдут, то вольно их убивать и грабить". До этого евреи в небольшом количестве проникли в Киевскую Русь, пытаясь обратить россиян в свою веру, и быстро развили свои обычные "промыслы": ростовщичество, плутовство, угнетение инородцев, среди которых они жили, то есть русских, производили их религиозно-нравственное разложение и тому подобное. Видно, очень насолили они киевлянам за несколько десятков лет проживания на Руси, коли россияне в 1113 году устроили первый страшный еврейский погром в святом граде Киеве и вообще на Руси, после чего евреев в массовом количестве и не было у вас в стране почти целых семьсот лет. Вот корни вашего антисемитизма! Вот где родилась ваша знаменитая "чёрная сотня"!

Бух был поистине сражён столь глубинными познаниями гауптмана в российской истории, а более всего в истории противостояния русского и еврейского народов. На его лице отразилось искреннее изумление, и гауптман увидел это.

- Да-да, именно там есть настоящее родовое гнездо "Союза Михаила Архангела"! - воодушевившись увиденным, развивал немец свои мысли. - Во главе которого, кстати, стояли не самые глупые люди своего времени? Разве Россия, великая в прошлом страна, доведённая евреями-коммунистами до ужаса большевизма, может в настоящем существовать без антисемитизма?

- Это всё в прошлом, - только и мог возразить гауптману Алексей Максимович, внезапно охрипшим голосом.

- Возможно. Не будем уточнять, что и как есть на самом деле! - не стал накалять обстановку и гауптман. - В вас сильна коммунистическая закваска, но вы очень скоро с ней расстанетесь, уверяю вас. Вы слишком долго находились в духовной изоляции от цивилизованной Европы. Вашей стране придётся нас догонять по многим параметрам, в том числе и по национальному вопросу, который большевики никогда не смогут решить. Ваш путь - идти вслед за нами, под руководством наших идеологов и наших исполнителей воли фюрера, иначе... - Цепнер запнулся, словно поймал себя на мысли, что сказал слишком много этому старому русскому, и через некоторое время продолжил: - Да, а вы знаете, что нашего обожаемого фюрера едва не убил в Киеве еврей-большевик? - неожиданно спросил гауптман.

Бух уже слышал подобные слухи, но не верил им, знал, что немцам нужно как-то оправдать массовый террор против евреев и коммунистов, и они придумали для этого грубую ложь, которой мог поверить разве что сверхнаивный человек, но оспаривать это утверждение не рискнул. Помнил, как однажды в его городок нагрянули эсэсовцы в чёрной одежде, повсюду выискивающие евреев, как потом за городом пойманных заставляли рыть большие рвы, в которых их и расстреливали, помнил, как выгнали затем часть жителей городка за город и приказали засыпать вместе с мёртвыми и живых, недобитых... И не было террористов-большевиков среди расстрелянных женщин, стариков и детей, не было среди них банкиров ротшильдов и комиссаров с красными звёздами на рукавах гимнастёрок. Были просто евреи. Были просто люди.

- Теперь нас стало слишком много в самой Германии, - продолжал фон Цепнер. - Нам нужно жизненное пространство. Новые территории, новые поля, леса, моря... Словом, новые земли, где могли бы жить немцы - самая трудолюбивая и дисциплинированная нация мира, способная преобразовать земной шар в цветущий сад при помощи "нового порядка". И мы это сделаем. Сделаем, чёрт возьми!

Гитлер говорил: "Когда Германия объединит в себе последнего немца, не будучи в состоянии обеспечить его пропитанием, из нужды возникнет моральное право народа на завоевание чужих земель. Плуг тогда превратится в меч и на почве, увлажнённой слезами войны, для потомства произрастать будет хлеб насущный". Нынче мы едины как никогда и наш плуг превратился в разящий меч. И именно поэтому мы находимся в боевом строю, в настоящем воинском походе за жизненным пространством.

- Но это почти Библия... Библия войны и ненависти! - Алексей Максимович был поражён и мыслью, и слогом речи Цепнера, и он не мог сдержаться и не высказать своего отношения к сказанному.

Гауптман снисходительно посмотрел на Буха, и торжественно произнёс:

- Придёт пора и, возможно, он скажет, как Христос: "Новую заповедь дарую вам люди: любите друг друга", а пока... Пока у нас с вами работы хватит. Новое мышление всегда проникает в сознание через насилие, через зверства. Это понимать нужно!

Цепнер сел на стул, смахнул с рукава мундира невидимую пылинку, и снова заговорил.

- С приходом фашизма в России каждый гражданин будет иметь право владеть частной собственностью, проявлять свои предпринимательские способности и таланты, накапливать богатства, если это накопление не носит спекулятивный, ростовщический, таким образом, вредящий всему национальному хозяйству характер. Новый порядок - это порядок настоящих, органических, а не придуманных и искусственных ценностей. Живой человек - Образ и Подобие Божие, а не кусок материи, не абстрактный индивидуум, не одно только тело, а тело и душа. Семья. Связь с предками и потомками, любовь к ближним. Нация...

И тут господина гауптмана снова понесло.

- Будет новая Европа, новая Азия, новая Америка! Будет и новая Россия... Будет новый мир, вы слышите, Бух, будет! Правда фашизма, как живая вода, сделает своё дело. Мир освободится от Агасфера.

Новый Порядок самой системой хозяйства обеспечит каждому российскому гражданину известный минимум личного благосостояния и благополучия, он даст ему сытую и привольную жизнь...

К концу своей речи фон Цепнер напоминал впавшего в транс руководителя изуверской секты, призывающего не то к погрому, не то к всеобщему самоубийству: его глаза горели, руки слегка дрожали, речь была отрывочна и напоминала лай, он был в крайней степени возбуждения...

Таким Бух видел его впервые, если не считать "стрельбу" из пистолета на шахте.

В тот вечер, в знак "дружбы" между арийцем и цивилизованным славянином, растроганный Франц Цепнер подарил Буху цветной портрет фюрера из своего кабинета.

Алексей Максимович поблагодарил гауптмана за подарок, долго рассматривал лицо человека, именем которого пугали детей матери доброй половины земного шара, и вдруг, совершенно неожиданно для себя, спросил:

- Господин гауптман, вы говорили, что цвет глаз - признак арийского происхождения, но у вас и у фюрера...

Он не договорил свою крамольную правду вслух, потому что фон Цепнер с удивлением уставился сначала на Буха, потом на портрет.

Цепнер долго молчал, что-то соображая, затем гордо промолвил:

- Я счастлив, что цвет моих глаз совпадает с цветом глаз фюрера. "Жена Цезаря вне подозрений!" - сказал однажды великий римлянин, а Гитлер не просто великий человек, он - фюрер! Хайль Гитлер!

Фон Цепнер вытянулся в струнку и выкинул вперёд правую руку.

- Хайль! - повторил растерявшийся Алексей Максимович, догадавшийся, что хватил, на сей раз, через край.

Карие глаза Цепнера потеплели, и он ушёл домой удовлетворённый. А Бух приуныл, осознав, что нужно утроить бдительность, иначе...

Иначе никто и ничто не спасёт.

- "И третий Ангел последовал за ними, говоря громким голосом: кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело своё или на руку свою, Тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне и сере пред святыми Ангелами и Агнцем", - с грустью подытожил результат встречи Алексей Максимович, рассматривая подаренный портрет.

- Язык мой - враг мой! - вспомнил Бух ещё одну древнюю истину, и вздохнул.

К сожалению, язык был врагом не только у одного Буха, и дёргала нечистая сила за этот предмет человеческого общения не только Алексея Максимовича.

***

Братья по интернационалу

Ещё в начале сорок второго года на руднике обосновалась какая-то спецкоманда армян. В бывшем здании треста несколько десятков человек с характерной кавказской внешностью разместились с завидным комфортом и сказочной по тем временам роскошью удельных князьков. Они гордо ходили по городку в немецкой военной форме, говорили только по-русски и вели себя с населением подчёркнуто корректно. Это была команда контрразведки из числа бывших пленных. Нечто вроде националистического батальона, ратующего за национальную самостоятельность. Насколько далеки были их планы в отношении послевоенных дел - неизвестно, но, наверняка, с Россией им было не по дороге. Немцы для них оказались ближе и роднее российского мужика, делившего с ними последним в течение веков. Своё будущее кавказцы-христиане видели только в Германии, и свой выбор сделали, вроде бы, вполне самостоятельно и добровольно, но только находясь в плену, за колючей проволокой и под дулами вражеских пулемётов.

Бух не испытывал к ним особой неприязни, потому, как ещё помнил свои впечатления о лагере довольно живо, и осуждать кого-то за простую и так понятную человеческую слабость на краю позорной гибели не имел морального права. Он уже знал, что немцы были великие мастера разжигать национальную грызню, сами при этом старались оставаться в стороне и были как бы ни при чём. Но Бух отлично видел эти игры, шитые белыми нитками, игры, рассчитанные на простаков и окончательно сбившихся с пути несчастных людей. Да и не он один понимал, что происходит вокруг. Видели и понимали многие, но до поры и до времени держали рты на запоре. Почерк националистов всем был хорошо известен: они не щадили никого. Немцы это знали и особенно активно заигрывали с явно неславянскими народами, рассчитывая на их дикость и дремучесть нравов. Фашисты хотели утратить покорённых

неслыханными жестокостями и казнями, используя при этом азиатский садизм и коварство отдельных представителей азиатских народов, народностей и племён.

Армянам из контрразведки шли все те же льготы, что и немецким военнослужащим, что должно было бы им, несомненно, льстить. Их ставили на одну доску с арийцами, ими не гнушались, как некоторыми другими... Командовал этим воинством человек лет пятидесяти, с большим, совершенно гражданским пузом и толстым восточным носом. Немцев рядом с ними не было, значит, доверие было полное. И, надо сказать, это доверие они оправдывали сторицей.

***

Как-то пришёл в один из домиков, стоящий недалеко от шахты, молодой человек и стал проситься на ночлег. Ему отказали. Он пошёл в следующий... И так ходил долго, пока не пристроился к одной бабе, у которой муж был на работе.пустила она его из жалости, лишь на погрев, и только до прихода мужа. Боялась пускать незнакомого человека, немцы могли за это и к стенке поставить, но русские люди, в особенности женщины, бывают на удивление бесстрашными, ослеплённые жалостью, если видят человеческое страдание и могут хоть немного его облегчить.

Кормить гостя было нечем, поэтому за стол не приглашала. Посидели, поговорили о том, о сём, а вечером пришёл муж. И тут молодой человек вынужден был признаться, что он... советский разведчик. Сразу же попросил помощи, чтобы выйти на явку. Сказал, что и в людях нужда имеется. Не могли бы, мол, посоветовать кого-нибудь из самых надёжных людей шахты?

Муж оказался не умнее жены и попался "на крючок", назвав в качестве "надёжного" самого себя и... Буха.

***

Странен человек. Когда ему плохо, он готов совершить невозможное, лишь бы ему стало хорошо, пусть и ненадолго. Когда у него всё складывается относительно хорошо, то он забывает про всё плохое и становится по детски легкомысленен и легко попадает в капканы нового несчастья.

Так и Алексей Максимович, едва ощутил на себе реальную силу "дружбы" Цепнера, как стал вести себя опрометчиво, а порою просто глупо. Временно он потерял страх перед немцами и, чувствуя несомненную вину перед родиной, говорил обо всём на свете, не скрывая своего истинного отношения к оккупантам. Может, он так хотел показать соотечественникам, что он тоже "свой" и что ему также противны немцы? Всё может быть. Человеческая душа потёмки даже для самого человека.

На следующий день после встречи "советского разведчика" со своим предполагаемым резидентом, Бух сидел в конторке на территории шахты под дарёным портретом Гитлера, вставленного ради глупого озорства в обратную сторону портрета Сталина, перевёрнутого лицом к стене, и гонял чай.

Иногда, при своих людях, он разворачивал портрет любимого "вождя народов" и смотрел, какое действие оказывала на людей его смелость.

"Глупец! Мальчишка! - Алексей Максимович и сейчас густо покраснел, вспоминая этот случай. - Не только себя, но и других мог под расстрел поставить".

Но, подумав, Алексей Максимович решил, что, наверное, по-другому он тогда и не мог поступить. Слишком много всего накопилось внутри, нужен был выход, всплеск, эмоциональная разгрузка... Хотелось отомстить хоть кому-то за целую жизнь унижений и страданий, хоть в кого-то плюнуть, дать в морду или просто обругать матом.

И вот сидит Бух, пьёт свой чай, забыв с вечера повернуть портрет Сталина к стене. Вдруг входит итальянец, они ещё тогда не уехали на фронт, видит портрет "дорогого" Иосифа Виссарионовича, встаёт по стойке "смирно", и кричит во всё горло:

- Виват Сталин!

У Буха, что называется, всё внутри оборвалось. Ещё бы немного и его хватил паралич или медвежья болезнь, но оказалось, что итальянец антифашист, которому уже наплевать было на всё на свете, а на политику тем более, их вот-вот должны были отправить на фронт.

- Мне нужен уголь, - сказал на плохом русском итальянец на немой вопрос о цели прихода.

Язык у Алексея Максимовича несколько секунд просто не ворочался. Бух упорно молчал.

- Есть лиры... Понимаешь, русской подруге нужен уголь. Уголь... Подруге! - пытался объяснить итальянец непонятному русскому причину своего желания купить уголь.

Ну, дал ему Бух угля, а сам портретик быстрёхонько перевернул, вздохнул с облегчением, и стал думать, что дальше делать с изображением "вождя и учителя"?

Алексей Максимович не боялся, что итальянец донесёт на него. Итальянцы вообще все поголовно недолюбливали немцев и всегда рады были устроить им какую-нибудь мелкую пакость. Население об этом знало и слегка подтрунивало над "союзниками": "Хороша ось, как в горле кость!" Это намёкали насчёт знаменитой оси "Рим-Берлин-Токио." Поэтому он решил пока ничего не предпринимать, но впредь быть осторожным.

И только этот итальянец вышел из дверей, а в дверь уже армяшка из контрразведки вваливается, и вежливо предлагает пройти с ним в здание бывшего треста.

Бух вначале ничего не понял, но в штабе у носатого капитана ему учинили настоящий допрос, обвиняя в связи с партизанами и ещё какой-то ерунде.

Естественно, Алексей Максимович ни в чём не признался. Его не били, не пытали за это, просто сказали, что сейчас отвезут в Матюшево, в полицию СД, так что в дороге ему будет время подумать над заданными вопросами и ответами к ним. Но ответы он будет давать уже тамошним следователям.

При упоминании об СД волосы на голове Буха слегка зашевелились. Однако он не мог припомнить за собой ничего такого, что могло бы заинтересовать тамошних заплечных дел мастеров. И только когда во дворе контрразведки Бух встретился с доверчивым шахтёром, который подвёл его под монастырь, узнал, в чём дело.

Запечалился после этого Бух крепко: от СД так просто не отделаешься, это не "качентраменто". Там умеют языки развязывать. Тоска его охватила... Снова жуткий животный страх перед немцами вернулся. Страх перед неизбежными пытками и позорной принародной казнью.

Для партизан иного пути из тюрьмы не было.

***

Матюшево

СД в Матюшево занимало бывшее здание больницы, здесь же находилась и тюрьма. В марте сорок второго ещё совсем холодно было, по ночам заключённые мёрзли здорово. В камере 17 человек арестованных натолкано, все за разное сидели, в основном за ерунду: воровство, нарушение комендантского часа... Никто толком ничего не знал и много не говорил, боялись провокаторов. Ну что ж, сидеть - так сидеть, это дело Буху делать не впервой, главное, нужно не терять времени даром, а искать выход отсюда.

Время шло, немцы на допрос Буха не вызывали, тянули, добивая психологически, но его, старого зека, этим не проймёшь. Просчитались, господа завоеватели! Прямых доказательств его "преступления" нет, а то, что наговорил какой-то пьяный шахтёр, думающий про него именно так, как он думает - не доказательство вины. И потом, Бух не совершил и, главное, не собирался совершать ничего преступного против немцев. Вот всё это Бух так прямо и выскажет при первой же встрече со следователем.

«А, может, им и не нужны признания и доказательства вины? - тревожился Бух. - Если они стреляют по любому поводу и просто без повода сотни людей - утешения ради, будут ли они докапываться до сути дела в истории жизни какого-то Буха? Нет, дело всё-таки худо!» - подытоживал свои наблюдения и умозаключения Алексей Максимович.

А тут ещё немцы обозлены были делом железнодорожников... Нет, явно не повезло Буху с арестом. Не ко времени его взяли! Ой, не ко времени!

- Будь прокляты железнодорожные воры всех стран! - ругался Бух, и ему вторила вся камера.

***

Рядом с Матюшево находились базы снабжения немецкого южного фронта, и поэтому на базаре городка можно было купить всё, что лежало на этих складах. Воровали и немцы, и наши. Особенно усердствовали в этом господа русские полицейские, сплошь бывшие уголовники. Дело своё они знали прекрасно и действовали нагло, быстро и без следов. Воровали только заграничное добро. Служили все в железнодорожной полиции или охране... Точно и не вспомнит сейчас Алексей Максимович, как называлась у немцев тогда эта служба. Одним словом, они заведовали охраной грузов. Пустили немцы русских козлов в свой немецкий огород и те долго, и умело водили их за нос. Очень долго!

Эшелоны из Германии наши урки маневренным паровозиком отгоняли за "стрелку", там их спокойненько "потрошили", а потом возвращали на старое место.

Кто его разграбил, где? - неизвестно! В пути следования, должно быть.

А кто?

Партизаны.

Так всё и шло.

Охотились полицаи кроме вещей в основном за продуктами питания, мылом. А в эшелонах было всё, что можно было пожелать и солдату, и офицеру вдали от цивилизованной Европы. Награбленное полицаи тащили на базар и там, через хорошо налаженную сеть спекулянтов, выгодно совершали обмен или продажу.

Наконец, немцы догадались, что дело тут не в кражах на пути следования и партизанских диверсиях, а в чём-то другом.

Тайная полевая полиция, здоровенные парни с бляхами на груди, оцепили однажды утром одну улицу в Матюшино и устроили обыск по всем хатам без исключения.

В одном доме у машиниста паровоза нашли кучу подарков на фронт из Германии. Как не отнекивался машинист, что купил, сменял, что не знал о том, что это посылки из Германии - не помогло. В одной из коробок немцы нашли почтовую открытку, с обратным адресом из Германии. Это четырёхлетняя дочка машиниста, когда полицейские выбрасывали всевозможные улики из посылок, спрятала от отца красивую карточку.

Довольно быстро после этого немцы раскрутили всю эту историю до конца и расстреляли человек пятьдесят сразу. Об этой акции знали все, немцы не скрывали причины расстрела, полагая, что таким образом смогут предотвратить хищения на других складах.

"Наивные люди! - думал Бух о немцах, сидя на тюремных нарах. - Разве этим наших людей остановишь"?

И действительно, не остановили. Только лишний раз указали на верный способ воровства и на его возможные прибыли. А впрочем, какое теперь до этого дело ему, Алексею Максимовичу? Сами немцы заварили эту кашу, сами пусть и расхлёбывают, лишь бы на нём не отразилось. А то под горячую руку возьмут да и шлёпнут, спаси Господи!

***

На третий день пребывания за решёткой Бух узнал, что в тюрьме началась эпидемия тифа. Жизнь снова сунула его в самое пекло, из которого, казалось, выбраться уже не было никакой возможности.

После этого известия он как-то успокоился душой, смирился с возможным концом, стал больше размышлять о Боге, но всё же искал возможные ходы и выходы из создавшейся ситуации.

"Конечно, - думал он, - двум смертям не бывать... А попробовать выкарабкаться отсюда можно".

На допрос его ещё не вызывали, всё выдерживали в камере до степени созревания. Других таскали, чуть ли не каждый день, особенно двух молчаливых парней, всегда сидевших немного

в стороне от остальных заключённых. Бух сразу заподозрил их в принадлежности к подпольной организации, но молчал, с ними не заговаривал.

И они молчали.

Тем временем в камере у многих поднялась температура, появился жар. Немцы каким-то образом дознались об этом и допросы прекратили. Через сутки выстроили всех во дворе СД, заставили поднять рубахи, осмотрели голые тела.

- У кого жалобы на головную боль?

Многие подняли руки, в том числе и шахтёр, подставивший Буха под удар. Их всех увели, якобы к врачу, на более тщательный осмотр, затолкали в грузовик, и увезли куда-то под охраной взвода солдат.

Больше их никто не видел.

"Значит, и остальные последуют тем же путём, - догадался бывалый Алексей Максимович, - если не смогут защитить себя от тифозной вши".

Нужно было что-то срочно придумать, хотя особенно бояться Алексею Максимовичу нужды не было, тифом он переболел ещё в двадцатом, но... Бережёного и Бог бережёт! С возвратным тифом тоже шутки плохи.

У него на пальце чудом сохранилось тоненькое золотое кольцо, купленное уже здесь, в оккупации, в память о прошлой семейной жизни, вот с его-то помощью и решил Бух избавиться от вшей.

В соседних камерах сидело много женщин-спекулянтток, воровок и прочих нарушительниц "нового порядка". Самое большое наказание им за воровство немцы определяли в 20-25 палок по мягкому месту. Били резиновыми дубинками усердно. До исполнения приговора девчата мыли у немцев полы в кабинетах, и им разрешалось даже свободно ходить по территории бывшей больницы. Вот Бух и попросил одну из них принести ему порошок от вшей в обмен на кольцо. У немцев этого порошка было навалом, целые россыпи.

Дивчина принесла, не обманула. Алексей Максимович обсыпался весь этой дрянью, для чего ему пришлось раздеться догола. Остатки отдал другим. Так и спал, обсыпанный порошком, и вши его больше не кусали. А, может, и кусали, да у него с гражданской войны такой надёжный иммунитет выработался, что он и через сто лет тифу бы не поддался.

Через пару суток немцы повторили процедуру с осмотром, но никто уже не говорил о жаре и головной боли. И всё равно, осмотрев всех, немцы забрали двух несчастных, показавшихся им подозрительными.

Так прошло в тюрьме целых восемнадцать суток. За это время немцы всё же вызвали несколько раз Буха на допрос, но ничего предъявить в обвинение не смогли, так как показания расстрелянного шахтёра не были зафиксированы на бумаге, а сам Бух всё начисто отрицал. Несмотря на выбитые зубы и два раздробленных пальца левой руки, Бух не подписал себе смертный приговор признанием и постепенно интерес к нему со стороны немцев пропал.

А вскоре его отпустили совсем, не без ходатайства гауптмана, конечно. Цепнер несколько раз потом напоминал об этом в разговорах, как знак признания в дружбе.

«Хороша дружба, - зло думал Бух, рассматривая изуродованные пальцы, - мог бы и пораньше вытащить и без этого зверства».

Но всё равно он был по-человечески благодарен Цепнеру, проявившему хоть и запоздалое, но участие в его судьбе. Призрак тюрьмы отошёл в прошлое, хотя и не исчезал из головы окончательно. Бух и сейчас частенько возвращается в воспоминаниях в её стены, и жуткий страх сковывает его волю при каждой мысли о пережитом в ней.

В те горестные дни не однажды думал Алексей Максимович о партизанах и о подполье, об активном сопротивлении фашистам, но каждый раз гнал от себя эти мысли, потому что трусил.

Да, он был далеко не герой, обстоятельства жизни, сыгравшие с ним злую шутку, давно уже убили в нём того красивого бесшабашного парубка, который, не боясь, шагнул однажды на мужицкие обрезы, одурманенный сладкоречивой пропагандой о равенстве, братстве и грядущем коммунистическом рае. Жизнь многое в нём перевернула, искорёжила, заставила понимать, и исповедовать иные ценности. Однако, если бы ему и сейчас сказали: "умри и что-то изменится к лучшему в мире" - он бы умер, наверное, а так...

Страшна смерть в безверии и в неизвестности. Но и жизнь не лучше.

***

Как-то ездил он за соляжкой на немецкий склад с двумя подозрительными молодыми грузчиками, из числа вновь принятых на работу, и всю дорогу трясся. От добрых молодцев за версту несло знакомой по гражданской войне дурной удачью и обыкновенной тупостью, так свойственной их отцам, да и самому Буху двадцать лет назад. Вляпаться с ними в историю было дважды два, и Бух не раз проклинал тот момент, когда согласился поехать с ними.

И ведь не зря предчувствовал что-то...

То ли от дурусти, то ли по заранее согласованному плану эти недоумки прямо в помещении склада стали светить себе спичками и подожженной ветошью, выискивая нужное горючее. Залезли с огнём в бочку с соляжкой и даже уронили туда сначала зажженную спичку, а потом ветошь.

Алексей Максимович глядя на всё это, боялся пикнуть, потому что мог там же и остаться на веки вечные. Впрочем, они и сами, в конце концов, здорово перепутались своей прыти, хотя выкрутились из этой передряги на редкость удачно.

На счастье всей троицы, бочка была полной, и соляжка не сразу загорелась, а уж взорвалась тогда, когда всех троих и след простыл на территории склада. Таким образом, склад был ликвидирован, а лихие грузчики вскоре бесследно исчезли с шахты, ни слухом, ни духом не напоминая о себе Алексею Максимовичу, чему он был рад несказанно.

Немцы, к счастью, так и не смогли установить истинных причин взрыва, на Буха подозрения не падало, так как он был постоянным потребителем соляжки, почти своим человеком на складе.

"Честное слово, - искренне признался сам себе Бух, - больше всего я боялся не немцев, а наших недотёп, их разудалой разрушительной деятельности и лихой русской вольницы. И вообще, я побаивался предстоящей встречи с нашими. Знал, придётся отвечать за то, что сделано, а больше за то, что не сделано. За то, что захотят навесить на меня крутые следователи, слепо выполняющие подлые разнарядки своих безумных начальников.

В последние дни оккупации особенно часто я вспоминал тех двух молчаливых парней, всё время сидевших в сторонке от остальных. Потом, действительно, оказалось, они имели какое-то отношение к подполью. Что с ними стало - одному Богу теперь известно: может, расстреляли, может, повесили, может, в концлагерь отправили... Совсем мальчишки были. Один немножко на меня смахивал в молодости...".

***

Освобождение

В 1943 году настроение у народа изменилось, страх перешёл в ненависть. "Новый порядок" окончательно осточертел и даже враждебно настроенные к коммунистам горожане поняли: лучше свои, чем пришлые. Резко усилились саботажно-агрессивные настроения. Люди уже не снимали подобострастно шапки при встрече с немцами, а норовили избежать её любым путём, чтобы не выдать своих чувств взглядом, независимой походкой, прямой спиной и громким голосом.

Оккупанты уловили эти настроения и старались террором подавить растущее внутреннее сопротивление, но разве этим можно заставить русский народ перестать ненавидеть?

***

В 1943 году, когда город освободила Красная Армия, Бух, обросший густой, рыжей, с проседью бородой, явился в военкомат и попросился на фронт. Всё объяснил про себя по легенде Буха и был искренне готов принять мученическую смерть на поле брани с оружием в руках. Но ему вежливо отказали, объяснив, что сейчас не сорок первый год, что его возраст уже давно не призывной и что имеется огромная нужда в людях, знающих здешние шахты. Предложили поработать в тылу.

- Время ополченцев, отец, прошло! - сказал на прощание молоденький военком, с жёлтой нашивкой на груди за ранение. - А фашистов мы и без тебя добьём!

Целый год проработал Алексей Максимович на складе на своём прежнем месте. Потом его арестовали.

Арестовали как Буха.

Следствие шло быстро.

Следователя в основном интересовал один вопрос: почему бывший красноармеец Бух Алексей Максимович не застрелился, а сдался в плен?

Почему сотрудничал с оккупантами? - был второй вопрос в деле.

Дали десять лет.

Злобы на советскую власть у Буха не было. Арест и тюрьму он воспринял как должное наказание: за всё в жизни нужно платить, значит нужно платить и за "сотрудничество с немцами".

Думая о своей судьбе, Алексей Максимович считал, что его жизнь давно уже катится к закату, и ничего хорошего от неё не ждал и был готов ко всякого рода поворотам и неожиданностям. Вечно сомневающаяся душа его, видя вокруг всеобщее горе, страдала от бессилия и сознания собственного ничтожества в этом мире, раздираемом вселенскими катаклизмами. На этой планете, как он понял, ему ничего не оставалось, кроме страданий и подчинения жестоким необходимым обстоятельствам, кроме пассивного наблюдения вечных процессов движения материи, отпущенных временем на его отрезок жизни.

Любовь к витанию в облаках всегда спасала его внутренний мир от губительных внешних потрясений, уводя из кошмарной реальности в область отвлечённых понятий и величин. И хотя рядом с ним шла по этапу такая же человеческая боль, требующая внимания и сострадания окружающих, он больше думал не о ней, конкретной, а о масштабах народной трагедии, носящей космический характер. Все новые "кореша" его были "изменниками родины", штрафниками, "врагами народа"... И число их было устрашающим, а имя им было легион...

Сколько же в их судьбах было трагедий, достойных пера Шекспира, Толстого, Матфея, Луки, Марка...

Кто там ещё впереди по списку великих летописцев человеческих страданий?

***

Этап

Этап для зека равносителен пожару в доме для вольного мужика. Горе и слёзы приносят они в одинаковой степени. У простого пересыльного заключённого обычно нет никаких шмоток при себе, а если есть, то их всё равно ворьё по дороге отбирает и пускает в продажу или в карты проигрывает. А для настоящего зека в лагере любая тряпица нужна. Он, сидя на одном месте, как бы прирастает к нему разными, ничего не значащими для постороннего вещами и предметами, и этим живёт. Во время этапа с насиженного места он теряет всё. По прибытии в другой лагерь, ему нужно будет всё по новой наживать, а это не просто. Вот почему опытному зеку страшно попасть на этап.

Обычно нарядчики составляют списки на зеков в согласии с начальником лагеря. Основательно потрошат дела заключённых, смотрят количество судимостей и статьи, сроки и так далее.

Прежде всего, начальник с нарядчиком хотят избавиться от тех, кто нарушает лагерный режим, разного рода ворья, рецидивистов, злостных отказчиков от работы, доходяг, фитилей и всякой прочей швали. Если лагерное начальство назначает кого-то на этап в другой лагерь, а тот всячески начинает сопротивляться, то на непокорного набрасываются как псы вертухаи. Одевают на руки «браслеты» или накидывают «смирительную рубашку». Долго ни с кем не чванятся, быстро рога обламывают...

Блатняки же, особенно из тех, кто уже прижился на одном месте в общей тюремной камере или в лагере, не хотят попадать на этап ни под каким видом и идут на всякие крайности, лишь бы избежать этапирования. Они даже каким-то образом ухитряются вместо себя отправлять на этап подставных лиц. И вот всю эту путаницу делают лишь для того, чтобы как можно дольше продержаться на обжитом месте.

Вся процедура отправки на этап занимает много времени. Начальник этапа со своими вертухаями по несколько раз перепроверяет, пересчитывает всю команду и, при любом недовольстве зеков, в их толпу врываются вертухаи и начинают наводить порядок рукоятками револьверов...

Весной сорок пятого Бух уже "путешествовал" из Находки кораблём на север. До этого месяц проболтался в "столыпинском" вагоне по бескрайним просторам могучей и прекрасной родины, от имени которой и получил свой второй приговор.

Второе путешествие под замком не запомнилось ничем выдающимся, за Уралом было ещё холодно, и даже знаменитый Байкал и тот остался в памяти холодным туманом и морозной сыростью.

В Находке же солнце, бодрящий морской воздух. На первый взгляд, чем не курорт? Разделись зеки, ловя ласковые лучики солнца и любуясь далёким морским пейзажем...

Потом повели их в баню. В бане полный ящик американского пятисотграммового мыла. Бери - не хочу! Где сейчас такое на воле увидишь? А здесь - изобилие!

В моечном отделении старикашка зек у вентиля с водой орудует.

Сразу видно - вредный, ворчливый старикашка. Только намылились зеки, может, впервые за последние пять лет войны! - отключил, подлец, воду, поднял швабру и кричит: "Выходи без последнего!". Это значит, чтобы кучей вываливались, а последнему он врежет по первое число.

Но ошибся старик, не думал, что это бывшие фронтовики, на уголовников хай поднимал. Озлились ребята на такое его хамское поведение, хотели посадить разок-другой на пол старого пердуна задницей, но дед вовремя сообразил, с кем имеет дело, открыл воду...

Алексей Максимович с ним дипломатично и по-стариковски разговорился. Оказалось, это директор одного из крупнейших ленинградских заводов. Милейший человек, старый большевик с дореволюционным стажем. С Колымы его комиссовали по состоянию здоровья и перевели сюда. (Надо же, - удивлённо подумал Бух, - случается, оказывается, и такое)! Срок у него ещё с 1937 года шёл. Знакомый Буху срок.

А вообще, по сохранившемуся общему зековскому впечатлению, весело в ту пору было в Находке. Было ли это реакцией на месячное прозябание в конуре тюремного вагона или, действительно, победная весна, красивая бухта, великолепные окрестные пейзажи и мирная жизнь давали дополнительный источник энергии, бодрости и веселья... Кто знает, если бы не колючка, собаки, да часовые...

***

"Василий Суриков"

«Все зеки в Находке жили в бараках: и уголовники, и политические, и мужчины, и женщины. И все с нетерпением и страхом ждали пароход, который отвезёт их к месту отбывания наказания, а, может быть, и к последнему их месту пребывания на этой грешной земле.

И вот он пришёл.

Старый пароход "Василий Суриков" был приспособлен для перевозки этапников давно. Но этап этот заслуженно пользовался "неуважением" и дурной славой у уголовников, они за многие годы слишком хорошо изучили его "прелести", и ни в какую не хотели идти на древней посудине, всеми способами пытаясь отвертеться от посадки на него.

Один из них, например, сидел как-то на нарах (высоких, трёхэтажных), думал свою горькую думу, думал и придумал: оттянул мошонку и прибил её гвоздём к столбу. Сидит, орёт!.. Псих, шпана уголовная, что с него возьмёшь! Хотели его всё-таки отправить по этапу, но что-то у него там приключилось, с мужским хозяйством после ржавого гвоздя серьёзное и его оставили до другого раза. Как бы там ни было, а на своём он настоял и чувствовал себя после этого героем. Под стать ему были и другие.

Да там и без гвоздя всякой заразы хватало! Стены бараков были красно-коричневыми от живых и мёртвых клопов, пёстрые, что накидка немецкого десантника. Сплошной мрак и ужас! Кажется, вдохни этот гнилой барачный воздух человек с воли и трупом будет. Это уж закалёнными этапами, пересылками, войной и страшными годами лишения русским мужикам всё было ни по чёму. Они как бы замкнулись каждый в своём горе и ничего не видели, ничего не слышали, ни на что не реагировали по-человечески. Так каждый неосознанно спасал себя, своё тело и свою душу, не пуская посторонних к самому сокровенному, что у него было. И плевать они хотели на то, что творится вокруг них: уголовники, крысы, смрад, насекомые... Каждый живёт в тюрьме за себя. У каждого своя жизненная тропа, своя судьба, своя и смерть.

- Но, всё-таки, здесь на берегу лучше, чем на этапе, - говорили бывалые уголовники. - Нет, не поедем на "Сурикове". Не поедем!

И вот однажды утром, накануне погрузки, из одного барака никто из уголовников не вышел. Зеки нагло потребовали к себе санитарных врачей. Когда те пришли, они их "взяли в плен" и стали шантажировать этим лагерное начальство. Главным пунктом их требований стал отказ от этапа.

- На этот этап, не пойдём ни под каким видом! - кричали урки из окон.

В бараке урки разобрали печь, вооружились кирпичами, колосниками... Приготовились держать оборону стойко.

Взбунтовавшийся барак, естественно, начальство сразу окружило, ждут, что дальше будет. Ведь от зека-уголовника "в чувствах" чего угодно ожидать можно. Чистые анархисты!

Немного погодя, урки ультиматум предъявили: хотим в Тайшет!

Начальство подумало и согласилось. Поставили вагон под загрузку на виду у барака, в час-полтора построили в нём нары, затащили бочки с едой, бочки с водой... Всё, мол, ваша взяла, выходите, в Тайшет поедете.

Уголовники поверили. Вышли, построились в привычные пятёрки. Ждут погрузки. Человек сорок их было. Вышел к ним начальник спецчасти с делами ЗК, устроил перекличку.

Ворота взбунтовавшегося сектора, ведущие в лагерь, когда там эти сорок гавриков у вагона стояли, быстро закрыли, чтобы лишних глаз не было, и всех любопытных загнали в бараки. Пока шла необычная перекличка, начальник конвоя незаметно зашёл с правого фланга, и начал спокойно, словно в тире, лупцевать бунтовщиков из нагана. Потом конвоиры сразу всех на землю положили, каждому надели наручники, затолкали в металлические контейнеры, вместо карцера, и спустили их в трюмы "любимого" ими "Василия Сурикова". И провезли их, голубчиков, по этапу вместе со всеми прочими, только в условиях ещё более некомфортабельных. Двух человек сразу тогда в лагере убили, самых вредных и горластых на тот свет спровадили. Недаром "гражданин начальник" перекличку по их личным делам делал».

***

В порту назначения этап Буха встречала знаменитая по всему северу ГУЛАГа "мадам Гридасова", одна из шишек сталинской системы уничтожения. Рослая женщина-палач, со свитой мужиков, лебезящих перед ней, как кобели перед сукой на собачьей свадьбе. Никогда раньше, да и никогда позже Алексей Максимович не видел больше такого высокого начальства в лагерях.

"Да и про "мадам" ничего не слышал после пятьдесят третьего. Может, ещё жива, тварь подколотная! - с ненавистью подумал Бух. - Пенсию где-нибудь получает, на персональной даче проживаючи, пионерам рассказывает о тяжёлой борьбе "ленинцев-дзержинцев" с врагами народа, а, может, после пятьдесят шестого года вместе с другими палачами и её в расход пустили. Тогда ведь многим головки поотшибали, жаль не всем! Самые шишкарки сухими из воды вышли, мол, ошибочка в теории вышла. Мы тут ни при чём!

Ошибочка! У них это называется "ошибочкой"..."

***

Сегодня в своих воспоминаниях Бух немного торопится, перескакивает с взволновавшего его события, забегая вперёд, но затем, остыв, вновь возвращается к тому месту, на котором невольно остановился.

"Это от волнения, - констатирует Алексей Максимович. - Со мной в последнее время такое бывает часто... Тот порт назначения, когда ещё будет, а тут Находка, материк... Большая земля!.. Большая надежда, что ты ещё можешь выжить".

Как бы ни было плохо человеку, жизнь его всё равно не одной чёрной краской мазана. Есть в каждом её мгновении свои маленькие радости, которые и радостями-то в другое время не назовёшь, а вот, подишь ты, всё равно приятно их иметь в нужное время.

***

В трюмы и на палубу "Василия Сурикова" набили тогда несколько тысяч народу. Естественно, никакой санитарии, удобств и прочего. Часть команды парохода сразу после погрузки поехала за продовольствием. К вечеру они привезли горячий хлеб и тут же его

затолкали в трюм. Через день, уже в море, обнаружилось, что он зацвёл. И хлеб – в воду. А был он единственным продуктом для зеков на долгие дни плавания. Правда, на пароходе было несколько армейских полевых кухонь и на следующий день в них сварили муку, перемешанную с жирной американской тушёнкой. Варёво получилось сладковатое, жирное, клейкое... Никто есть его не стал, все страдали от морской болезни и на еду первое время просто смотреть не могли, тем более такую.

Мимо корабля, по левому борту, проплыли красоты "арестантского рая", воспетые писателями, поэтами и музыкантами прошлого - скалистые и туманные берега острова Сахалин, но никто не обратил на это большого внимания: впереди транспорт ожидал "солнечный, гостеприимный Магадан", да и в грузовых трюмах парохода иллюминаторов не было, а с охраной много не поразговариваешь. Да и сам Бух увидел красоты Сахалина лишь потом, после освобождения, когда возвращался тем же путём на Большую землю уже свободным человеком.

Прошли пролив Лаперуза, конвой бдительность увеличил: чуть что не так - в железный контейнер!

Вышли в Охотское море.

Жрать хочется невероятно.

Ехали тут же на пароходе два бессараба, оба нарядные, в добротных полушубках. Зеки уже знали, что всё равно в зоне всё отберут и предложили им продать команде "Сурикова" полушубки по доброй воле, на прокорм себе и товарищам. Всё с пользой дела на сторону уйдут. Продали полушубки команде через посредничество конвойных. Нашлась у кого-то и золотая монетка царской чеканки в пять рублей. Нужно и её как-то реализовать, всё равно пропадёт ни за что. Но как реализовать? Это же чистой воды криминал! Подумали и по праву старшего по возрасту от небольшой группки зеков с золотой пятёркой пошёл вместе с нарядом по кухне на верхнюю палубу Алексей Максимович Бух.

Команда парохода естественно имела свой отдельный камбуз, и у неё был свой небольшой запас хлеба. За золотую пятёрку матросы, наверняка агенты НКВД, дали Буху аж целых три буханки белого хлеба.

И за то спасибо! - думал Алексей Максимович. - Ведь могли и расстрелять за самовольное хождение по палубе или просто так отобрать из озорства. Теперь срочно назад, а то часовым на глаза попадётся праздношатающимся, те точно благодарность за бдительность на мне заработают".

Сунув хлеб под рубаху, Бух кубарем скатился вниз мимо неподвижных охранников.

Каждому корешу по щепоти и самому едва кусочек достался.

Был ещё в общем котле сахар, но что он голодному мужику?

И тут пришла кому-то в голову мысль осмотреть один отсек трюма, почему-то накрытый брусьями.

Незаметно для охраны подняли завал из леса и на самодельной верёвке спустили вниз лихого зека.

Утром он вытащил оттуда сразу штук двадцать банок сгущёнки, потом ещё и ещё... Тем и кормились до самого порта назначения. Разве это не радость - банка сгущёнки в голодное время?

***

Вся жизнь за колючей проволокой вспоминается Алексею Максимовичу рваными кусками: то одно, то другое. И так каждый день, точнее каждую ночь. Трудно, ох, как трудно соединить в единое целое то несоединимое и ужасное, что выплывает из памяти сгустками страха и боли. И вместе с тем, все приходящие воспоминания объединены одним многолетним монотонным рабским существованием, постоянной гнетущей работой, лишь иногда прерываемой каким-нибудь неординарным событием, врезавшимся в мозг навечно.

Но таких событий в лагерной жизни было не так уж и много.

***

Колыма

До прибытия "Сурикова" с новым этапом в Нагаевский порт в Темчанском лагере отбывали срок одни закоренелые уголовники. Все довоенные политические к той поре уже навсегда исчезли оттуда: конвейер борьбы с "врагами народа" работал чётко и отлажено. Уголовников, засидевшихся на одном месте, быстро перебросили на какой-то секретный рудник, а на освободившееся жизненное пространство, огороженное сторожевыми вышками, вселялось новое послевоенное поколение жителей ГУЛАГа, называемое "изменники родины".

Это было странное население северных территорий великого и могучего Советского Союза. Изведав всё, что может изведать человек на войне, они так и остались во многом наивными и доверчивыми, как дети. Даже свой ужасный срок некоторые получали более чем за странные для взрослого человека поступки.

Например, трое офицеров-победителей, после 12 мая 1945 года, рванули на американском джипе, очертя голову, вслед за потоками перемещённых лиц в старую матушку-Европу. В изумлённом Париже их радостно встречали парижанки и владельцы бистро, предки которых видели казаков Александра-1. Встречали, как загадочных посланцев не менее загадочного вождя победителей - Сталина, а через неделю, вернувшись в часть, они отправились в Находку уже как враги товарища Сталина и шпионы мирового империализма.

И таких историй было множество. Как было множество искренних и нравственно неиспорченных мальчишек в солдатских и офицерских гимнастёрках, со следами орденов и медалей на "хэбе" и "чэшэ», с ужасными ранами на теле и жуткими сроками заключения.

Лагерное начальство очень быстро поняло суть произошедшей перемены: если при уголовниках прииск перерабатывал 70-80 кубометров грунта, то уже через неделю после прибытия этапа "изменников" - 900-1000 кубометров в сутки. Работали "предатели" сознательно, без понукания, точно так же, как это делали в своё время "враги народа" в тридцать седьмом. Было видно, что простые совестливые люди искупали свою мнимую во многом вину перед родиной трудом непосильным и тяжким. Хотя, конечно же, были и среди них настоящие сволочи, но их, настоящих выродков и палачей, как правило, ставили к стенке

ещё в прифронтовой полосе. СМЕРШ на фронте работал, засучив рукава, и не давая отдыха автоматам. Через его свинцовое сито редко прорывались невинные, про виновных же и говорить нечего. На север отправлялась в большинстве своём мелочь, заблудшие, не запятнавшие себя кровью. Бандеровцев, как говорили, вообще в живых оставляли только рядовых членов банд формирований, шедших на «добровольное» сотрудничество с органами госбезопасности.

Нет, "изменники" и "предатели" прекрасно понимали, что от ударной работы вряд ли что-то изменится в их личной судьбе, слишком наглядно, и не таясь, внушали им конечную цель "рабочего государства" по отношению к ним. Так, например, у входа в лагерь, с внешней стороны, на воротах было написано: "Дадим Родине сверхплановый металл!", а с внутренней стороны: "Добьём врагов народа физическим трудом!". Обе надписи почти выцвели, но на деревянной арке читались достаточно хорошо, чтобы стал понятен их зловещий смысл для всякого думающего и умеющего читать. Маленькие винтики в большой политической игре уголовных гигантов, случайно попавшие в капкан обстоятельств, спровоцированных вождями отечества, они уже ничего не значили в краплёной колоде карт усатого генералиссимуса и его подручных, которых ничуть не интересовало, что где-то на далёком севере гибнут люди, ложно обвинённые ими в страшных преступлениях. И зеки не столько понимали это умом, сколько чувствовали общими условиями существования на краю света. Но у каждого из зеков была своя Родина, семья, родные, любимая... Так неужели из-за тех, на совести которых столько чёрных преступлений против России, должны страдать они, родные и близкие заключённых, оставшиеся там, на далёком материке?

И Алексей Максимович, каждое утро, выходя на опостылевшую работу, и вечером возвращаясь с неё, читал и ту, и другую надпись и думал, думал... И невыразимое отчаяние терзало его душу и подлый червь сомнения превращался в огненного дракона, пожирающего серое вещество мозга, выхолащивая все мысли и чувства, оставляя лишь одно: страх. Обессиленный им, униженный и раздавленный осознанием собственного ничтожества, доведённый до состояния готовности совершить самовольный акт ухода из жизни, он понимал, что нужно найти в себе силы победить этого дракона. Но одолеть вездесущее чудовище в одиночку, казалось, было не под силу даже знаменитому Георгию-Победоносцу, а сбиваться в группы...

Нет, шалишь!

Все понимали, что их ждёт впереди, и всё-таки работали. Работали, потому что это спасало от дум хотя бы на дневное время, работали, потому что понимали, это та же передовая, но на ней ни отступить, ни поднять руки вверх невозможно...

***

Сомнения

"У нас как-то привыкли с гражданской войны всё делить на белое и чёрное, не признавая полутонов, а в жизни всё не так. Жизнь, слава богу, многоцветна, многообразна. Вон, у тех же итальянцев, завоевателей и фашистов, проклятых народом и советской пропагандой оккупантов, пришедших на нашу землю грабить и убивать, кажется, жизнь и имущество

порабощённых вообще не должны были иметь никакой цены, а вот и у них на моей памяти был случай, который любого дальтонику-патриота загонит в угол своей неоднозначностью.

Один из итальянских солдат по глупости застрелил нашу девушку.

Ну, застрелил и застрелил, мало ли на войне стреляли в девушек! Ан нет, его судил военный трибунал и, только учитывая его корсиканское происхождение, ему сохранили жизнь и отправили на родину отбывать наказание в тюрьме. Оказывается, что застрелил он девчонку из ревности. Вот такая история приключилась у меня на глазах. А ведь и у итальянцев на совести было кое-что такое, за что им можно было бы угодить по нашим законам на север не на один срок длиною в "четвертак". Да и от международного военного суда многих из этих рыцарей чести и любителей русских девушек спасли лишь... могильные рвы подо Львовом, в которые их зарыли бывшие союзники - немцы.

Разные люди, разные судьбы, чего тут говорить! А смерть-матушка везде одна: и у нас, и у немцев, и в тылу, и на фронте.

А полковник Ферованте - командир 82 батальона, которого немцы при желании могли бы расстрелять хоть до, хоть после выхода Италии из войны? Он как-то особо не скрывал своей неприязни к идеологии побеждающего фашизма и это очень удивляло меня, привыкшего к атмосфере массового верноподданнического психоза в масштабах целой страны и абсолютной тайны вокруг всего, что казалось личности одного человека, его внутреннего "я".

Ферованте неплохой был мужик, неплохой товарищ, хоть и легкомысленный.

А капитан Грапнелли?

Помню, как я достал однажды ему, коменданту городка, прекрасную серую лошадь... Сколько раз потом благодарил за неё капитан!

Нет, итальяшки - народ хороший, с ними можно было жить в войну, да и потом тоже. Если бы не это разделение на фашистов и коммунистов, если бы не бедность и богатство, не подлость и благородство, не варварство и человечность!..

Если бы не подлая натура самого человека!

Вообще, в этой жизни всё взаимосвязано достаточно нерасторжимо. Если где-то совершается гадость, то злодеяние уравновешивается тут же добродетелью и наоборот. Я в этом уверен.

Вот взять хоть ту же серую лошадь...

Ведь я увёл её с крестьянского подворья. Мало ли, что её всё равно бы через день-другой увели немцы, конкретное зло сотворил конкретный человек - Бух Алексей Максимович, никто другой. И в глазах крестьянина я и только я явился грабителем хуже оккупанта, потому, что был свой, нашенский... Значит, мне и ответ держать. Страданием должен искупить страдание другого.

Такая вот арифметика видится мне на этот счёт".

***

Как ни старался Алексей Максимович жить тихо и, по возможности незаметно, всё же за время оккупации он неоднократно был на волоске от гибели ни за понюшку табаку. Как-то так случилось само по себе, что за чужие грехи мог он и своей шкурой поплатиться, и других за собой потянуть. Это, кстати, в годы войны было не такой уж и редкостью. Немцы вообще были большими любителями подобных акций устрашения ради самого устрашения. Да и советские войска, как говорили прибывающие после войны зеки с Украины, тоже не отличались большим человеколюбием к "освобождённым" западным братьям. Но этого Бух на своей шкуре уже не испытал.

***

Когда Бух сидел в тюрьме СД, он видел из окна камеры большие пожары на складах, расположенных на соседних станциях.

Немцы скопили там много эшелонов с боеприпасами и горючим, готовились, наверное, к большому наступлению или длительной обороне, заготавливали всего впрок. Все лесопосадки вокруг железной дороги завалили бочками с бензином, керосином, маслами... Охраняли станции по высшему разряду, и всё же как-то ночью одинокий сумасшедший "кукурузник" на бреющем полёте, прилетев, почему-то, с запада, сбросил бомбы точно на склад с боеприпасами.

К утру одной станции не существовало.

И всю ночь обитатели тюрьмы смотрели на невиданное по красоте зрелище, с которым не сравнятся тысячи фейерверков и салютов, собранные вместе.

И всю ночь их мучил один и тот же вопрос: что ждёт их завтра? Не расстреляют ли в отместку за бомбёжку?

В ярко освещённой пожаром камере Алексею Максимовичу хотелось забиться в самый тёмный угол и спрятаться ото всех, чтобы никто не видел его страх, его ужас перед наступающим днём.

Пришло утро, потом ещё одно, и сокамерники облегчённо вздохнули: немцы про них забыли.

А, может, взяли тех, кто был ближе?

До разбомблённой станции по прямой двадцать четыре километра.

Двадцать четыре тысячи метров жизни, каждый из которых мог стать последним всем им.

Противнее всего, это Бух прочно усвоил в лагерях, быть беспомощным, не имеющим возможности ответить на удар ударом, не имеющим силы воли, чтобы лишиться себя жизни, когда сама жизнь стала хуже смерти.

И нет ничего страшнее неизвестности в ожидании собственного конца, или же чудесного воскрешения из мёртвых.

***

Встреча

Года через два-три, в конце сороковых, в лагерь Буха прибыла новая партия заключённых.

В одном из прибывших он с ужасом узнал сына начальника Алийского НКВД, "помогшего" Алексею Максимовичу избавиться от пыток после ареста в тридцать седьмом. Бух с мальчиком был почти незнаком, виделся мимоходом всего лишь несколько раз в году тридцать пятом-тридцать шестом, но не узнать друг друга при встрече они не могли.

Счастье Буха, что он первым его увидел, узнал и вовремя сумел затеряться в толпе.

Ночь прошла в мучительных раздумьях: как поступить? Ведь если парень назовёт его настоящим именем...

Конечно, можно "убрать" мальчишку втихаря, но он, Бух, никогда на "мокрое дело" не пойдёт. Всё-таки, сын бывшего друга. В прошлом милый и интеллигентный юноша, обучавшийся в столице и приезжавший к родителям лишь на каникулы. В чём он-то провинился перед режимом? И что теперь с его отцом, если сын здесь?

За ночь Бух заново пережил всю свою жизнь, все свои самые лучшие и худшие дни и пришёл к выводу, что нет, пожалуй, ничего поганее на свете, чем смерть под чужим именем.

Кто после этого сможет рассказать о нём, Якове Коломейчуке, его детям? Кто сможет оправдать и объяснить его исчезновение в самый трудный период их жизни? Нет, ему не хотелось всемирной известности и славы, он просто хотел мимолётной памяти о себе в сердцах милых и дорогих ему существ.

Промучившись ночь, он решился на откровенный разговор с парнем. Решил сказать ему о перемене фамилии, но истинную причину скрыть.

Он рассчитал верно: всё обошлось как нельзя лучше.

Подловив Костю, так звали парня, за баракком, Бух положил ему руку на плечо и сказал:

- Не оборачиваться! Я Бух Алексей Максимович, запомни хорошенько это, сынок. Раньше мы с тобой никогда не встречались. Запомни, иначе нам обоим придётся туго. Ты меня понял?

- Понял. А в чём дело?

- В том, что я тебе сказал. Теперь можешь повернуться.

Бух подкараулил его перед выходом на работу. Разговор занял не более минуты и для посторонних не был подозрительным. Когда Костя обернулся, он уже знал, что перед ним Бух, с которым он только что познакомился. Так он и будет потом говорить всем своим новым и старым знакомым.

В тот же день Бух узнал грустную и печальную историю молодого человека и его отца, репрессированного сразу же после ареста сына.

***

Морская история

Костя Васильев закончил 2-й медицинский институт в 1938 году. Сразу после окончания института его призвали в армию и отправили служить во флот, в дивизион подводных лодок на Камчатку. Призыву в армию молодой человек был рад, так как в тайне давно мечтал стать кадровым военным, а служба на флоте, да ещё на востоке страны, о котором в те годы ходили легенды, была почётна вдвойне.

Служил он нормально, и служба ему нравилась. Почётная служба на Красном подводном флоте. Всё складывалось у молодого врача прекрасно: в Москве заканчивала учёбу в пединституте подруга, с которой дружил уже давно, и теперь решил окончательно связать свою судьбу. Начальство намекало, что после женитьбы будет хлопотать о повышении в звании и переводе в береговой госпиталь.

И вот война.

В самом её начале добровольцев из экипажа подводных лодок отправили на север, на базу флота в Заполярье. В числе их оказался и Костя, корабельный доктор.

Время было сумасшедшее, полное самыми неожиданными событиями и прожеками, которые в те дни считались нормальным проявлением военной мысли, последним достижением тактики и стратегии. Никто и думать не мог иначе о приказах высших командиров, так страна и армия были воспитаны "вождём и учителем всех народов". Но так было лишь в первые недели войны, когда ещё не проявились все детали трагедии, обрушившейся на нашу страну. Так думали до тех пор, пока на своей шкуре не испытали эти самые "последние достижения" гениальных выскочек тридцать седьмого года.

Через несколько недель после начала военных действий, в Заполярье умные военные головы краскомов формируют десант в одну из северных стран, оккупированных фашистами. Шаг достойный гения Льва Давидовича Троцкого, не больше, не меньше. Несчастный Костя Васильев попадает в десант вместе с двумя сотнями моряков-дальневосточников. Десант планируют высадить с быстроходных торпедных катеров в удобную для десантирования бухту в самое ближайшее время. У всех моряков-десантников мощное желание драться с врагом на его территории, как это и было предсказано "гениальным вождём нации" задолго до войны.

"Война малой кровью!", "Война на территории противника!", поэтому в последний и решительный бой и как можно скорее, пока изнывающий под игмом немецкой оккупации пролетариат не восстал и сам не уничтожил фашистов.

При этом никто из добровольцев не думал о своей судьбе, о возможной смерти, все возбуждены неудачным началом военной кампании, вероломством гитлеровцев, и горели желанием отомстить. И отомстить любой ценой. У всех в голове романтические представления о боях, связанные с песенно-фольклорным описанием войны гражданской: "Если смерти - то мгновенной, если раны - небольшой!", с прозой братишки моряка Всеволода Вишневого и стихами лихого конника Михаила Светлова...

***

И вот десант уже в море.

Вот уже и чужой берег скоро...

Немцы, конечно, видели, как в сумерки наши катера входят в бухту и высаживают маломощный десант прямо в море, потому что у берега оказалась валунная свалка, а уровень начинавшегося прибоя был больше четырёх метров. Только сумасшедший мог рискнуть высаживать десант при такой волне на сушу.

Высадившись, моряки поняли, что лишь полоумный мог вообще придумать эту операцию. Берег так укреплен, что без мощной корабельной артиллерии здесь делать нечего. А поддержки, которую клятвенно обещали в штабе, не было.

Утром, когда рассвело настолько, что стало видно как днём, немцы, не показываясь из бетонированных укрытий, начали методичный обстрел десанта из миномётов. Осколки от мин и камней разили насмерть. Вскоре у Кости кончились бинты, а через сутки у десанта иссякли боеприпасы, вода...

В горячке боя моряки палили по ненавистным скалам в невидимых врагов, не жалея скудные запасы патронов, и вот остались ни с чем.

Погиб командир отряда, погибли почти все офицеры.

В бухте немцы сожгли огнём артиллерии все катера, доставившие десант. Лишь один, повреждённый пожаром, искусно прятался за могучими валунами невдалеке от берега.

Командование десантом взял на себя молоденький лейтенант. Дважды он успел сгонять обречённых людей на штурм береговых укреплений, ровно на половину сократив доставшийся ему численный состав десанта. Он и в третий раз поднял бы моряков, да тут подполз к нему какой-то отчаянный старшина и выстрелом из нагана в ухо прикончил ошалевшего от крови мальчика.

К тому времени в живых осталось всего 19 человек, и все они были ранены или контужены.

Старшина, убивший лейтенанта, сказал:

- Не подыхать же нам здесь из-за чьей-то дурости! Кто хочет жить, сегодня ночью попробуем прорваться на катере назад. Кто хочет... Кто согласен... Невольно не буду: вольному - воля, спасённому - рай! Всю ответственность беру на себя: и сейчас, и потом. И перед земным судьёй, и перед небесным. Так и запомните, братцы.

Были несогласные.

Они остались там, за валунами, на чужом берегу, обречённые на бессмысленную смерть волей бездушных и подлых людей, сидевших в далёком и безопасном месте.

А может, оставшиеся верили, что выполняют какую-то важную военную задачу? Может, просто боялись возвращения на базу, понимая какой "рай" ждёт дома бежавших с поля боя?

Подбитый катер вырвался из бухты под огнём противника ночью. К утру у него кончилось горючее. Пассажиров мучила жажда и полная безнадёжность. До того, как через сутки их подобрала англичане, идущие караваном в Мурманск, один матросик не выдержал и пустил себе пулю в лоб. Его тут же скинули в море, чтобы труп не мозолил глаза и не "давил на психику" оставшимся.

У союзников, идущих с военным грузом для Советского Союза, была хорошо налаженная связь с нашим командованием и когда конвой, радостно принимавший у себя русских героев, пришёл в порт назначения, одиннадцать десантников сразу же взяли под стражу у самого трапа английского транспорта.

Косте Васильеву поставили в вину, что он, офицер, не принял на себя командование десантом и в критический момент боя не довёл операцию до конца, допустил самосуд.

Он этого не отрицал ни тогда, ни потом. И никогда не жалел о случившемся.

Позднее Костя несколько раз видел в тюрьме своих товарищей по несчастью, но никто из них больше не встречал того отчаянного старшину, спасшего им всем жизнь.

Царствие ему Небесное!

***

Долг и страх

20 лет каторги и 5 лет поражения в правах. Срок, который свернёт любого в бараний рог, но рядом находилась такая же отчаявшаяся братва, имевшая не меньшие сроки за меньшие "преступления" перед народом, и Костя отмяк среди них, найдя себе занятие в лечении страдальцев доступными средствами.

Поначалу он был лагерным врачом в Сибири, потом работал на приисках Чукотки, на проходке шурфов. Долбил вечную мерзлоту ломиком и взрывал её аммоналом. Работа адская! Руки у бывшего хирурга, подававшего когда-то отличные надежды, превратились, со временем, в сплошные мозоли, растресканные до мяса, с грязью, вьезшейся в кожу навечно.

Всё в этой жизни происходит большей частью случайно, неожиданно и вдруг. Никому не гарантировано спокойствие и безмятежность с рождения и до самой кончины. Даже самого великого владыку преследуют неудачи, опасности, измены друзей и любимых, тайфуны, цунами, обвалы, сели... Нам не дано знать: где найдёшь, где потеряешь. Наша жизнь самая настоящая рулетка, по сравнению с которой казино в Монте Карло кажется настоящей детской забавой. И Костя это понял довольно скоро.

В Певеке, у начальника Таунчукотского горнопромышленного управления, неожиданно случился приступ аппендицита. Медицинскую службу там возглавляла простая медицинская сестра из вольнонаёмных, не имевшая, естественно, понятия о настоящей хирургии. Дело осложнялось тем, что нельзя было вывести больного на Большую землю, стояла нелётная погода. Проще сказать, уже несколько дней в крае хозяйничала пурга.

В управлении срочно стали перетрясать все личные дела зеков и нашли, на счастье больного, дело военного хирурга Васильева.

Санно-тракторным поездом, в пургу, доставили его из лагеря за сто с лишним километров от Певека, переодели и привели в больницу.

Можно представить, что испытал бедный Костя, увидев после нескольких лет пребывания в бараках на положении рабочего скота чистые халатики, белые стены, сверкающие

инструменты, нормальную еду... А если представить, что и начальство вокруг него копошилось и мельтешило, даже сама генеральша пришла и просила спасти кого-то...

"Уж, не сон ли это? - думал Костя. - Нет, не сон. Это сама справедливость на время напомнила о себе. Значит, и она ещё не умерла, ещё существует на свете и шлёт мне свой небольшой привет из далёкого завтра".

- Кто больной? - спросил Васильев.

- Генерал, начальник Таунчукотского управления.

Костя сдрейфил.

Шутка ли - сам начальник управления! Это не какой-нибудь паршивый лагерник, которому он мог запросто вырезать любую ненужную часть организма перочинным ножом, одолженным у охранника. Здесь можно досрочно "деревянный бушлат" схлопотать, если вдруг что-то не так выйдет.

Минут десять сидел, молчал, потом показал обступившим его людям руки и сказал:

- Разве этими руками можно резать?

Жена генерала привела двух малолетних детишек, встала перед ним на колени...

Уговорили.

Руки часа полтора отмывал, чистил, смазывал...

У генерала перитонит оказался.

Нужна была немедленная операция.

Немедленная!

И он её сделал.

Потом три недели не отходил от постели больного, нянчил...

Выходил.

Ну и решил генерал на радостях отблагодарить Васильева.

Но как это сделать, чтобы не навлечь на себя гнев вышестоящего начальства? Чтобы не пошла отсюда в верха анонимка или же докладная о попустительстве самого начупра к "врагу народа"?

О многом они с Костей говорили за три недели вынужденного соседства. Генерал был при смерти и откровенничал, но не обо всём, умел и на краю пропасти держать язык за зубами старый чекист. Исповедоваться надеялся лишь у самого Господа Бога. Однако понял Костя из бесед, что и среди палачей есть понятие о происходящем вокруг, что и они живут тем же страхом, что и зеки. Страхом, сковавшим всех в стране, сделавших преступную круговую поруку нормой поведения.

И сказал ему в конце генерал:

- Подержу тебя здесь, в Певеке, до навигации, а потом дам направление в Сибирь. Там, говорят, режим получше нашего. Может, уцелеешь... Я позвоню кое-кому, бумаги сделаю.

Дал часы с дарственной надписью, не побоялся.

И зажил Костя в Певеке целых четыре месяца как король!

Все знали о нем, и никто его не трогал, никто не допекал работой. Всё у него было. И не только со стола генерала, от душевных щедрот его милейшей жёнушки, но и от других офицерских жён, которым делал Васильев подпольно направо и налево запрещённые в те годы аборты.

На пароход Константин погрузился с кучей вещей и подарков. Со стороны посмотреть, вроде бы и не зек даже, а комиссованный как бы. Во Владивосток без конвоя прибыл. Сам! А это - ЧП необыкновенное! Но это потому, что о Васильеве заранее сообщили, что едет такой-то и такой-то. Конечно, его встретили у самого трапа с "почётным" конвоем и отправили в Тайшетлаг, но уже без почёта. Конвой, естественно, все вещи отобрал в дороге и вышло так, что из Тайшетлага вскоре отправили его снова в Магадан с очередной партией зеков. Круг замкнулся. Видно не дошли бумаги генерала до того, кто мог что-то сделать для Кости, а, может, их и не было. А, может, и были, да решили не делать исключения какому-то бывшему докторишке, не стали рисковать карьерой и головой.

"Слава богу, что выжил всё же Костя. После 56 года женился там же, на Колыме, на бывшей связной бандеровцев, живёт счастливо. Впоследствии его реабилитировали, и он ещё долгое время работал в Магадане по доброй воле. Не всех и не сразу отпускала от себя политая невинной кровью и потом, миллионами проклятая земля лагерей.

Васильев выжил, может, и сейчас жив, давно от него писем не было, а вот все остальные... Все, с кем сидел, с кем бедовал, кто понимал меня и кого я мог понять, уже там... Все. И сколько за ними стоит таких историй, как у Кости!.. Сколько судеб и жизней загублено зря. Ради чего? Ради амбиций нескольких ошалевших от власти и людской крови мерзавцев? Нет, сомневаюсь!.. Здесь что-то иное!.. По-моему, природа делает с нами свой глобальный эксперимент, выковывая из человекoв нечто новое, ранее неведомое миру. Узнать бы только что! Может, иначе как-то всё случилось бы, может, и не нужно было тогда идти к этому новому типу "хомо сапиенса", устилая путь костями великого множества живых, мыслящих и чувствующих людей, не оставивших после себя ничего, кроме могильного праха...

Лет десять назад ходил в Кисловодске на могилу одного из них, Бориса Чичерина, однофамильца красного дипломата. Тоже был незаурядный человек. Личность! Но и он сомневался. Во всём сомневался. Такая, видно, была жизнь в те годы - сомнительная. И каждый находил в ней своё место как мог, и умел. Как ему позволяла совесть и его силы.

Не у всех они, к сожалению, оказались беспредельными. У меня, в частности, тоже».

***

Баня

«А непогода всё беснуется под окном, крутит, вертит фонари на столбах. Хлещут за окном струи дождя...

Честно говоря, я всегда немного побаивался неистовства стихии. У меня с ней, как правило, связаны самые грустные события в жизни. И сердце, милосердный вещун, в предчувствии какой-то очередной пакости судьбы сжимается и саднит в груди, прыгает, дёргается в непогоду...

Вот так же тяжело было 31 декабря 1946 года. Время близилось к полуночи, на тёмном безлунном небе ярко горели северные звёзды, шестидесятичетырехградусный мороз сделал воздух тяжёлым и неподвижным. Сковал холодом всё живое и мёртвое. Громче, чем обычно, хрустел под ногами снег, дыхание стало неглубоким, частым и прерывистым.

Дышать таким воздухом в полную грудь невозможно и самоубийственно, поэтому зеки дышали с "одышкой", словно загнанные.

В бане, срубленной ещё "пионерами" Колымы, было тепло и даже уютно. Она стояла в рабочей зоне лагеря и в ней раз в неделю, приходя с работы, зеки мылись, и сушили одежду в дезокамерах.

Банный день назначался обычно один раз в месяц, согласно графика по баракам, после конца рабочего дня. На работе каждый уматывался так, что сил едва хватало доплестись до кухни, получить свою порцию «магаровой» каши-размазухи и завалиться на нары. До бани ли тут?

Но после прихода с работы вертухаи всегда устраивали шмон у барака. Они не торопились делать «отбой», а тщательно обыскивали зеков-«мужиков» на морозе, выискивая недозволенные предметы. И всё равно блатные проносили в зону тесаки и заточки.

После «шмона», можно было входить в барак, в дверях которого стоял вор в законе и или его шестёрка, и проверял, все ли зеки принесли с собой дрова. Если у кого-то не было чурки или хотя бы небольшой щепы, его не пускали в барак.

После этого дневальный, всё тот же вор в законе, объявлял баню. В баню брали с собой на прожарку всё, где завелись клопы и вши. Мыться в бане должны были все, иначе лишали пайки. Большинство, конечно, делало вид, что моется, а на самом деле выжидали момент, когда принесут вещи с вошебойки, чтобы получить свои шмотки, иначе могли остаться совсем без одежды.

Пока братва мылась в бане, их места на нарах шпарили кипятком, выпаривая клопов и тараканов. В бараке после этой пропарки становилось душно и смрадно. И в этом смраде отчётливо слышался многоэтажный мат, которым крыли друг друга зеки, недосчитавшиеся своих вещей после бани.

Окрик дневального, прекращал ругань, объявлялось построение в столовую, за получением порции баланды с кашей. В столовой, почти бегом, на ходу, выпивалась чашка каши через край, вылизывались языком остатки и снова строем в барак, за законной пайкой хлеба, неизвестно из чего испеченного...

Хлеб выдавался каждому по списку самим бригадиром и в это время, чтобы ни произошло вокруг, зек-«мужик» должен был молчать, иначе вообще мог остаться без хлеба.

После того, как получали хлеб, зеки садились на свои нары, постелив на одеяла какие-нибудь тряпицы, чтобы не уронить и самую малую крошку из пайки хлеба. В это время в бараке стояла мёртвая тишина. Каждый старался тянуть эту счастливую минуту насыщения как можно дольше.

Потом начиналась вечерняя поверка... Фамилия, статья, срок... К полуночи все движения прекращались, объявлялся отбой и все замирали до пяти часов утра...

И так было почти всегда.

В тот праздничный вечер в огромный предбанник набилась добрая сотня давно помывшихся заключённых. Мы молча сидели на мокрых лавках вдоль стен, сложенных из сухих, как порох, лиственных брёвен и молчали. Измождённые работой и зверским холодом наши разомлевшие в тепле тела издавали страшной силы кашель, раздражающий больные лёгкие. В предбаннике собрались не все, кое-кто ещё возился в мойке, наслаждаясь самим процессом мытья. Обслуга из самых блатных уголовников в своём отгороженном закутке на редкость мирно проводила уходивший 1946 год. На грубо сколоченном столе, видном всем зекам, кроме традиционного праздничного чифира лежал белый хлеб, копчёная рыба, банка с красной икрой и чеснок...

Мы старались не смотреть в их сторону, но глаза сами искали давно забытые продукты, а нос поневоле втягивал соблазнительные запахи.

Запах, запах! Как он нас раздражал! Среди банной вони, сдобренной "ароматом" гнилых портянок, он, словно нежный цветок на асфальте, поражал воображение своей неестественностью и абсурдностью.

"Мужики" в предбаннике сидели голые, наша одежда и большие армейские одеяла американского производства на огромных кольцах висели внутри дезинфекционных камер. Особенно ушлые, как правило, зеки со стажем, исхитрились прицепить на кольца и валенки, в расчёте на то, что и им тоже неплохо подсохнуть.

В топках по камерам весело и ярко горели чурки разрубленных смолистых лиственничных пней. Жар от них доходил и до нас, высушивая влажную прыщавую жёлтую кожу.

В ту новогоднюю ночь настроение у всех было всё же каким-то миролюбивым и благодушным на редкость. Куда девалась нервозная раздражительность, не покидавшая нас все другие дни и ночи. Похоже, что каждый, сидя в тепле и глядя в огонь, вспоминал что-то своё, оставшееся там, на далёком "материке"...

Вот сейчас самое время постучаться бы Деду Морозу в заснеженное окно нашего довоенного общего дома, и сказать: "Здравствуйте, дети"! И дети запрыгали бы вокруг него, делая вид, что не узнают в бородатом дядьке своего батьку, привязавшего к лицу мочалку и вывернувшего наизнанку тулуп...

Но в моё окно никто и никогда не постучит ни там, ни здесь. Только Большая Медведица за промёрзшим стеклом показывает, что уже вот-вот наступит полночь. Зеки хорошо научились

определять время по звёздам и, как только созвездия к двенадцати часам заняли положенное место на небосклоне, все дружно стали требовать окончания "поджаривания" вшей и открытия "вошебойки".

На наши дружные крики из закутка вышел "бригадир", рыжий, хорошо сложенный и затейливо разукрашенный татуировкой бандит со стажем, имевший срок в пятьдесят лет по приговору не одного суда, и сказал:

- Ничего, ничего, мужики! Сейчас роба прогреется, и спокойненько поспите без вшей. Новый год всё же, христианской душе подарок нужен. Понимаем!

Ловким движением он привычно лихо распахнул обе двери дезокамер...

Я сидел напротив одной из них и с превеликим ужасом вдруг увидел, что всё, что в них находилось, давно уже тлело, а большой приток воздуха мгновенно воспламенил эту тлеющую массу и пламя буквально выплеснулось из камер к потолку и стало заполнять весь предбанник.

Что делать? Ведь голый же!

Голый!!!

Быстро сунул ноги в чьи-то валенки, стоявшие рядом со мной, и бросился к двери, толчком открыл её и пулей вылетел на шестидесятиградусный мороз. За мной стали выскакивать и остальные. И всё это делалось молча, молча...

Блатная обслуга, видя, что огонь уже ничем не затушить, не спеша, оделась и благополучно вышла через дверь кочегарки.

Наконец, мы опомнились, и с криками "Пожар!" помчались к лагерным воротам, а это было не близко - две стороны лагерного прямоугольника по четыреста метров каждая.

Примчавшись к воротам, остановились, дождались отставших и построились в колонну по пять человек в ряд.

Дежурный вышел из караулки, вылупил глаза, и с видом полного идиота рассматривал строй. Так длилось какое-то время, необходимое надзирателю для осмысления происходящего. Наконец, до него дошёл смысл слова "Пожар!". Торопливо открылись ворота, нас скорёхонько пересчитали и пропустили в зону...

В холодном бараке едва теплилась печка, сделанная из железной бочки, и мы, посиневшие от холода, с нетерпением ждали прихода нового 1947 года. Но мы уже не ожидали от него ничего хорошего. Ничего! Слишком впечатляющим был его приход".

***

Побег в никуда

Побеги заключённых из тюрем и лагерей были и будут всегда, как бы бдительно их не охраняли. Узники иногда сознательно пребывание в заточении меняют на кратковременную свободу и смерть при побегах. И у каждого есть на то свой резон. Побеги были и из немецких лагерей, разница состоит лишь в том, что если там едва удавалось вырваться за колючую

проволаку, дальше след беглеца мог для преследователей затеряться навсегда, в советских лагерях ситуация совершенно иная.

Например, в Печёрских лагерях, которые располагаются в выгодных для охраны местах, кругом непроходимые болота и в летнее время всё живое заедают комары, гнус, оводы, а зимой глубокие снега и трескучие морозы делают побег самоубийством.

Кроме того, везде хорошо налажена оперативная служба. На всех полустанках и перекрёстках железнодорожных и автомобильных дорог спецслужбы имеют свои посты. Во всех населённых пунктах завербованы во внештатные сотрудники НКВД-КГБ-МВД местные жители, коми-зыряне. Они хорошо снабжаются за сообщение в надлежащие органы о появлении в их регионе неизвестной личности. Кроме денежного вознаграждения получают ещё и рыбу, муку, растительное масло. Поэтому внештатным секретным сотрудникам, сексотам, выгоднее «стучать» по инстанции, чем бить таёжного зверя, а зекам, сидевшим по 58-й статье, даже мысли о побеге были противопоказаны.

Но зеки всё же бежали...

"Кажется, в том же 1947 году на Колыме была дерзкая попытка массового побега. А может, в сорок восьмом? Может, и в сорок восьмом. Разве упомнишь точно, где и когда всё это было? Ведь мы жили там без газет, без радио, как на необитаемом острове. В некоторых лагерях зеки даже не знали, что была война. Власти всё делали для того, чтобы превратить нас в скотов, бездумных и послушных рабов системы, для которых будущее заключалось в их собственной смерти. Поэтому и памяти моей трудно уцепиться за даты, события. Но это было. Было. Было!..

Столько легенд, столько слухов и домыслов ходило потом по лагерям об этом подвиге отчаяния! Я сам не раз слышал их, и каждый раз с новыми подробностями и именами. Так, наверное, рождались в народных сказаниях образы знаменитых богатырей земли русской. В каждом новом пересказе незримо жил свой Илья Муромец, свой Алёша Попович, князь Игорь...

А дело было так...».

***

«Иван Тонконогов, бывший лейтенант, дерзкий мужичонка с редкими зубами, это он всё организовал. Он и его кореша. Они всегда держались отдельно от остальной зековской шушеры, все были "лагерной интеллигенцией": кто повар, кто писарь, кто вообще "принеси-подай"... Ловко они всё это сумели сделать, незаметно как-то выжили со своих мест "старичков"-уголовников и прижились на лакейских харчах вроде бы хорошо, прочно. Жить можно, по лагерным меркам. И даже выжить выживешь при любой гулаговской катастрофе, если, конечно, не поголовно всех... А они вон, оказывается, для чего всё это делали! Да иначе у них и быть не могло, почти все кадровые офицеры, люди думающие, грамотные, повоювавшие на своём веку сполна. Жизнь повидали и знали ей цену. Поляк, помню, был среди них - Янцевик фамилия - офицер Войска Польского... Всего четырнадцать человек рискнуло. Храбрые были ребята, отчаянные. Не каждый решится и "вольняшкой" мотануть с Колымы до Тихого океана, а они из лагеря, зимой...

Зона окружена была обычными жердями, народу в ней немного и площадь была всего га четыре. Бараки одноэтажные, глинобитные, в каждом по 100 человек на двойных деревянных нарах.

Зима, февраль. Лагерь весь белый, дым от печек не давал копоти, топили только дровами. Красота, конечно, ежели бы вольным был жителем. Хоть пейзажи красками пиши...

Белая зона кругом, белая зона снежной пустыни!..

Против главного входа в лагерь - барак ВОХРы. Военная охрана лагеря состояла в основном из демобилизованных уже солдат, добровольно оставшихся на сверхсрочную службу.

Понятно, что добрый человек на такую паскудную службу сам не оставался и поэтому у зеков был вечный антагонизм с охраной, ставившей нередко последнюю точку пулей в этой никогда не прекращавшейся конфронтации.

Лагерь охранял часовой на вышке и дежурный надзиратель по лагерю.

Ночь. Ночная смена уже не работает. Все спят. И зеки, и охрана. Только "интеллигенты" пригласили после отбоя дежурного надзирателя к себе на чай. И пока Иван Тонконогов вёл "игру" с надзирателем, тому сзади набросили полотенце на шею...

Тонконогов быстро переделся в одежду надзирателя, труп которого сунули под нары.

Дежурный на вахте привычно дремал, и Иван прибил его поленом.

Теперь у зеков был наган. Захватили с собой на всякий случай и наручники.

С часовым разделались и вовсе просто: позвали с вышки погреться чаем. У вышки же Иван наставил на него наган и надел наручники.

Теперь у них была ещё и винтовка.

Всей гурьбой двинулись в барак ВОХРы.

Дежурного в бараке сняли быстро, но допустили непростительную оплошность: один солдат головой пробил оконную раму и семь километров бежал до центрального посёлка в одном нижнем белье.

Этот человек и погубил всё дело на корню. С его побегом шансов на удачу не оставалось совсем, но отступать было поздно и, забрав всё оружие, приковав солдат к нарам, зеки рванули на трассу...

На трассе им посчастливилось захватить лесовоз, они хотели махнуть на нём до Алдана, где, как говорили в лагере, американцы ещё перегоняли для Сталина самолёты. Захватив самолёт (среди них были два лётчика) можно было бежать в Японию, в Корею, в Китай... К чёрту на кулички!

Бежать!

Бежать!!

Бежать!!!

Сколько раз ко мне приходила эта шальная мысль, но я знал, что это отчаяние говорит во мне, отчаяние! Единственное место, куда можно было бежать с Колымы - на тот свет. Это им, молодым, разбалованным на войне свободой, первая отсидка казалась концом света, а у меня уже был тридцать седьмой год и условия тогда были ещё страшнее. И шансов на выживание тогда не было никаких, потому что кроме ВОХРы лютовали ещё и уголовники, которых нарочно подсаживали к "врагам народа".

Конечно же, ни в какой Алдан беглецы не попали, да и не могли попасть. А если бы и попали, то никаких американских самолётов там и в помине не было. Уже давно шла холодная война, и уже давно на нашу страну вновь опустился железный занавес секретности и молчания, отгородивший нас от "тлетворного влияния" запада и востока, кажется, навсегда. По всей трассе уже была поднята тревога, все лагеря оцетинились штыками и пулемётами и никого не подпускали к себе на пушечный выстрел: боялись нападений на другие лагеря и новых выступлений зеков.

Кстати, странно, но беглецы и не думали о таком обороте событий. Они даже и не пытались обратиться за помощью к осуждённым, предложив им вступить в их группу. Не предлагали и вооружиться оставшимся или просто разбежаться кто куда. Они твёрдо придерживались своего плана и шли на смертельный риск только сами. Понимали, наверное, что лагерь напрочь вытравливает в людях чувство коллективизма и вытаскивает из глубин человеческого я грубый и примитивный индивидуализм. «Каждый за себя» - вот главный принцип, по которому жили все зеки. И потому ни на кого не надеялись.

Их "застукали" у женского лагеря.

У беглецов было мало патронов, зато два пулемёта, автоматы, винтовки и каждый из них прошёл нелёгкую школу войны.

Они держали круговую оборону на сопке несколько часов. Сколько положили солдат у той высоты - неизвестно, но первым убили начальника своего лагеря, который, ошалев от возможности оказаться за решёткой из-за ЧП, шёл на беглецов в полный рост, не таясь, и не прячась.

И всё же из четырнадцати трое ушли неизвестно куда. Одного из них я встречал потом где-то в пересыльном лагере, но уже под другой фамилией. Это был старший лейтенант, разведчик, попавший когда-то с фронта в тыл по делам службы, и убивший за что-то в Риге милиционера прямо на улице среди бела дня. Вот этот лейтенант остался живым. И ещё не нашли поляка, офицера Войска Польского. А через некоторое время взяли где-то лейтенанта Солдатова, он уполз из сражения в самом начале и прятался в кустарнике. Ему полностью восстановили срок и хорошо помучили в лагере.

Удивляюсь, почему не расстреляли сразу же?

Так и закончился ничем этот побег, ещё раз показавший зекам силу НКВД и бесполезность сопротивления сложившейся системе угнетения.

Сопrotивление...

Было ли оно"?

***

В лагере Бух изредка вспоминал свою вербовку в подпольную организацию и не раз спрашивал себя: где мои товарищи, почему ничего не предпринимают для свержения ненавистного диктатора? И с ужасом отвечал себе: а что ты сам, Бух-Коломейчук, сделал для этого?

Неизвестно, что спасло его в лагерях: может, здоровье, может, слепой случай, а может, всё же, судьба, решившая протащить его по всем кругам земного ада и добить уже на воле, среди родных и друзей? Может, и так.

"Всё может быть в этой жизни, неизвестно кем нам дающейся, неизвестно зачем забираемой в самый расцвет мыслительного процесса, - размышлял Алексей Максимович. - Все мы под Богом ходим. И хоть я материалист, я говорю и вкладываю в понятие судьбы и Бога предопределённость человеческого существования на земле неодушевлённой природой, которой чужды страдания одиночек, и которая откликается лишь на гигантские потрясения человеческих масс, затрагивающие и её движение во времени. Она - титан, не замечающий страдания муравьёв, копошащихся на её теле, пока они, муравьи, не сбиваются в общие кучи и не превращаются в единое целое, объединённое задачей, представляющей угрозу всему живому. К счастью, люди ни разу не смогли серьёзно ранить Мать-Природу, но отношения с ней испортили окончательно. Может, поэтому она так и мстит нам, извергая из недр своих монстров, безжалостно уничтожающих себе подобных? И сколько ещё она породит их, на какие дела даст своё ласковое материнское благословение? Куда заведут эти выродки род человеческий»?

***

Сон

«Вчера ночью мне приснился странный сон: будто я умер, будто меня хоронят, будто собрались на похороны все друзья и знакомые - и живые и мёртвые, а я лежу в гробу и, одновременно, нахожусь среди провожающих меня в последний путь. Я всё слышу, что говорят обо мне и кто говорит, даже сам отвечаю на какие-то вопросы...

Странный сон.

Сладкий сон...

Я видел многих, кого уже и успел забыть напрочь. И мне приятно было их видеть, общаться с ними. И им было приятно со мной. Это были люди моего круга общения. Я был им понятен. И они были понятны мне без слов.

И мы были нужны друг другу. Нужны...

Не знаю, как долго был мой сон, но я не хотел просыпаться, и очнулся только тогда, когда мой гроб накрыли крышкой, заколотили гвоздями, опустили в могилу и стали сыпать на него землю.

Никто наверху не плакал, не произносил речей, все молча кидали пригоршнями комочки земли и просветлённые уходили от меня...

Кинул землю на свою могилу и я, оглянувшись вокруг, и увидел, что могила одиноко стоит посреди безжизненной пустыни, а люди, милые мне люди, цепочкой уходят в сторону заката...

И вот тогда я проснулся окончательно...

Станный сон, вещий сон".

***

Семья

1953 год принёс перемены не только в личной судьбе Буха, но и в судьбе многих узников системы, он стал годом надежд и годом освобождения от гнёта тирании Сталина для миллионов зеков. Правда, не всем эта свобода улыбнулась именно в год смерти "вождя мирового пролетариата", слишком большим экономическим и моральным потрясением было бы для страны освобождение столь громадного числа несчастных, поэтому их стали амнистировать и выпускать партиями.

После возвращения с севера в 1955 году, Алексей Максимович очень осторожно навёл справки о своей бывшей семье и узнал новости, в очередной раз потрясшие его своей жестокой несправедливостью.

Его бывшая жена, несмотря на их яростные ссоры и скандалы последних супружеских лет, всё равно, в общем-то, тихая и робкая по жизни женщина, забитая этим проклятушим существованием, всегда и во всём слушавшаяся родню, официально отрёкшаяся от мужа по наущению своей матери ещё в тридцать седьмом году, сразу же после его первого ареста, и вышедшая вскоре вторично замуж за старого, но ещё крепкого крестьянина-единоличника у себя на родине, была повешена немцами в числе других восьми женщин, за связь с партизанами в 1942.

Алексей Максимович был потрясён её смертью. Ведь все эти годы он вёл с ней по ночам долгие разговоры, доверяя ей самое сокровенное, самое лучшее, что было в его голове и сердце. Он любил её и не мог, не хотел верить, что её больше нет, что все долгие годы лихолетья вёл тайные беседы с покойницей. С духом!..

Смерть страшна не тем, что человек исчезает с лица земли, а невозможностью для живущих его видеть, говорить с ним, прикасаться к нему, общаться с ушедшим. А он... Он так хотел вновь увидеть её, хотя бы издали, хотя бы на секунду запечатлеть образ любимой Сашеньки в своей памяти, увидеть её в этом времени, в этой новой жизни, а потом... хоть умереть... Лишь бы она жила и была счастлива... Лишь бы она была жива!

Сын его, Виль, названный так в честь Владимира Ильича Ленина, рождения 1926 года, добровольцем ушёл на фронт и был ранен в конце войны, потерял глаз и пять пальцев на обеих руках. Однако чудом смог устроиться работать на железнодорожную станцию, где однажды пытался предотвратить аварию, но, расцепив вагоны, сам уже не успел отскочить из-под них...

Алексей Максимович не мог представить сына инвалидом, как вообще не мог представить взрослым мальчика, от которого его увели в далёком тридцать седьмом году и потому смерть сына, на фоне потери любимой жены, несколько потускнела по горечи восприятия, смазалась.

Дочери, к счастью, оказались обе живы.

Одна работала на Украине, на свекольной плантации, и жила с мужем-алкоголиком.

Вторая, младшая, оканчивала какой-то техникум, или училище, и хотела продолжить образование в ВУЗе.

Алексей Максимович не знал, как ему поступить и что делать? Открыться родным под именем Буха он не мог, это означало бы, что ему автоматически грозил новый срок по 58-й статье, а дочерям пришлось бы вновь хлебнуть лиха из тридцать седьмого года. Но и жить вдали от них ему было невыносимо.

После стольких лет разлуки и стольких смертей, Алексею Максимовичу хотелось домашнего тепла, ласки родных людей, видящих в нём не "врага народа", а отца. Ему нужно было простое человеческое общение, женская доброта, семья и дети.

Его дети.

Физически он был ещё крепок и мог дать любому сверстнику сто очков вперёд, но он устал бродить по земле в полном одиночестве, устал носить на себе чужую шкуру, чужое имя...

Он прекрасно понимал опасность своего положения и мудро решил не торопить события. Сталин-то уже умер. Неужели ничего не изменится в этом мире с его смертью? Неужели невинно пролитая кровь не призовет к отмщению? Должна, обязана.

Да, решил Бух, не следует торопиться, нужно хорошенько осмотреться и разобраться в этой жизни, из которой его насильно увели почти двадцать лет назад и которую он совсем не знал.

И он устроился на работу.

***

ГэБэ

В лагерях им было освоено множество профессий, но основной стала профессия строителя. Довольно скоро он занял место бригадира в одной строительной конторе и стал зарабатывать прилично по тем временам. Значительную часть денег высылал на имя младшенькой, не открывая истинного своего имени. Этим и утешился на время. А тут вскоре подоспел 1956 год и съезд партии, который, во всеуслышанье, заявив о культе личности Сталина, косвенно снимал с Буха обвинения по первой судимости.

Алексей Максимович воспрянул духом и сразу же бросился в КГБ. Там всё рассказал о себе в мельчайших подробностях и увидел, с какой ненавистью смотрели на него некоторые бывшие энкэвэдэшники в новенькой форме Комитета Государственной Безопасности. Но он уже не боялся их. Он искренне верил, что их время прошло, и настала пора всем репрессированным снова встать в полный рост и заговорить в полный голос.

***

Вообще в те годы в стране царила удивительная эйфория разоблачительства. Появилась даже мода на репрессированных в семье и в родне. Как-то даже считалось предосудительным, если кого-то из близких родственников не постигла в тридцатые годы трагедия. И, как от любого перебора, в этом вихре срывания масок Бух почувствовал новую зреющую беду. Но вот в чём она заключалась, не мог сразу понять и, по своей давней привычке, внимательно прислушивался к настроению окружающих его людей, к информации в газетах и на радио, к речам начальников на собраниях, стараясь раньше многих угадать ожидаемое событие и, в случае грозящей лично ему опасности, принять необходимые меры самозащиты.

***

Пока кэзгэбэшный запрос о Бухе-Коломейчуке гулял по великому и могучему Советскому Союзу и по всем лагерям не менее великого арестантского севера, Алексей Максимович решил не тянуть с объявлением на свет божий под старым именем и написал дочерям о своём воскрешении из мёртвых, о запоздалом прибытии из зековского небытия.

Вскоре к нему приехала младшая дочь.

После освобождения Алексей Максимович поселился на юге и она, имея на то свои веские и пока тайные для него причины, решила, что ей будет лучше, если свою жизнь она начнёт строить вместе с отцом.

Он был ей рад несказанно - всё родная кровинка рядом! И хотя, поначалу, им пришлось снимать квартиру в плохо отапливаемом бараке, Алексей Максимович был счастлив настолько, что не обратил внимания на то, что дочь ждёт ребёнка...

***

Когда родилась внучка, Алексей Максимович снова ощутил себя молодым и здоровым, сбросившим лет двадцать своей неустроенной холостяцкой жизни.

Дочери сказал, что отец, отказавшийся от своего ребёнка, не может считаться порядочным человеком, и поэтому ноги его в их доме не будет никогда.

Его дочь мечтала поступить учиться в институт. Наверное, ей генетически передалась отцовская тяга к знаниям. Может, из неё вышел бы хороший специалист...

В конце пятидесятых она была убита и ограблена ночью на улице, когда шла с работы после второй смены.

Внучке было тогда три года.

***

Бух перенёс и этот страшный удар судьбы. Он не отдал ребёнка в приют, как это ему советовали сделать сердобольные соседи, а вырастил, и поднял её на ноги не хуже родного отца. На многие годы она стала его единственной радостью, единственной заботой и печалью. Единственной и настоящей опорой в жизни.

Бумаги Алексея Максимовича "гуляли" по стране почти два года.

Целых два долгих года!

Всё это время где-то проверяли и перепроверяли его родословную, где-то сверяли факты биографии, а где-то зачитывались протоколами допросов и судебных приговоров.

И вот однажды, ещё при жизни дочери, его вызвали в республиканское управление КГБ.

Невысокое угловое серое здание, являющееся тыловой частью целого комплекса строений карательного ведомства республики, чем-то неуловимо напоминало дома, построенные пленными японцами на Дальнем Востоке, и вызывало неприятное воспоминание у Буха о недавнем прошлом.

Скорее всего, это происходило оттого, что он уже знал о том, что в нескольких метрах от вполне приличных и привычных для обывателя чиновничьих кабинетов, внутри прямоугольника таких же уродливых построек, находилась бывшая внутренняя тюрьма НКВД, славившаяся своим жестоким обращением с заключёнными по всему югу Советского Союза.

А может, просто он уже накопил достаточно информационного материала для оценки политического и экономического положения в стране, сложившегося к 1958 году, кто его знает? Он и сам вряд ли тогда мог бы определённо сформулировать своё отношение к режиму Хрущёва и своё отношение к его реформам в армии, в стране и в карательных органах. От эйфории первых месяцев "политической оттепели" Бух смог вылечиться довольно быстро, так как вновь увидел всю ту же неприличную игру политических авантюристов и выскочек хрущёвской эпохи, безболезненно перескочивших в неё из эпохи сталинской. Но в нём всегда жила надежда на лучшее в человеке, надежда на прекрасное. В нём жил и никак не мог умереть революционный романтик времён гражданской войны. И поэтому он уверенно смотрел в будущее.

Высокий и седой красавец в гражданской одежде, сидевший почти в пустом кабинете приёмной, привычно предложил сесть Алексею Максимовичу на единственный стул и равнодушно объявил:

- Ваше дело рассмотрено самым тщательным образом. Можете жить и работать спокойно, вы арестовывались напрасно. Вас реабилитировали. До свидания!

- А... А как с документами на моё старое имя? - только и спросил ошалевший от неожиданного приёма Бух, пылливо всматриваясь в ничего не выражающие глаза чекиста.

От этого вопроса хозяин кабинета встал во весь свой огромный рост, и неожиданно пророкотал металлом в голосе:

- Вам что, гражданин Бух, не нравится имя Алексея Максимовича?

Над головой чекиста висел рисованный портрет Феликса Эдмундовича, сосредоточенно смотревшего куда-то в сторону такими же оловянными глазами, как и у его младшего коллеги по профессии.

- Нравится, - тихо пробормотал Бух, и пошёл к выходу.

Голос.

Он узнал этот голос.

Так разговаривали с ним в лагерях и тюрьмах и наши, и немцы, и итальянцы. И вот, теперь этот... И это уже сейчас, после всех решений и постановлений... Как это понимать? Неужели снова возврат к старому? Неужели они непобедимы везде и всегда? Во всём мире, во всей вселенной...

- А почему в своём заявлении вы не просите о восстановлении в рядах ленинской партии? - остановил Буха кэгэбэшник.

Алексей Максимович замедлил шаги, и сказал, глядя в пол:

- Не хочу получать вторую пощёчину. Прощайте!

Он ушёл униженным и раздавленным. И никогда больше не заводил разговора с начальством о своей старой фамилии. Он боялся снова услышать в ответ всё тот же проклятый народами голос - голос безжалостного охранника и палача. Его устраивало, что родственники знали о нём всё, а больше он никому не хотел навязывать себя и свои болячки. Единственное, что Бух позволил себе позднее, на склоне лет, так это табличку на воротах своего дома, где обе его фамилии красовались вместе, разделённые небольшой чёрточкой.

***

Александра Трофимовна

Женитьба - это ответственный момент для человека в любом возрасте. При вступлении в брак каждый супруг берёт на себя половину той ответственности на пути начинающейся семейной жизни, за которую рано или поздно ему нужно будет нести ответ или перед Богом, или перед людьми, или, что страшнее всего, перед самим собой.

Молодёжь в браке чаще всего желает самоутверждения и не хочет ни в чём уступать друг другу, тем более, брать какую бы то ни было вину на самого себя. После двух-трёх крупных скандалов молодые супруги чаще всего делают скоропалительный и трагический вывод...

Что касается людей старшего возраста, то у них брак заключается осознанно и потому они умеют терпеливо переносить обиды и делают друг другу необходимые уступки.

В 1960 году Алексей Максимович женился во второй раз. По документам ему исполнилось 69, жене - 49. Жена его была ещё сравнительно молодая женщина, овдовевшая в конце войны. Детей у неё не было, из родственников остался только один брат, да и то двоюродный. К мужчинам Александра Трофимовна, так звали эту женщину, относилась равнодушно, поэтому и не смогла устроить свою судьбу после войны. Все годы вдовствовала одна, заботясь только о себе и это ей, в конце концов, надоело. Одиночество стало невыносимо и вот тут-то она встретила Алексея Максимовича, которому в данный момент было совсем не до скуки и размышлений на возвышенные общечеловеческие и политические темы, нужно было ставить на ноги внуку, нужно было зарабатывать деньги и содержать в порядке квартиру.

Но всё же, надо отметить, он с самого первого дня их знакомства обратил особое внимание на Александру Трофимовну и не столько за её выдающуюся внешность, сколько за имя.

***

Александра...

Так звали первую жену. Она часто являлась ему во сне такой, какой он запомнил её при аресте: полуодетой, встревоженной, с растрёпанными волосами и каким-то странным, отсутствующим взглядом.

«Может, она всё решила про них двоих уже тогда, в тот момент? Всё может быть. Горная лавина рождается с обрыва со скалы маленького камешка, а тут покати́лась глыба... И какая!»!

Как бы там ни было, но он всё ещё любил её и думал о ней как о живой, потому что не хоронил её, не кидал последнюю горсть земли на могильный холмик, не закрывал её прекрасных глаз...

***

Ещё при жизни дочери Бух сумел поставить за городом небольшой заливной домик из шлака и с тех пор каждое лето его улучшал, делая пристройки.

Южный климат не щадит подобные строения, и Бух каждый год красил своё жилище, белил. И всё это он делал один, без хозяйки, без помощи друзей, которых так и не завёл.

Постепенно в его усадьбе появилась добротная сараюшка, забор, сад...

Со своей будущей женой Алексей Максимович встретился на работе, они трудились в одной организации, и оба сумели за два-три года знакомства присмотреться друг к другу.

Александра Трофимовна, как считал Бух, заметила его не за красоту. Ей наверняка понравился аккуратный и работающий, непьющий старичок. Не болтун к тому же. Да Алексей Максимович и замечен был на работе, к нему относились с огромным уважением все члены его бригады, ребята тёртые и всё прошедшие на своём веку. Заслужить их уважение было непросто. А женщины всегда чувствуют и выделяют лидера из любого коллектива. Вот она и выделила его.

К тому же, иногда Бух приводил с собой внучку, которая одиноко играла на песочке в куклы. А её бабушка в это время возводил очередной объект народного хозяйства. Как-то само собой у Александры Трофимовны вошло в привычку в свободное время играть с девочкой, и девочка тоже незаметно привязалась к ней. И вышло так, что вскоре одинокая женщина, продав свой домик в центре города, переехала в дом Буха, в который Алексей Максимович, будто загодя зная об этом, сумел встроить ещё одну жилую комнатку.

Сборно-составной дом Буха строился им по весьма мудрёному проекту, завизированному в "нахалстрое". Этот район в городе так и прозвали Нахаловка, потому что никто, никогда и никому разрешения на строительство здесь не давал, и каждый год все постройки грозились снести.

Люди в это не верили и продолжали строиться, потому что с жильём в городе была настоящая катастрофа. Кто знает, чем бы всё это кончилось, но в начале шестидесятых в этот южный город приехал Никита Сергеевич и, увидев, как люди живут, принародно заявил, что нужно поощрять строительство личных домиков.

Тут же к нему стали пробиваться горожане, с заранее заготовленными заявлениями и просьбами на строительство, на отведение земельных участков...

Многим в стране и за рубежом запомнилась эта удивительная картина единения руководителя великой страны с простым народом. Охрана генсека ничего не могла сделать, и тысячи людей пробились к человеку, от подписи которого зависела их судьба. Сколько потом местное начальство ни пыталось грозить "нахаловцам" выселением, сделать было уже ничего нельзя. На большинстве заявлений жителей посёлка или пригорода (сейчас уже трудно определить статус этого района города) стояла подпись Никиты Сергеевича Хрущёва.

Он всем ошарашенным жителям так и запомнился: озабоченный и радостный, устало раздающий подписи на разнокалиберных листках бумаги.

Жаркое южное солнце, испуганные лица охранников и местного начальства, и толпа горожан, рвущихся к своему кумиру, навсегда остались и в памяти Алексея Максимовича.

Он тоже заимел его подпись.

Она дорога ему ещё и тем, что он видел перед собой человека, впервые сказавшего о Сталине правду. Человека, впервые ставшего на путь объединения людей не путём насилия над ними, а путём взаимопонимания и прогресса. Человека, заставившего всех смотреть друг другу в лицо, не опасаясь быть оскорблённым презрительной кличкой "враг народа", сын "врага народа", внук "врага народа"...

После свадьбы, наполовину распитой бутылки домашней наливки, молодожёны зажили не то чтобы счастливо, но дружно. Каждый из них нашёл в браке то, что искал: собеседника, живую душу, с которой можно было и поговорить и помолчать вместе.

Бух ценил в Александре Трофимовне скромность, невзыскательность, терпимость к неудобствам материального порядка, жертвенность совершенно невообразимую. Это касалось в основном внучки, которую она полюбила до безумия.

Впрочем, её поступок вызвал разные толки.

Одни говорили, что правильно сделала старуха на пороге смерти, хоть поживёт с живым человеком последние годки.

Другие называли её дурой, связавшей себя в таком возрасте браком со стариком и крошкой ребёнком, от которой всё равно, даже если и вырастет, толку не будет, выйдет замуж и...

И, хотя в последнем злые языки оказались правы (внучка выросла, вышла замуж за военного и уехала с мужем на дальнюю заставу, откуда высылала только приветы и переводы), Александра Трофимовна не жалела о своём поступке никогда. Бух это знал точно. Она была счастлива в те годы, когда растила девочку. Видно, в ней не был удовлетворён инстинкт материнства и она, с опозданием, но своё, данное ей природой, взяла сполна.

***

Александра Трофимовна оказалась не только хорошей приёмной матерью и бабушкой одновременно, но и прекрасной домашней хозяйкой, у которой всё ладилось и вскоре по двору усадьбы Буха забегали овцы, куры и кролики.

***

С удивлением заметил Алексей Максимович, что отдыхает душой, выхаживая вместе с нею большое стадо тварей Господних, ему (надо же!) доставляло радость занятие сугубо крестьянским трудом, и он почувствовал себя самым счастливым человеком на земле.

Как всё хорошо складывалось в тот год: и дом сразу стал домом, и внука под строгим присмотром, и жена оказалась доброй, ласковой, работающей.

Что человеку ещё нужно?

Алексей Максимович иногда размышлял не только о судьбах человечества, но пытался осмыслить и более прозаические вещи.

Например, что же такое есть соединение двух живых мыслящих существ как в плане чисто биологическом, так и в духовном?

Ничего хорошего из этого никогда не получалось. Размышляя в общих чертах о двух противоположностях, он приходил к умозаключению, что они могут и должны составлять единое целое по многим позициям, но, как только переключался на частности, то есть, на свои собственные взаимоотношения с прекрасным полом, у него всё шло кувырком, он ничего не понимал, ничего не соображал в их поступках и в их проклятой женской логике.

Как бы то ни было, но первые годы супружества были прекрасны! Алексей Максимович искренне верил, что так теперь будет до самой его смерти.

Во-первых, он не собирался ничего менять в своей личной жизни, надеялся, что так же думала и Александра Трофимовна.

Во-вторых, знал, дом - гордость Алексея Максимовича, простоит не один десяток лет, потому что кроме охранной грамоты, подписанной великим человеком, его район вряд ли серьёзно заинтересует городские власти и строителей до конца века.

***

И в этом он оказался прав.

Дом стоял последним перед огромным колхозным полем, за которым уже начинался подъём в горы. Строительство новых микрорайонов шло в центре и на другой стороне города, здесь же было затишье. О Нахаловке словно забыли в горсовете. И, слава богу!

Александра Трофимовна со временем развела небольшой сад во дворе: посадила яблоньки, груши, вишню, черешню, даже воткнула в землю несколько прутьев винограда, каждое лето высаживала в грунт помидоры, дыни, огурцы...

Внучка была довольна своей новой жизнью. Ей прибавилось заботы разве только в уходе за овцами и кроликами, которых она любила и не видела особого труда в их кормёжке и уборке навоза за ними. Осенью девочка с удовольствием помогала взрослым срывать с деревьев яблоки, груши, летом - черешню и вишню. Александра Трофимовна была большая специалистка по части варенья, соленья и сушки всяких продуктов земли и всему этому с тщанием обучала внучку...

Так и шли годы.

Старики незаметно для себя старели, становились всё более и более слабыми, дряхлыми, а внучка росла. Потом как-то неожиданно вышла замуж за курсанта пограничного училища и через год уехала с ним к месту службы.

Алексей Максимович и Александра Трофимовна долго не могли привыкнуть к её исчезновению из их жизни, но со временем притерпелись и к этому "несчастью". Два раза даже смогли собраться в гости к ней, но, как оказалось, это занятие уже не для них - езда на дальние пограничные заставы.

***

Алексей Максимович всегда помнил, что где-то на Украине живёт и до сих пор работает на свёкле последняя его дочь - Зина. Точнее Зірка, как она была названа и зарегистрирована при рождении, что означает по-русски Звёздочка. Во время оккупации мать переименовала её, боясь, что давний выбор этого имени отцом-коммунистом может быть для ребёнка опасен. Проклятый страх уродовал людей, заставлял думать о вещах, на которые раньше никто не обращал внимания. Но мать понять можно, время надвигалось страшное, жестокое и всё могло быть, могло и имя послужить поводом для уничтожения даже невинного дитя. Мало ли негодяев по свету шатается? Так лучше не рисковать, решила мать, и Зірка стала Зиной. Но Алексей Максимович так до сих пор и называл её первым именем, впрочем, нисколько не обвиняя за содеянное свою бывшую жену, искренне стремившуюся спасти любой ценой жизнь своим детям.

После войны Зина выросла доброй дивчиной, хорошим человеком и отличным работником. Даже в областной газете не раз отмечали её трудовые достижения, о чём она каждый раз исправно уведомляла отца, сопровождая сообщение соответствующей вырезкой из газеты.

Алексей Максимович гордился её трудолюбием и писал на Украину длинные письма, выражая своё искреннее восхищение её трудовыми подвигами.

Замуж она вышла за тракториста и комбайнёра, самого почётного человека на селе в те годы, но с замужеством ей не повезло. Муж попался никудышный: пьяница, эгоист, болтун и лентяй. Алексей Максимович лишь однажды встречался с ним в начале шестидесятых, но и этого раза ему хватило на всю жизнь.

Не по душе он пришёлся Буху, не по душе.

Вся беда его заключалась в том, что он, как и многие мужики из того послевоенного поколения, не смог вписаться в мирную жизнь, много куролесил, не вёл добропорядочного существования и крепко зашибал "горькую".

Многое ему можно было простить, - разве он один оказался с изъяном по линии зелёного змия, или же один ходил от жены "на сторону"? - но трудно было понять и простить его склонность к издевательствам над женой, его убеждённости в том, что она пожизненно дана ему в прислуги, словно рабыня.

***

В хорошем или же плохом воспитании детей в первую очередь виноваты сами их родители. Это истина, которую трудно опровергнуть. Во время войны, да и после неё, вся тяжесть тыловых лишений легла на плечи молодых женщин, оставшихся без кормильцев с целыми оравами малолеток. Несчастные вдовы перенесли на своих плечах все ужасы войны: холод, голод и непосильную работу. И так в это лихолетье незаметно для себя втянулись в каторжный труд, вросли, что ли в него, что им стало казаться, что и их детям уготована та же участь, та же рабская подневольная жизнь до конца их собственных дней. Часто можно было слышать от таких родителей слова о том, что, мол, пусть отдыхают дети, пока маленькие, наработаться ещё успеют на своём веку... И, по укоренившейся привычке, сверх основной, брали и всю домашнюю работу на себя...

И всё равно Алексей Максимович искренне не понимал, почему случилось так, что сразу после войны очень многие молодые и крепкие парни, сыновья победителей, стали отъявленными себялюбцами и алкашами? Жизнь они воспринимали только днём сегодняшним, и старались не думать и не загадывать на срок больший. При случае, воровали, что попадётся на глаза, и постоянно находились в конфликте с матерями, основным финансовым источником их пьянства. В основе своей, это были простые и даже симпатичные ребята, но, когда они сходились вместе, то становились опасной стаей. С ними Алексею Максимовичу пришлось хватить немало "мурцовки" в строительной бригаде и он возненавидел их всей душой, избавляясь от таких «подарков» судьбы в самое короткое время.

От них, от этих избалованных матерями пацанов войны, пошли пословицы и поговорки, убивавшие интерес к жизни: "раз живём", "всё равно война", "атомный век"... Бух не принимал и не понимал никаких извиняющих обстоятельств грубой и бесчеловечной эпохи.

Человек, считал он, всегда должен быть человеком и сохранять своё человеческое лицо. Иначе, во что может превратиться человечество?

Но это Бух видел, понимал и воспринимал молодое поколение и своего зятя таким, каким они казались ему с вершины его жизненного опыта, а вот его родная дочь Зина, сверстница мужа, видимо, что-то находила иное в этом человеке и потому родила ему сына, а отцу внука.

К великому сожалению, растила внука главным образом бабушка по отцу. Ударная стахановская работа не дала Зинаиде возможности самой взяться за воспитание единственного отпрыска и бабушка воспитала внука по своему любимому принципу: нападай на других, если не хочешь, чтобы напали на тебя.

Закваска этой нехитрой бандитской философии была у неё ещё с тех далёких лет, когда муж её пошаливал в Гуляй-поле у батьки Махно, за что получил свою порцию свинца неизвестно где и от кого. Он умер незадолго до новой волны массовой коллективизации в тридцать

шестом. Можно сказать, что ему просто крупно повезло в этом, а то бы гулял где-нибудь вместе с Бухом по бескрайним просторам Колымы, вспоминая своего любимого предводителя.

Но вот ведь как бывает в жизни: несмотря на то, что остался от него пацан совсем мал-малёшенек, однако, вероятно, кое-чему сумел научить отец своего пятилетнего малыша, иначе, нельзя понять наличие садистских наклонностей уже у взрослого и самостоятельного мужчины, в которого мальчик превратился через двадцать лет.

А, может, и впрямь права пословица: яблоко от яблони?

У самой бабки, конечно, кое-что осталось с той разбойной поры про запас на чёрный день и она не бедствовала всю войну, спасла на добро, награбленное мужем, сына от угона на работу в Германию, да и до наших дней, как оказалось, сохранила немало царских рубликов с портретом любимого императора. Вот на это, замаранное кровью золото мужа, она вырастила и внука, здорового малого, по имени Пётр Гнатюк, родившегося у Зинаиды в 1949 году.

***

Внук

Петр Гнатюк после службы в ракетных войсках стал водителем автомашины в родном совхозе, пьяным поехал на машине в город, задавил где-то по дороге человека и сбежал с Украины от греха подальше на юг, сунув, предварительно, кому следовало, несколько золотых монеток из бабкиных запасов.

Уголовное дело в родных местах замяли, но появляться в ближайшее время в совхозе Петру не следовало, и он решил основательно присмотреться к новым порядкам по новому месту жительства.

Пожив немного у деда, он понял, что и на юге жить можно в своё удовольствие. Взятки здесь берут не только рядовые милиционеры, но даже министры не брезгают подношениями и берут не так дорого, как на родной земле. Там уж совсем "оборзели", совсем совесть потеряли.

Проведя, таким образом, разведку, Петр решил твёрдо обосноваться у деда надолго, так как положение дел в республике его устраивало вполне.

Обо всём этом Алексей Максимович догадался значительно позднее, когда внук уже жил в его доме на правах полноправного хозяина, и понемногу терроризировал и его, и Александру Трофимовну.

А в самом начале своего пребывания вдали от родимого дома он был милее милого, роднее родного. Внук сознавал, что единственное спасение на сегодняшний день - дед, его квартира, его защита, его имя, биография Алексея Максимовича и авторитет трудолюбивого работника, невинно пострадавшего в годы культа, бессеребренника, ведущего большую работу с молодёжью, труженика, почти двадцать лет отработавшего на одном месте...

"Пётр так сумел подкатить ко мне, старому дураку, так смог разжалобить свалившимся на него несчастьем, что надолго выбил у меня желание хоть как-то критически оценивать поступки внука.

У Петра, кроме того, была ещё жена на Украине и сын, теперь уже мой правнук, которого я заочно полюбил неизъяснимой любовью старого человека, воочию ощутившего свой исчезающий след на земле, протянувшийся сквозь века. Да-а...".

Нехитрая одиссея Петра закончилась тем, что Бух прописал его к себе в дом, помог устроиться шофёром на предприятие, где работал до выхода на пенсию. Затем заставил привезти сюда же и жену с правнуком, опасаясь, что вдали от семьи внук может разбаловаться, и не захочет потом жить в семье нормально. И это было самое счастливое время их совместной жизни.

Целых два года они жили как добрые и ласковые друг к другу родственники, живущие настоящей единой семьёй.

***

И всё же, несмотря на своё не критическое отношение к юному потомку, Бух довольно быстро разобрался в характере Петра и попытался исправить в нём кое-что, с его точки зрения, совершенно ненужное молодому человеку в жизни, но... Не тут-то было!

Внук, почти с самого момента появления на работе, сошёлся с дурной компанией и приворовывал в группе друзей, верховодил которыми сам директор автобазы.

Воровали всё: стройматериалы, сантехнику, фрукты, запчасти. Ворованным снабжали "своих" покупателей в радиусе до сотен и даже тысяч километров. Отправляли грузы не таясь, крупными партиями, не только на машинах, но и контейнерами по железной дороге.

Размах воровского предприятия поражал воображение. Но это было так.

Бух смог узнать про это и от самого внука и, покопавшись в некоторых документах, которые он, вроде бы случайно, просматривал, заглядывая в гости на старую работу. Он совершенно неожиданно для себя открыл, что все годы после отсидки старался сознательно не замечать нарушений закона, делал вид, что всё идет так, как нужно, в рамках существующего законодательства. А пока он так думал...

Короче, Бух стал старательно вспоминать все случаи сомнительного свойства, которые происходили у него на глазах за последние годы работы, начал выспрашивать у рабочих, стал прислушиваться к разговорам...

Его не боялись, он был своим человеком, и очень скоро ему всё стало ясно.

***

Рецидив справедливости

"Я многое в жизни знаю, многое видел, над многим размышлял в тиши тюремных камер и в несмолкаемом шуме лагерных барачков, убеждён всем своим жизненным опытом, что человека плохим делают обстоятельства. Не сложилось что-то - и человек мог стать "врагом народа", ещё что-то не так сошлось - плен, посчастливилось - бежал, не посчастливилось - смерть или служба у немцев.

Но это всё тяжёлые времена, когда нужно решать по самому крупному счёту, а вот у внука-то что? Почему он безропотно влился в преступную группу? И жизнь другая - мирная, условия другие - не такие жестокие, какие выпали на долю старших поколений, и перспективы жизненные не идут ни в какие сравнения с нашими.

Да, я многое знаю, многое видел, но совершенно не понимаю некоторых шустрых представителей современности. Вначале я относил это к годам своей вынужденной изоляции, потом стал думать, что дело тут в другом. И именно поэтому рассказал о своих наблюдениях участковому милиционеру.

Далось мне это нелегко. И тут дело не только в том, что я фактически доносил на своего родного внука, а в том, что я... доносил.

Разве сам я не пострадал в результате лживого доноса в тридцать седьмом? Разве мои товарищи не пострадали от этой проклятой болезни нашего века? И разве все "интеллигенты политические" не презирали фискалов и доносчиков и не относили их к самым презираемым отщепенцам рода человеческого?

Всё это так, но разве должен честный человек проходить мимо преступников, совершающих преступление?

Кажется, это Достоевский начал первым выяснять в литературе нравственно или не нравственно доносить на ближнего? Что с него взять, ведь сей господин и сам был арестантом, поэтому уже одно это не даёт ему морального права ставить окончательную точку в столь деликатном вопросе. Он пристрастен. Пристрастен, как и любой из нас. Да и что бы тот же Достоевский делал, если бы, например, ему точно было известно, что завтра группа бандитов готовится пролить кровь так любимого писателем невинного ребёнка? Донёс бы он или нет? А если бы донёс, то кем бы он был?.. Интеллигент! Умел только вопросы ставить каверзные и то половинчатые.

Я тоже долго голову ломал над этим вопросом. Должен ли я молчать? Нет, не должен. А что я могу реально предпринять против этой банды? Всё, что угодно, только не молчать. Однажды мы уже молчали и домолчались. Однажды мы старались не видеть преступления и стыдливо отворачивались от них и доотворачивались. Даже с теми же доносами вышла полная ерунда. Нам не хотелось хватать за руку преступников, пишущих на честных людей подмётные письма, не хотелось вслух говорить о своих бывших товарищах, засевших в кабинетах, только и внимающих этим письмам, не хотелось верить, что там, наверху, инспирируют эти потоки лжи.

Нет, если бы тогда, в тридцатых, мы сразу бы схватились и с теми, и с другими, и с третьими, то они не смогли бы ничего сделать с нами. А мы сидели и молчали, а если не молчали, то стыдливо говорили о порядочности и непорядочности совершаемых гнусностей, сотрясали воздух эмоциями. А впрочем, это не только мы делали. В России всегда творились гнусные преступления у всех на виду и чем выше был чиновник, тем гнуснее были и его дела.

Взять того же князя Меншикова. Ну, кто поверит, что за человеческую жизнь можно обогатиться таким несметным богатством, какое было у него к концу его карьеры? Естественно, что воровал. И крупно воровал.

А что оставил в память о себе потомкам?

Славу невинно пострадавшего опального государственного деятеля. Образец для подражания молодёжи: воруйте, обогащайтесь за счёт ближнего. И даже если вы попадёте на воровстве, то вас всё равно запомнят, как умного человека, а не честного глупца, не сумевшего воспользоваться благоприятными обстоятельствами.

Вот она, растлевающая мораль русского общества, порождающего преступников. Вор у нас всегда купается в лучах славы своего ремесла, а честный труженик презирается за глупость. Именно об этом пишутся книги, ставятся кинофильмы, рассказываются анекдоты. Недаром кумиром современной молодёжи стал Остап Бендер - мошенник и прощелыга. Ни одно крупное преступление, совершённое высшими чиновниками в последние годы не наказывалось по всей строгости закона. Всё решается кулуарно, келейно, по партийному... Но народ не проведёшь, он всё видит, всё знает и делает свои выводы.

Грустно только, что расплачиваться потом будем все вместе: и воры, и честные труженики, и сторонние наблюдатели.

У нас, россиян, к великому сожалению, нет иммунитета против воровства. Мы считаем воровство естественным для человека, и это закладывалось в подрастающее поколение советскими руководителями с самого детства. Раньше это считалось грехом, а сейчас...

Коммунисты истребили в людях последние корневые отростки совестливости, чудом прораставшие в чистых душах из глубины столетий. Не совести, а именно совестливости. Эти понятия, на мой взгляд, совершенно разные. И потому мы так легко отрицаем частную собственность и не можем принять то, что принимает и понимает весь цивилизованный мир, говоря: "путём праведным не наживёшь палат каменных", а потому - экспроприируй экспроприируемое, грабь награбленное.

Я убеждён в правдивых сигналах в органы, призванные наблюдать за соблюдением строжайшей законности - основа народного контроля. В них, и только в них сила нашего правосудия и правопорядка. Просто у нас извратилось понятие о чести и бесчестии.

Почему я должен делать вид, что ничего не происходит, и подавать руку подонку и вору, а не стремиться всеми силами к его аресту, к его изоляции от общества?

Нет, любое преступление должно быть наказано и любой преступник, какой бы пост он не занимал, должен понести наказание за совершённое злодеяние.

Всё это, конечно, так, но всё-таки...

Всё-таки, я ищу себе оправдание".

***

Промучившись с этим проклятым вопросом несколько дней, Алексей Максимович всё же пошёл к участковому милиционеру, и имел с ним многочасовую беседу.

В результате на свет появилось длиннущее заявление.

Написав заявление, Бух долго переживал, даже заболел гриппом, потом ангиной с тяжёлым осложнением на лёгкие и был помещён в свою маленькую комнатку, превратившуюся на длительное время в своеобразное КПЗ домашнего пользования.

Родственники к нему никого не пускали, и он лежал совершенно один и привычно размышлял о своей жизни, о жизни молодого поколения. Он знал, что болен серьёзно и готовился к самому худшему, мысленно прощаясь со всем живущим на земле. Он довёл себя до полной готовности к переходу в мир иной и стал внутренне и внешне походить на нечто взнезменное, неодушевлённое, светлое и умиротворённое.

Александра Трофимовна заказала молебен в церкви и купила ему всё нужное для погребения.

Но ему не суждено было умереть и в этот раз в домашней обстановке.

Как только ему стало немного лучше, внук, до этого не заходивший в комнату деда, стал каждый вечер после работы навещать его с одним и тем же вопросом: "Ну что, Павлик Морозов, ещё не сдох?" И с тайной надеждой смотрел Буху в глаза.

Если бы не эта наглость родного человека, неизвестно, сколько бы он ещё провалялся в постели, но тут что-то произошло в его могучем, но обессиленном организме, он встал на ноги буквально в несколько дней.

Выздоровев, тут же решил поговорить с внуком, но тот разговаривать не стал, повертел пальцем у виска и пообещал отвезти в психушку, если дед не уймётся. На худой конец, предложил старику самому, по собственной воле отправиться к праотцам, чтобы не коптить даром небо. Обещал, паршивец, и отравой снабдить.

"Вот оно, крапивное семя, - подумал Бух тогда, вспомнив деда этого щенка по отцовской линии. - Яблоко от яблони...".

- В-о-он! - орал Бух диким криком. - Вон! И немедленно! Жена и ребёнок пусть остаются, а ты - вон!

- Завтра, - сказал внук, криво усмехаясь, - завтра я съеду, полицейская твоя шкура!

Алексей Максимович онемел от такой наглости и не скоро нашёлся, что возразить этому... Этому молодому человеку. Но тот и не ждал возражений, широкая спина Петра Гнатюка уже мелькала под окнами дома.

***

Благодарность потомков

"Господи! - думал Бух. - За что ты так меня, за что? Неужели за то, что я не пошёл той дорогой, которую ты указал мне в самом начале жизни? Вот ведь когда откликнулись годы бездействия в немецком тылу, вот когда выстрелил тот патрон, который предназначался мне в сорок первом. Разве кому-нибудь сейчас докажешь, что не хотел себе такой судьбы, что готов был умереть, и умер бы ещё в тридцать седьмом, в сорок первом и потом, в сороковых... Да и сейчас, день-два назад, разве не собирался в далёкий путь без стонов и сожалений? А этот

выродок... "полицейская шкура"! Посмотреть бы на тебя в то время, да в тех обстоятельствах... Ты бы шкуры с живых людей сдирал, точно!

Господи, Господи, ну почему я должен ещё и через это пройти"?

***

На другой день после обеда Пётр появился возле дома на машине.

Бух в это время возвращался из туалета, который прилепился к сараю, и сделал вид, что не видит внука. Как ковылял по тропинке, покрытой толстыми кусками чёрной резины, так и продолжал свой путь, но этот маневр был ошибкой, поскольку Пётр, догнав деда на огороде, ударил его чем-то тяжёлым по голове.

Когда Бух упал в грязь, Пётр наступил ему ногой на голову и вдавил в чернозём лицом.

- Ты думаешь, фашистская сволочь, за тебя кто-то заступится, кто-то вспомнит про тебя? Да мне все спасибо скажут, что я тебя на тот свет отправил.

Ещё несколько мгновений и Алексей Максимович отдал бы душу богу или чёрту (теперь он и сам не знает, кто больше там его ждёт), но тут появилась жена Петра и оттолкнула мужа.

А Бух уже задыхался в грязи.

Закричала, выскочив на крыльцо, и Александра Трофимовна.

Сбежались соседи, все старики, но Пётр не обращал ни на кого внимания. В нём проснулась дикая злоба, дремавшая со времён деда-махновца, и вот она выплеснулась на отжившего свой век старика. Не добила в двадцатом, так хоть сейчас верх возьмёт. И взяла бы...

Под крики соседей Пётр встал одной ногой на голову деда, а второй ударил в грудь под самое сердце...

Тут Алексей Максимович потерял сознание.

Всё, что происходило потом, старик знал со слов Александры Трофимовны.

Увидев, что мужу жить осталось самую чуточку, она бросилась на насильника, схватила его за губу и в ярости разорвала ему рот. Только тогда озверевший Гнатюк оставил деда в покое, врезав кулаком и старухе за причинённое увечье.

Угромо глядя на сбежавшихся соседей, вытирая кровь с разорванного рта, он сказал:

- Этот фашистский холуй останется живым, если сегодня же отсюда смоется. Поняли? А тебя, бабка, будешь путаться под ногами, свяжу и брошу в погреб. Там и подохнешь, проклятая, никто и знать не будет. Вот только сделай не по-моему. Только сделай! А вы чего выстроились? - обратился он всё к тем же напуганным соседям. - А ну, пошли отсюда, пока я с вами по-своему не поговорил! Ну!

***

Двадцать четыре дня пролежал Алексей Максимович в травматологии.

Врачи, после первого же дня пребывания в больнице, потребовали, чтобы он написал заявление в милицию о привлечении садиста-внука к уголовной ответственности, вручив, как приложение к заявлению, медицинскую справку о полученных увечьях.

Бух и сам понимал, что оставлять без последствий подобное изуверство нельзя. Если этот зверь так со своими родными расправляется, что же он тогда будет делать с чужими? И выйдя из больницы, Алексей Максимович сдал соответствующее заявление в милицию.

Участковый сделал запись в каком-то гроссбухе о поступлении данного заявления от гражданина Буха Алексея Максимовича и пообещал в скором времени расследование по этому безобразному преступлению.

Бух поинтересовался судьбой своего первого заявления, и участковый уверил его, что первому заявлению уже дали ход и в скором времени компанию воров, расхитителей социалистической собственности, посадят на скамью подсудимых.

С нетерпением ждал Алексей Максимович вызова по первому заявлению в прокуратуру, искренне полагая, что следователей должны интересовать детали этого, несомненно, огромного воровского синдиката, для чего им предстоит многовременное расследование, поэтому не беспокоился особенно невниманием к своей особе с их стороны. Зато очень торопил вызов в милицию по второму заявлению и мысленно обосновывал требование примерного наказания Петра Гнатюка, являющегося социально опасным человеком.

Время шло, никто из официальных лиц его не беспокоил. Участковый милиционер на протяжении нескольких месяцев при случайных встречах неоднократно повторял, что Петр, безусловно, получит заслуженные им три года тюрьмы со строгой изоляцией. Однако через шесть месяцев оказалось, что заявление на внука каким-то таинственным образом исчезло из РОВД.

Исчезло и первое заявление.

И только тогда Бух понял, что это неспроста.

И он решил про первое заявление до поры до времени молчать.

Узнав о пропаже второго заявления, районный прокурор, к которому обратился за помощью настырный Бух, заставил Алексея Максимовича написать новое и прямо у него в кабинете.

Буху понравилась такая заинтересованность в решении сложного вопроса и оперативность районного начальства. Он приободрился и снова стал ждать вызовов в прокуратуру.

Свои первые заявления он печатал на старинной машинке "Ундервуд", которую приобрёл по случаю у одной старухи, бывшей машинистки. Сперва печатал двумя пальцами письма родным и знакомым - его почерк с годами испортился окончательно и посылать письма, написанные от руки, было просто стыдно - потом он освоил машинку лучше, видно сказался давнишний навык, стал печатать тремя пальцами. И вот эту-то машинку, после похода к районному прокурору, у него изъяли.

Изъятие производил всё тот же участковый милиционер и под тем предлогом, что, дескать, будет теперь старый Бух писать во всевозможные инстанции жалобы и клеветы, и тем самым отнимать драгоценное время у занятых государственными делами людей...

***

И снова заболел Бух, слёг в больницу, здоровье вновь сдало.

Наконец-то он осознал, что в стране происходит что-то неладное, и что снова оказался в самом пекле каких-то непонятных событий и свершений.

Что происходит?

Почему снова торжествует беззаконие?

Наверное, судьба устраивает ему очередную проверку на прочность, последнюю, решил он.

Алексей Максимович чувствовал, что на него надвигается нечто страшное и непонятное, и он, испытавший на себе коварство тридцатых годов, ощутил за спиной холодное дыхание севера и металлические голоса из прошлого.

***

Ему нужно было во многом разобраться, и он попросил принести из дома старый учебник "Истории КПСС", то есть "Истории ВКП(б)", тот самый печально знаменитый краткий курс за 1938 год, и, когда удивлённая Александра Трофимовна выполнила эту просьбу, углубился в чтение статей, освещающих по старым, преступным канонам события тридцать пятого-тридцать седьмого годов.

Что он в них выискивал - понять трудно, но что-то же должно было быть общего в том и в этом времени, если страна вдруг снова стала сворачивать на уже однажды пройденные дорожки.

Нет, ничего общего с теми годами он не нашёл, кроме, пожалуй, невероятного словотворчества в прославлении наших достижений и гигантских планов на необозримое будущее. Да ещё произвёл впечатление лексикон... Грубые жаргонные словечки, вкрапленные в книгу о партии, сейчас вызывали не привычный страх, а удивление своей вульгарностью и откровенной пошлостью.

Впервые эту книгу он нашёл и прочёл в пятьдесят шестом году, и тогда ещё она поразила его откровенной ложью и ничем не прикрытыми угрозами каждому, кто осмелится думать иначе.

Вот во что вылился сталинский курс на строительство социализма, при котором врагов в стране должно быть больше, чем существовало их во время кровавой гражданской войны.

Оказывается, в тридцатые годы по СССР свободно разгуливали "изверги из бухаринско-троцкистских банд", шпионы и отравители, диверсанты и убийцы, белогвардейские пигмеи, ничтожные лакеи фашистов... Да-да, фашистов! Внучок тоже называл деда фашистом и, кажется, прихвостнем.

"Вначале было слово"... - вспомнил Бух изречение из Библии. - Слово. И какое слово! А может, это лишь начало целого предложения, которое, обжившись в нашем времени, вернёт потом в обиход весь забытый лексикон НКВД? Ну, нет, на этот раз я так просто не дамся! Не дамся! Не выйдет! Я буду бороться, буду!.. Буду... Буду, потому что... Потому что куда же мне идти теперь, какие сдавать позиции на этот раз? Какому богу поклоняться?»

***

Когда Бух вышел из больницы, новый участковый милиционер подписал постановление об отказе в привлечении к уголовной ответственности Гнатюка Петра и порекомендовал Алексею Максимовичу обратиться в нарсуд в порядке частного обвинения, обосновав это какими-то законодательными актами и положениями.

- Частное обвинение, частное обвинение! - ворчал Алексей Максимович, но в нарсуд пошёл, решив дойти до конца той цепочки, в которую завязалась тяжба.

И покатилося... Покатилося колесо бюрократического крючкотворства по хорошо накатанной дорожке...

С какой-то непонятной для посторонних решимостью ходил и бродил Алексей Максимович по разным инстанциям, добиваясь самого малого в этой странной истории - наказания родного внука. О том, что за этим, возможно, стоят люди более высокого полёта Бух уже и не заикался. Он понял, что ему с ними справиться невозможно и решил лишь выстроить для себя ясную картину взаимоотношений с обществом нынешних настоящих врагов народа, выросших из его прошлых "друзей". Поэтому своё первое заявление в милицию он для себя на время похоронил.

***

Паутина

Чем больше увязал Алексей Максимович в этой грязной истории, тем пакостнее становилось у него на душе. Он не однажды добивался самых высоких аудиенций у лиц, поражавших его поначалу своим широким демократизмом, рождавшим неосуществимые иллюзии, но потом Буха уже не трогали ни порывы начальников встретить посетителя у самой двери своих кабинетов и проводить до кресла напротив своего стола, ни мягкие, вкрадчивые голоса, так отличавшиеся от тех, что он помнил с тридцатых, ни щедрые пустые обещания.

«Ждал как-то очередного "товарища" в приёмной ЦК КП республики, - вспомнил Алексей Максимович, - он должен был вот-вот подойти, его зачем-то вызвали к начальству прямо в середине нашего разговора. Сидел тихо и вдруг залетает в кабинет с чёрного входа весёлый краснорожий парень лет тридцати, что-то напевает... Увидел меня и онемел, бедняга. И через долю секунды от его весёлости и следа не осталось. Вместо лица - розовая маска. Маска непричастности, неприступности и чиновного величия.

Он не думал, бедняга, что в такой тишине сидит посторонний, там обычно плач, крики, жалобы...

Ох, и нагяделся я там всякого! А вывод неутешителен: я знаю одну правду - свою, они, верхи, - свою! И никогда нам с ними, с краснорожими, не найти общую истину, не быть в одной упряжке.

А эти сытые и розовые лица мне потом во сне снились. Не знаю уж, какой едой они там себя пичкают, но розовый цвет - цвет всего высшего состава политбюро и его опричников, я запомню до самой смерти. И если действительно есть там Господь Бог, то отличить ему, Всезнающему и Всеведающему, простых смертных от банды кровососов - труда не стоит. Лишь бы и там, среди апостолов Господа Бога, не оказалось своего политбюро"...

После походов по высшим инстанциям Алексей Максимович уже не верил ни во что и, главное, не хотел верить. Всё, чем он жил, оказалось ложью, мифом, иллюзией. Почему только он раньше до этого не додумался? Неужели жизнь его нужна была только для того, чтобы к её концу он смог сказать себе, что жил напрасно?

Мечтал же он только об одном: хотел увериться, что проказа бездушия, воровства, бюрократизма и разложения поразила лишь незначительный регион великой страны. И он начал писать письма в самые высокие инстанции Союза. Со временем по его заявлениям начали работать газеты, нарсуд, партийные органы, профсоюз...

Он стал, как это ему не раз говорили многие "проверяющие", заурядным жалобщиком и поэтому никто не хотел всерьёз заниматься его ничтожным делом.

И вот тогда ему самому стало ясно, во что время и люди превратили его к старости. Но всё равно сдаваться он не хотел. Не желал! Это была его последняя битва на земле, и он должен был выйти из неё победителем. Иначе...

Иначе, зачем же он так мучительно и долго прожил жизнь?

Зачем так много и долго страдал?

За что отдали свои жизни его дети, друзья, товарищи по тюрьмам и лагерям?

Бух много думал над тем, как разбираются жалобы и заявления трудящихся, и пришёл к выводу, что это антидемократический способ делопроизводства. При такой системе проверки писем и заявлений возможны любые нарушения законодательства. И стал писать уже об этом, но ничего не помогало.

"Голос единицы тоньше писка".

Тогда он решил написать басню. Да, да, самую настоящую басню. Никогда раньше Алексей Максимович не увлекался литературой и литературным творчеством, но тут на него однажды нашло что-то такое, накатило и не отпускало, пока он не выдал из себя следующие строки:

Однажды Льву писал Осёл:

"На много деревень и сёл

В окрестных муромских лесах

Волчище злой наводит страх.

Дрожит зверьё, забившись в норы,
От подлой пакостливой своры
Его льстецов и палачей,
Их много, много же, ей-ей!
Пришло в упадок наше дело,
Хвосты ж подонки держат смело!
Спасти нам надо хоть крупицу
Того, что было и в столицу
Я потому лишь бью челом,
Что ты-то помнишь о былом.
В лесах у нас не раз резвился
И даже, помнится, женился...
Так помоги, издай декрет,
Всего один за много лет:
"Чтоб жизнь в лесах не погубить,
Злодеям лапы - отрубить!"
Разумность меры всем ясна.
И вот...

    Ответ вернулся через год.

"Отныне пусть лесные звери
Не запирают боле двери,
Не строят потаённых нор,
Своё получит тать и вор.
Злодея нечего бояться,
В сём деле...

    Волку разобраться".

Мне тяжело говорить о том,

Что было сделано с Ослом.

Мораль.

Коль вместо лап имеешь ты копыта -

Писать не смей, зло - в них зарыто!

Басню Алексей Максимович назвал "Лапы", часто перечитывал и с каждым разом находил в ней всё больше и больше достоинств. Наконец, отправил её в местную газету, из которой получил довольно быстро ответ.

Отрицательный.

Нет, его произведение не ругали, но достаточно твёрдо заявляли, что данный материал в газете напечатан быть не может. Вот не может и всё тут!

"Да, трудно от них ожидать иное! - думал, Бух. - Ничего, придёт время, и не такое печатать будут. Волки поганые и в природе не всеильны. И на них управа найдётся".

***

И надумал Алексей Максимович написать на имя 26-го съезда партии. А что, ничего крамольного в этом он не видел. Да, он беспартийный большевик с октября 1917 года и потому имеет право высказать своё отношение к нынешней жизни, обращаясь прямо к съезду - съезду коммунистов-ленинцев!

Писать о своих личных бедах не стал. Зачем загружать ненужной работой занятых людей? Решил поставить в известность руководителей партии и правительства о болячках, как он считал, более страшных. Решил написать о своих думах по поводу положения внутри страны.

***

"Пятый Ангел вылил чашу свою на престол зверя; и сделалось царство его мрачно, и они кусали языки свои от страдания, И хулили Бога Небесного от страданий своих и язв своих; и не раскаялись в делах своих".

***

"Эх, голова моя головушка! Ведь с детства помнил слова святого Матфея: "блаженны кроткие..." Ведь это им и только им обещал Иисус, что они, кроткие, "наследуют землю и наслаются множеством мира"... Чем я наслаждался в жизни юной за непокорность - ясно, зачем же в старости кликать вновь на свою голову беду? Или не права народная мудрость, что обжёгшийся на молоке, на воду дует?"

Конечно, права, но мудрость мудростью, а строптивый характер до гробовой доски с человеком. От него и стремление к истине, от него любовь к святой правде, за которую и пострадать не грех.

Гордыня всё это человеческая, добровольно вериги на себя вздевающая. Сколько на Руси таких страдальцев за правду, за веру!.. И всем хочется претерпеть лишения, умыться собственной кровушкой...

Как хорошо быть сытым и спокойным.

Как хорошо сидеть на скамеечке у своего домика и тихонько обсуждать с соседом последние новости.

Как хорошо открыто говорить старым друзьям о том, что беспокоит тебя по ночам.

Но зачем же всё это выносить на съезд?

Зачем писать, что "членство в партии должно быть отягчающим вину обстоятельством при совершении членом партии сознательно спланированного преступления"?

Зачем выносить на съезд мысль о том, что "на руководящих постах не должно быть аморальных личностей"?

Чего тебе неймётся, старик? Ты давно на краю могилы"!

***

Над письмом Алексей Максимович проработал почти два с половиной месяца и когда закончил его, почувствовал себя бесконечно уставшим. Ведь ему пришлось проделать титаническую для его лет работу. Он часами торчал в республиканской библиотеке, читал подшивки газет последних лет, перечитывал работы Ленина, копался в словарях и справочниках... Он был убеждён, что делает нужное и, возможно, последнее дело в своей жизни, которое должно принести пользу людям.

Алексей Максимович вообще становился упрямым, когда речь заходила о вещах, в которых он не сомневался, в которые верил и хотел, чтобы поверили другие. Раньше он мог идти на компромиссы с совестью из страха перед смертью, теперь у него не было выбора. Времени на земное существование оставалось слишком мало и уже никто не мог, даже если бы и очень захотел, помочь ему в этом вопросе. Так стоило ли сдерживать себя и свои помыслы перед тем, как уйти в неизвестность и забвение?

Нет, он не хотел просто так уходить, он должен был оставить что-то ещё важное напоследок и только после этого окончательно сгинуть в пучине вечности.

Исчезнуть совсем, навсегда...

Бух и с делом Петра решил идти до конца, потому что верил, внука должно ждать наказание за преступление против... человека. Человека с большой буквы. Ведь не просто деда унижал молодой садист, а Человека. И задавил он на Украине тоже Человека. И именно поэтому его нужно было наказать. Сделать так, чтобы внук, наконец-то, посмотрел на себя и свои поступки тоже как Человек, а не существо, которому в этой жизни позволено всё.

И Бух, несмотря на явную круговую поруку и заговор молчания в этом деле, всё же кое-чего сумел добиться.

Республиканская газета, куда он обратился за помощью, заставила собрать "товарищеский суд", на котором Гнатюк признался в содеянном и дал обязательство материально помогать Алексею Максимовичу, высылая по почте двадцать пять рублей ежемесячно. Обещался впредь даже близко не подходить к дому Буха.

Но что все эти обещания на суде, который зовётся "товарищеским"?

Что они для существа, в товарищах которого были преступники?

Из всего обещанного внук выполнил только последнее: к дому деда не подходил больше никогда.

Потерпев поражение в судебных инстанциях в борьбе против собственного внука, Алексей Максимович, честно говоря, ожесточился. К тому же съезд партии, на который он так надеялся, ничего нового не принёс, кроме всё той же красивой говорильни и многочисленных "перспективных" планов на беспредельно далёкое будущее.

Вдобавок ко всему его вызвали в обком партии и провели беседу по поводу письма на съезд.

В основном выясняли, откуда у него такие "умные мысли в голове"? Кто затуманил старую голову всяческими бреднями, отдающими "не нашими веяниями"? Интересовались здоровьем и предлагали всяческую помощь, в известных пределах, естественно. Потом заставили расписаться за что-то и отправили домой.

Это посещение обкома партии и этот лицемерный разговор не прибавили Буху радостного настроения и, чтобы хоть как-то занять себя, он снова ударился в сочинение басен. Написал он их не так много, всего пять штук, но, прочитав однажды все подряд, разорвал в мелкие клочки и больше к ним не прикасался.

Нет, он устыдился не своей претензии на соседство в литературе с дедушкой Крыловым, просто в баснях он увидел себя неожиданно со стороны и поразился той перемене, которая в нём произошла.

Ведь если бы эти вирши попали к нему в руки в пору его далёкой молодости, в годы жестокой гражданской войны, то он, не задумываясь, шлёпнул бы их сочинителя как контрика. То есть выходило так, что он позавчерашний убил бы себя сегодняшнего! В такое трудно поверить, но это было так. И дело не в том, что в своём творчестве Алексей Максимович что-то неверно и враждебно отражал, он, по большому счёту, никогда не вёл гнусных подкопов под саму социалистическую идею и по сути своей не изменил идеалам юности до самой старости, всё дело было в настроении и том глубоком скепсисе, который пронзал каждую басню от начала и до конца. Веря в далёкое и светлое, он полностью отрицал настоящее, за которое было отдано столько светлых жизней честных бойцов революции. А всё оттого, что раскис старый солдат, столкнувшись с вражескими происками, поверил наветам малодушных, поддался на провокации замаскировавшихся в партии коммунистов врагов народа, врагов идеи коммунизма...

Конечно, если поверить всякой обкомовской мрази, что нет справедливости на белом свете и не будет, потому что это "объективная реальность развития живой природы", то жутко станет от одной мысли, что жизнь и мучения были напрасны.

Да, сейчас нет возможности защищать правду от кривды, но разве когда-то это было возможным в истории человечества? И всё равно люди шли за правду на баррикады и побеждали ложь. Разве завтра будет по-иному? Нет! Ложь и правда всегда будут воевать друг с другом, вот только поле битвы будет каждый раз новое. И, конечно, в далёком будущем правде будет значительно легче вести бой, у неё будет много союзников, много защитников. И вот тогда-то придёт его время, и вот тогда-то он точно скажет всю правду, и тогда он убьёт кривду... Убьёт в себе врага... Задавит в зародыше. А сейчас он ничего не может. Он слаб, немощен и хочет покоя. Правда, у него всё ещё есть цель в жизни. У него есть свет в конце туннеля. И он дойдёт до этого света, каким бы длинным туннель ни был. Он доживёт до радостных дней...

***

Доживёт ли?

Алексей Максимович вдруг вспомнил одну интересную и поучительную историю, приключившуюся у него на глазах сравнительно недавно, всего несколько лет назад.

Во дворе его дома, прямо у входа в сарай, стояла большая собачья будка, в которой жил пёс Амур, здоровая беспородная собака, а над самой будкой Алексей Максимович пристроил дрова, которые привёз с пилорамы. Это были в основном длинные обрезки, которые можно было брать почти бесплатно. Алексей Максимович частично использовал их в качестве материала для ремонта надворных построек, крыши дома, забора и лишь самые негодящие легко рубил по осени острым топориком на дрова.

В тот год получилось так, что дрова привезли очень длинные, и они слегка нависали над пёсьим домом тонкими пиками, никому, впрочем, не мешая.

В то же лето взяла Александра Трофимовна в дом небольшого рыжего котёнка. Скучно видно стало без животного в доме, да и мышки завелись под полом. И повадился тот котёнок отдыхать на кончике тонкой пики над самой будкой Амура, вызывая у последнего просто приступы бешенства. При этом шкодливая тварь вальяжно устраивалась над самой мордой собаки, исходящей на нет и, свесив вниз хвост, слегка им помахивала почти перед самой мордой пса.

Конечно, смотреть на это первое время было весьма утомительно, но потом лай пса стал раздражать и наглого котёнка сгоняли с дров при первом же вопле Амура.

Так продолжалось всё лето, а по осени случилось то, что и должно было случиться.

Всё предусмотрел хитрый котёнок: и высоту кладки дров, которую не мог одолеть несчастный пёс, и удобство лежанки, но только не мог учесть того, что сам рос не по годам, а по дням. И когда однажды его вес достиг критической величины, то дерево надломилось и...

И Амур, наконец-то, смог отвести душу на тщедушном кошачьем подростке. То-то было потом слёз у Александры Трофимовны, искренне привязавшейся к смышлёному, но нерасчётливому котёнку.

Что же не рассчитал в своей жизни Алексей Максимович, не думавший над кем-то зло шутить или сознательно унижать чье-то достоинство?

Чем он раздражает своего собственного Амура, которого в глаза не видел?

И когда, наконец, когда же вес его "преступлений" сломает пику его жизни?

***

Космос

Вообще-то, считая себя закоренелым материалистом, Алексей Максимович представлял устройство вселенной совершенно иным, чем классики марксизма-ленинизма и их учёные последователи. Он думал, что человек и его душа только здесь, на земле, представляют собой единое целое, а где-то "там", в далёком и неизвестном мире, душа имеет свою, отдельную от тела, вечную материальную прописку. Порой ему казалось, что есть мир, в котором души ведут своё собственное существование и на землю спускаются лишь за тем, чтобы испытать и закалить себя в этих испытаниях, проверить на прочность. Он даже мысленно представлял этот мир похожим на игорный дом, в котором самое главное место было сосредоточено в помещении, напоминающем рулетку в казино. Каждая душа бросала свою фишку и ей падал тот или иной жребий, та или иная жизнь, то или иное тело, в котором душе нужно было жить и страдать отведённое кем-то более старшим и начальствующим время пребывания на земле. Там, в далёком и неизвестном мире, у душ, наверняка, были свои неземные привязанности и неземные браки. И, спускаясь на грешную землю, они искали свои прежние половинки среди людей, не узнавая в материальных телах своих подруг и друзей. Именно поэтому счастливы лишь те земные союзы, в которых те самые небесные половинки находят друг друга и, не помня о былой жизни, каким-то тысяча первым чувством догадываются о принадлежности друг другу. Это чувство есть Любовь. Единственная субстанция, которая вечна во вселенной и о которой говорил людям Иисус Христос, посланник Божий.

Настоящая Неземная Любовь - единственная награда небожителю, отважному покорителю земной жизни и земного времени. Она с ним будет и здесь, на Земле, и там, на Небе или где-то в другом мире, в другом измерении, в ином, непонятном для человека времени и пространстве.

"Тело человека, скорее всего, совершенная машина. Хотя и совершенным это творение назвать трудно. А, может быть, всё это специально так задумано? И когда мы придём к тому, кто нас сюда послал, то будем вынуждены дать отчёт обо всём, что испытали, находясь в оболочке человека. Недаром в Библии говорится о страшном Суде, об отчёте перед Господом Богом о земной жизни и прочее. Так ведь не только у христиан написано, так ведь и у всех древних народов: человеческая душа обязана отчитаться о прожитом на земле. Хотя тот, кого все на земле называют Господь, и без отчётов всё знает, если верить той же Библии"...

Рассуждая так, Алексей Максимович иногда, как ему казалось, слегка, дотрагивался мыслями до Истины с большой буквы. Но, озарив его секундой просветления, она - Истина, как настоящая Великая Женщина Вселенной, бежала от него. И Бух решил, что вскоре всё равно раскроет её тайну, раскроет... Но, видно, только на смертном одре. По-другому, видимо, смертной твари не дано понять небесное предназначение человека.

***

Личное

После "товарищеского суда" Алексей Максимович начал всерьёз подумывать о доме престарелых. Он видел в нём единственную защиту от наступающей кривды земного мира, единственный способ сохранения себя для будущей правды, для будущей встречи с Неземной Любовью, которая олицетворялась у него с образом казнённой жены, не узнавшей в нём, земном, своего вечного небесного спутника.

Иногда он вспоминал их первую встречу. Он делал это чрезвычайно редко, потому что каждый раз испытывал сердечную боль и мучительную депрессию от нахлынувших чувств.

Ох, как он любил эту женщину! Как любил!

Он и сам никогда до конца не признавался себе в этом. Но он любил её именно той самой Неземной Любовью, называемой романтической страстью, и очень хотел встретить её вновь на небесах, где, он был в этом уверен, обитала её чистая ангельская душа...

Они встретились на открытом комсомольском собрании в каком-то клубе. Алексей Максимович стоял впереди всех и горячо аплодировал очередному оратору, речь которого всем очень понравилась. Желая увидеть лица товарищей, он оглянулся назад и...

И увидел её глаза.

И больше он ничего не видел.

И так всю жизнь. Как только он вспоминал её, то видел глаза... Он уже забыл её лицо, походку, он помнит только те глаза, которые смотрели на него насмешливо и с интересом.

Она не была активисткой, она вообще даже не состояла в комсомоле, но как много она знала и понимала в этом мире! Как много интуитивно чувствовала!

Нет, конечно, Александра Трофимовна человек большой и глубокой души, но первая любовь жила в Бухе всегда и как бы своей собственной жизнью, не мешая Алексею Максимовичу ни в чём, в том числе и во второй женитьбе. И он решил, что Александра Трофимовна перст Божий, его земная награда за перенесённые страдания и мучения, и решил никогда и ни при каких условиях не расставаться с женщиной, принёсшей ему радость под старость лет.

***

До поры и до времени Бух ничего и никому не говорил о своём замысле, хотел сделать всё "втихую", поставив домашних уже перед свершившимся фактом. Очень ему хотелось, чтобы в дом престарелых он ушёл вместе с Александрой Трофимовной. И чтобы им дали комнатку на двоих, в которой можно было бы коротать последние деньки жизни, не скучая по миру, оставшемуся за стенами гостеприимного дома. Чтобы были там все удобства, о которых он слышал только от других, и читал в книгах и газетах, чтобы медицинский персонал был на уровне требований современной жизни...

А когда придёт долгожданная смерть... Когда придёт смерть... Хотелось, чтобы они оба ушли из жизни и этого проклятого мира тихо и спокойно, не причиняя никому лишних хлопот.

В народе очень плохо относятся к домам престарелых, всякие небылицы распространяют, сплетни... Бух это всё слышал сто раз и больше, и не хотел верить злым языкам.

"Что плохого в этих домах? - возмущался он. - Это ведь не старые богадельни, в которых тоже не все тунеядцы были. В будущем все так жить будут! - уговаривал он себя. - Это просто современный уход из мира, в котором ты уже стал лишним, и потому не можешь жить полноценным гражданином, в котором ты стал никому не нужным, как это ни прискорбно осознавать. Ты уже не понимаешь людей, они не понимают тебя. Ты ослаб и мир стал враждебен тебе. Если не уйдёшь вовремя, он может раздавить тебя. Значит, делать нечего, нужно хоронить себя заживо. Нужно искать спасение в уединении. А главное... Главное, я стал терять веру в Человека. В то, что он самый добрый и лучший на Земле. Что он должен и может быть чище и благороднее. Я верю и должен верить, что Человек через страдания придёт к познанию прекрасного. К познанию смысла жизни. Может, и меня судьба провела по всем кругам земного ада именно для того, чтобы там, в полном одиночестве, я смог насладиться пониманием существа жизни, познал себя и людей в сравнении. И потом... Я избавлю родственников от своей немощной особы. И жену свою разлюбезную пристрою напоследок в хорошее место. Пусть оно будет прощальным подарком для неё. Нам будет легко вдвоём. Мы привыкли быть вместе... А эти... Эти пусть здесь живут и пусть мучаются без нас. Хватит, я устал. Я хочу отдохнуть перед смертью. Перед встречей с вечностью".

***

Алексей Максимович стал тщательно, и не торопясь продумывать детали ухода в заветное место, собирать необходимые документы и справки, делать нужные обходы начальства.

Дело это оказалось хлопотное, но он понемногу его пробивал.

Однажды Алексей Максимович прочитал в газете статью "Свет доброты" о том, что какие-то Ситниковы сдали в фонд Мира одну тысячу семьсот рублей.

И тут его осенило: вот, вот что он должен ещё сделать! И это будет его последняя акция, направленная на торжество справедливости в глобальном масштабе. Пусть и его кровные грошики помогут обороноспособности нашей страны, помогут делу мира во всём мире. Пусть он капитулировал перед родным внуком, представителем жестокого племени, выросшего на костях лучших представителей старой России, капитулировал, уйдя в дом престарелых, но зато он сохранил за собой право считать взяточниками работников советской милиции и советской юстиции. Он сохранил в себе Человека, способного творить добро для других.

И вскоре Бух внёс в фонд Мира 808 рублей новыми деньгами и облигациями. Вместе с деньгами отправил пространное письмо, в котором выражал наивную просьбу о том, чтобы эти деньги были направлены лишь на дела добрые.

Добрые...

Деньги-то он отправил, но совершенно оставил без средств к существованию себя и свою старуху. Жили они только на пенсию и на то, что получали с огорода. Но Александра Тимофеевна привыкла к чудачествам мужа и когда на вопрос "Где деньги?", он ответил, что занял на время знакомому, она ничего плохого не заподозрила.

До пенсии дотянули с грехом пополам, Александра Тимофеевна ворчала, но терпела. А Буха поддерживала одна-единственная живительная мысль о том, что вот-вот должны оформить документы и тогда...

Тогда он отправится в дом престарелых. Отправится пока один, а затем переманит и Александру Трофимовну. Он потому и делал всё в тайне от неё, что знал, как трудно будет её сманить с вольных хлебов на дармовое трёхразовое питание. Потомственная трудолюбивая казачка в жизни не терпела грязных нищих, приживалок, милиционеров, энкеведешников, закрытых помещений и прочих ограничений свободы. Сможет ли она жить там? Она сравнительно молода, сама себя кормит, и жизнь на воле ей не надоела, может ещё долго работать по дому и по хозяйству...

***

Да, сманить жену в дом престарелых было делом нелёгким, но Алексей Максимович, как всегда, был упрям и надеялся соблазнить её отдельной благоустроенной палатой, всеми мыслимыми и немыслимыми удобствами и городским комфортом. Душевным покоем, наконец, который они смогли бы приобрести, не беспокоясь о проклятом теле. Заботой друг о друге, которая так необходима в старости. Сманить, сманить благоверную в дом престарелых нужно было в очень и очень короткие сроки, потому что иначе им не дали бы отдельную площадь проживания. В каждом деле, что поделаешь, есть свои проблемы и свои нюансы!

В то, что задуманное удастся, Алексей Максимович не сомневался. За двадцать лет совместной жизни они привыкли друг к другу, сроднились душами и вряд ли кто-нибудь из них сможет долго прожить без другого. Их будущее, как считал Алексей Максимович, было в совместном старении и медленном благостном угасании. Он в это верил, думал, что в это верит и она, и тихо радовался своей вере...

***

Всё шло хорошо, как и было задумано Алексеем Максимовичем, но вот в последние дни проживания в своём родном доме Буха начала тяготить одна-единственная мысль: он остро ощутил свою вину перед обществом за своего гнусного потомка. Кажется, что он ему? Кто он ему? Почему он за него должен нести какую-то пусть и моральную, но ответственность? И перед кем ему, Буху, держать за него ответ на Земле? Ан нет, выходит! Кому-то он за него всё-таки должен дать ответ, коли так саднит сердце за мерзавца.

Алексей Максимович привык быть всю жизнь кому-то должным и даже на старости лет не мог отвыкнуть от мысленного покаяния перед всем миром в своих реальных и мнимых грехах. Нет, виниться, в общем-то, было не в чем, но он сам изводил себя несуществующей виной перед обществом за гнилое потомство своё, за поганое продолжение на земле.

"За все свои прошлые вины я давно отстрадал сторицей в лагерях и тюрьмах, и только внук, последний тяжкий грех, остался неоплаченным".

***

Жизнь научила Алексея Максимовича, что сорняк должен быть своевременно выкорчеван, иначе он разрастется, и общество будет деградировать до такой степени, что в будущем некому

станет читать гуманистическую литературу. Вредный бурьян всегда будет засорять плодородные поля, каким бы сверх высокосортным зерном, выращенным генетиками в лабораториях, их не заседали. Именно поэтому сорняк этот нужно всегда безжалостно вырывать. Везде! Как только появится он в поле - криком кричать нужно, собирая рать людскую на побоище с ним.

Бух и раньше видел бурьян в чистом поле полезных злаков, но не бился с ним, не кричал... Приученный к терпению и послушанию с детства - молчал, молчал, чтобы спасти себя, но кто оценил этот "подвиг" во имя несостоявшейся новой и лучшей жизни? Внучка - далеко, у неё свои проблемы, она - отрезанный ломоть. Пётр Гнатюк - внук, собственный и родной? Родной... Да, выходит, что вот он-то и является главным оценщиком прошлого своего деда. Он! Стоило ли огород городить ради такого судьи? Да и правнук тоже... Ещё неизвестно, что из него вырастит или кого из него вырастят. Так кто же будет добрым и строгим судьёй человеку за дела его? Кто?.. Сам человек, больше некому. Он единственный судья всему хорошему и всему плохому, что было и есть в нём. Чем совестливее человек, тем страшнее будет этот суд, суд собственной совести. И нет ничего хуже этого суда! Именно после него некоторые и пулю в себя пускают и карьеру губят. И многое другое делается по велению того, кто в нас самих заперт. Одна лишь особенность: чем старше человек, тем больше превращается он из безжалостного прокурора в умного адвоката, понимающего, что не только правда в жизни нужна, но и кривда бывает полезна и необходима, и молчание...

Один умный человек как-то сказал, что нужно жить по справедливости. Если нарушишь этот святой закон жизни и будешь хитрить, особенно со своими близкими, то всё равно это выйдет тебе боком.

Но люди на свете разные и каждый живёт по своим понятиям. Одни стараются всю жизнь жить по справедливости, другие только к концу её понимают, что жили несправедно, а к третьим лишь на смертном одре приходит мысль об этом. Есть и такие, которым до всей этой общечеловеческой философии наплевать до самой их кончины... И кто из них прав, не знает никто! И кто из них будет милее Господу Богу на том свете - тоже неизвестно никому.

***

Родственники

Сразу после изгнания Петра Гнатюка из дома к Бухам переселился брат Александры Трофимовны. Это был рыхлый, безвольный, с совершенно отсутствующим собственным мнением на окружающий мир участник войны, с гордостью носящий по праздникам медаль с профилем Сталина. Работал он в каком-то секретном учреждении в должности механика цеха. И всё у него в жизни было бы хорошо и прекрасно, если бы не женщины...

- Знаешь, сколько я их имел? Сколько их у меня было? У-уу! Я их и так и этак видал! Они у меня все в книжечку записаны, все четыреста двенадцать штук поименно! - хвастал он не раз, пытаясь скрыть за цифрами убулочной бухгалтерии свои болячки и обиды.

Но кому, кому он хотел навести тень на плетень? Алексею Максимовичу?

Бух научился смотреть немного дальше своего носа ещё в те годы, когда хвостуна и на свете не было. Слушать его было стыдно и противно, потому что шурин в обращении с женщинами был великим недотёпой по всем статьям.

Высокий и стройный не по годам, он в молодости, наверное, был видным парнем, которого слегка портили следы оспы на лице. Может, именно поэтому у него и появился комплекс неполноценности и он всегда стремился доказать всему свету, что мужик он хоть куда. Да это в послевоенные годы было и не так-то трудно сделать. Не все вдовы хранили верность мужьям, и понять их можно чисто по-человечески. Трудно понять таких, как шурин, записывающих в записные книжки адреса, фамилии, места встреч и тонкости интимной близости...

Пять раз он был женат. И все разы неудачно. А всё потому, что не он выбирал себе жён, а они его. Пожив вместе несколько лет, накопив капиталец какой-никакой, наглые бабы обирали его до нитки и выгоняли простофилю вон. Так и последняя жена, получив от его работы трёхкомнатную квартиру, выгнала мужа с треском и развелась с ним, поделив всё нажитое в свою пользу.

Другой-то на его месте сразу бы отсудил себе хоть комнату, а этот, индюк надутый, выбрал за лучшее роль приживала у родной сестры.

- Не хочу судов, не люблю ссор! - заявил он Бухам. - Пускай хоть всё берёт, не обеднею.

Старики разубеждать его не стали.

Нет, это даже хорошо, что шурин к ним перебрался, всё новая и живая душа, но когда в доме скверно - любой гость в тягость. А шурин ещё и прижимистым оказался, будто последнюю копейку проедал. И деньги ведь у него были. Были! И немалые деньги! Хоть и прост умом человек, но про свои сберкнижки жёнам не рассказывал. Свихнулся, наверное, от многочисленных романов и стал скопидомничать, запасать деньгу на чёрный день, потому что один на один со старостью воевать надумал. Сестру свою и то в прислугу превратил, и тянул с неё по мелочи, тянул ...

"Ах, как неприятна всё-таки скупость, и такое вот умение жить за счёт других!"

***

Уходя в дом престарелых, Алексей Максимович сообщил своей благоверной, что его срочно отправляют врачи на длительное лечение в новую городскую больницу за городом. Просил не приходиться к нему до тех пор, пока он сам не напишет. В письмах обещал указать точный адрес и номер палаты.

Александра Трофимовна, как всегда, поверила мужу, и тот уехал в город, сложив в небольшой чемоданчик личные вещи и две-три книжки из своей библиотечки.

Через неделю он написал Александре Трофимовне подробное письмо, объясняющее поступок, просил прощение за обман и изложил свою просьбу-предложение о её приезде к нему на постоянное местожительство.

Ответа не последовало.

Подождав неделю, он решил, что пора напомнить о себе более действенным способом, и поехал в свой бывший дом, который незадолго до этого перевёл на имя жены.

Дома Александры Трофимовны не застал, зато там был шурин.

По привычке многих лет Бух достал из шкафчика хлеб, налил борщ, по которому уже успел соскучиться в общей столовой, и начал есть.

В это время вернулась Александра Трофимовна.

Увидев мужа, она строго спросила:

- Кто тебе разрешил здесь обедать?

Алексей Максимович вначале принял это за шутку с её стороны, но Александра Трофимовна так же строго сказала:

- Выписался, значит, нечего тут рыпаться и скрипеть дверями. Уходи!

Тут и шурин вмешался:

- Правда, зачем пришёл? Можешь забрать телевизор, холодильник, пишущую машинку и что там ещё нужно и уходи! Уходи! Нечего здесь появляться, нервы раздражать.

Так, несолоно хлебавши, и уехал Алексей Максимович из своего бывшего дома в дом престарелых, прихватив в узелок с десятков книг, оставшихся от тех, которые заблаговременно передал в районную библиотеку. Жаль, пишущую машинку не смог унести, он её всё-таки выпарал из милиции с помощью республиканской газеты сразу же после "товарищеского суда".

"Здорово осерчала старуха, - думал Бух, отлеживаясь в палате. - Такого разлада за все двадцать лет меж нами не было ни разу. Вряд ли скоро отойдёт. Характер у неё крутой, не в пример брату... Но ничего, время своё возьмёт, и тогда мы снова будем вместе. Плохо только, что она брата слушает больше мужа".

Бух жалел Александру Трофимовну, потому что знал, как будет ей тяжело одной с овцами, кроликами, огородом и непутёвым двоюродным братцем.

Ох, уж этот братец! Он не ужился с пятью жёнами, платил алименты на троих детей, он так прожил свою жизнь, что даже подумывал на старости лет о самоубийстве, от которого его спасло переселение к Бухам, и вот, нате вам, именно он, глупый бабник и неудачник, так грубо вмешался в жизнь Алексея Максимовича.

А ведь Бух по собственной инициативе, для того, чтобы взбодрить совсем одичавшего шурина, заказал "вывеску" в гравёрной мастерской, где кроме адреса поместил поверх своей двойной фамилии фамилию брата жены, чтобы он счёл себя главой стариковской семьи и таким образом ощутил ответственность ещё за две жизни на этой земле. И шурин охотно воспользовался такой возможностью, объявил себя "содержателем двух немощных ветеранов", затем прикупил ещё двух баранов и голубей, и сделал "иждивенцев" настоящими батраками. В семейном бюджете он не участвовал, жил за счёт пенсии опекаемых (семидесяти трёх рублей

Алексея Максимовича и пятидесяти Александры Трофимовны). На его сберкнижке, а Бух это знал точно, было свыше семи тысяч рублей в новых деньгах. Шурин получал пенсию полностью, плюс зарплату механика.

Конечно, и Бух лукавил с шурином, он сам искал на старости лет моральную и физическую поддержку в жизни и с удовольствием хотел переложить часть своих забот на плечи молодого пенсионера, но тот, вот незадача, перехитрил Алексея Максимовича.

Нет, Бух не сердился на шурина, каждый, в конце концов, живет, как может, хочет и умеет, но он жалел свою жену, свою дурёху, попавшую на старости лет в полную зависимость к нечестному человеку.

У Александры Трофимовны здоровье было совсем неважное. В пятьдесят лет после гриппа случилась у неё тяжёлая осложнение во всём организме: печень, желчекаменная болезнь открылась (семь месяцев стационарного лечения не принесли пользы из-за порока сердца), три операции из-за гайморита...

"Ей жить нужно на строжайшей диете, в тепле, в покое, а она... Нет, лучше дома престарелых всё равно ничего не найти! Вот не найти и всё тут!" - упорно твердил Алексей Максимович.

Он уже давно внушал ей мысль о подобном повороте дела при нынешней обстановке в доме, а она всё держалась за братца. Всё ей нужно было "за ним присмотреть!"

Эх, какое там "присмотреть" за таким бугаём, когда она, голубка, сама на ладан дышит!

Алексей Максимович честно помогал жене в трудах по дому до последней возможности, пока врачи не предупредили его однажды, что ему нельзя оставаться одному без сиделки (у него было пять случаев "обострения инфаркта миокарда"). С тех пор он не смог ухаживать за овцами и голубями в отсутствии домашних. И всё это время он не переставал убеждать её в необходимости переселения в более удобное место жительства. И она уже почти согласилась, да вот, незадача, - братец!

"Нужно присмотреть за братом!". Да что он, малолетний? - хорохорился Алексей Максимович. - Водку пьёт, не закусывая, а один жить не сможет?.. Впрочем, может и не сможет, потому что сам внутри гнилой и ленивый, как пень трухлявый. В больнице на постоянном учёте состоит из-за повышенного кровяного давления и пониженной температуры тела, лечится перманентно...".

Вообще же, считал Алексей Максимович, сам он поступил правильно и целесообразно. Дом престарелых и инвалидов очень важное и своевременное учреждение. Советская власть большое внимание уделяет старикам, даже слишком большое, потому что здесь нашли приют многие из тех паразитов, кто по существу не должен был пользоваться этим благом, завоеванным другими. От них, от этих паразитов, нужно было любым способом обществу давным-давно избавиться, как-то утилизировать их, что ли...

"Наш закон слишком гуманен и демократичен там, где не нужно, - рассуждал Бух. - И всё-таки громадному большинству здешних обитателей в этом доме гораздо лучше живётся, чем жилось в своём собственном жилище. Это факт и, нужно признать, факт страшный. Жизнь, можно сказать, многие здесь увидели по-новому, себя впервые людьми ощутили".

Бух настолько был уверен, что его жена, в конце концов, последует за ним, что вскоре ещё раз собрался к ней в гости, чтобы ускорить подготовку к переходу Александры Трофимовны в дом престарелых и заодно хотел захватить оставшиеся кое-какие мелкие, привычные в обиходе вещи. Но из этой встречи получился очередной конфуз. Шурин назвал его "окончательно чокнутым" и объявил персоной "нон грата" в их доме, жена запретила появляться и неожиданно потребовала деньги за остатки книг, которые он хотел отдать в библиотеку дома престарелых. Пишущую машинку тоже не отдали. И всё твердили в два голоса, что он их опозорил, уйдя в дом престарелых, предал, и поминали те 808 рублей деньгами и облигациями, которые Алексей Максимович без их ведома, отослал в фонд Мира.

Ночью после этого похода Бух долго не мог заснуть.

"Как же так получается, - думал он, - если правильно, беспристрастно оценить долг моих родственников, которым я, кроме дома и хозяйства, оставил свою любовь, искреннее уважение, честно заработанные за все годы деньги... Хотя здесь можно и оспорить моё утверждение, деньги-то вместе тратили. Но всё равно, всё равно! Мои заработанные деньги, мой титанический труд в домашнем хозяйстве и прочее, и прочее, что сделано мною в семье, это можно оценить не одной тысячей рублей. А теперь выходит, что даже остаток библиотеки и пишущую машинку, которая там никому не нужна, я должен выкупать у любимой жены? Сама же Александра Трофимовна и мною и домом престарелых брезгует. Ну, дела"!

***

Неожиданно он вспомнил своего соседа по дому в Нахаловке.

Высокий, семидесятивосьмилетний старик любил долгими летними вечерами стоять совершенно один у изгороди, и смотреть на пустынный переулочек.

Последний раз Алексей Яковлевич видел его именно там, под большой сливой, усыпанной созревшими сизыми плодами, любимым местом сада.

На земле валялись перезревшие сливы, оранжевый диск солнца быстро опускался за горы, после трудового дня было тихо и умиротворённо вокруг.

Старик, как всегда, смотрел в даль и о чём-то думал, улыбаясь.

Его стройная фигура, в светло-серой рубашке, чётко выделялась на фоне голубеющего дерева и выдавала в нём бывшего военного.

Да он и был военным до весны 1946 года.

В сорок первом, как все, он был призван на фронт и к концу войны смог дослужиться от рядового до майора. Дома его ждала жена с двумя детьми, дом, родители. Летом сорок пятого жене принесли похоронку. Мол, погиб храбрый майор, подорвавшись на mine, аж в самом Берлине. Не поверила новоиспечённая вдова и стала наводить справки. Долго искала и нашла. Уже на Дальнем Востоке. Жив-здоров был майор, к тому же женат на враче из медсанбата. Похоронку отправил сам на себя. Думал, никто проверять не будет, ан нет!

Из партии майора, конечно, попросили, с новой женой развели, и отправили в запас. И так поступили только потому, что действительно храбрым офицером был в своё время старик. В противном случае дело могло обернуться военным судом - подделка документов не шутка!

Не состоявшая вдова встретила мужа сурово. Однако детей вырастили и состарились вместе. Вот только прежней жизни у них так и не получилось. Старуха не могла простить измены и на каждом шагу, по каждому поводу и просто без повода, ругалась на мужа, выливая свою злобу. А он отмалчивался, загадочно улыбаясь, и уходил к изгороди. О чём он думал, о чём вспоминал - знал только он один. Но Бух теперь догадывался о его думках и жалел человека, которому ни за что сломали настоящую любовь и целую жизнь.

"Соседскую старуху понять ещё можно, - думал Бух. - Как мою-то дуру раскусить, с какого боку подступиться"?

***

Корни

Где-то в то же время, в соседней палате, он увидел книгу, которую читал в детстве, не удержался и попросил дать почитать.

Это была книга Рони-старшего, в которую вошли его повести "Вамирэх", "Пещерный лев" и "Борьба за огонь".

Давно уже не испытывал Алексей Максимович такого потрясения от книги.

"Оказывается, если верить автору, ничего в людях с тысячелетиями эволюционного развития не меняется. Ничего! Та же непонятная злоба человека к человеку, то же стремление вырваться наверх, урвать лучший кусочек общественного пирога, взять лучшую женщину племени или лучшего мужчину, занять командное положение в стае или в стаде... И пусть книга написана не тысячелетия, а всего лишь сто лет назад, но автор достаточно точно подметил основные инстинкты "хомо сапиенса" на всём периоде его жуткой истории, начиная от первобытного человека. Обнажил главные линии всех житейских интриг и коллизий. Как был человек диким животным, так и остался. Выживают лишь сильные и мускулистые, тупоголовые, с мощными челюстями и хорошим желудком, Именно они дают физически качественное потомство, так необходимое для продолжения рода человеческого. Хилые и слабые способны лишь быть подручными и подпевалами в общей стае у вечных хозяев жизни. Весь наш мир и все люди принадлежат тем или иным стаям, называемым партиями, движениями... Человек эгоистичен и потому всегда и везде одинок. Коллектив для него лишь временное убежище от самого себя. И как это я в детстве не понял этого? Ведь автор уж совсем примитивно, для гимназистов, выписал то, что я осознал только к концу жизни. Великий писатель этот Рони-старший"! - угрюмо размышлял Алексей Максимович над прочитанным.

Занимательные приключенческие повести старого автора он воспринял как-то уж очень лично и трагично.

Жизнь, после таких потрясающих открытий в конце пути, становится бессмыслицей.

Бух вдруг нутром прочувствовал, что всё, что делается вокруг него, уже когда-то и где-то было, уже когда-то и где-то пройдено другими человекоподобными сотни миллионов раз. Зачем же нам, думал он, понимающим это, нужно каждый раз повторять старое на новом витке жизни? В чём здесь смысл? Зачем это нужно всезнающему Богу?

Впрочем, Буху всегда казалось, что людьми управляет не Бог, а некто земной, который пострашнее любого дьявола и любой преисподней, потому что он живёт в душе каждого землянина с момента его рождения, с момента осознания мыслящего существа человеком.

И Бух, вдруг, захотел умереть.

Забыться.

И чтобы про него все забыли.

Забвение, на некоторое время, стало для него желанным и необходимым...

***

Последний сон

Вчера он снова видел во сне свою первую жену.

Сон был цветным.

"А говорят, что цветных снов не бывает - врут! Бывают. Всякие сны бывают. Бывают и такие.

Не знаю, как начинался сон, но помню, что вдруг я очутился в нашем заводском клубе. За кулисами. Место я хорошо помню, частенько раньше в тридцатых годах в президиумах посиживал, а вот во время концертов - ни разу там не был. А тут, вроде бы, концерт идёт на сцене, народ в разноцветных костюмах туда-сюда снуёт, а мы с Сашей вроде бы сидим в закулисном буфете за одним столиком, но не разговариваем друг с другом. В ссоре мы будто. И так это всё жизненно во сне, как будто наяву. Даже сердце тоскливо заныло. Сидим мы, а между нами какая-то старуха и чашка с едой. И будто бы в чашке не еда, а сырое мясо. Очень жирное и только с одним кусочком мясной мышцы. И мясо, будто бы, всё большое и круглое, как яйцо. Мне не хорошо стало от вида этого жёлто-красного блюда, но я не подал вида. Столик наш в углу стоит, две его стороны в синие, крашенные масляной краской стены упираются, а мы к двум другим сторонам стола прижимаемся. В центре же эта старуха. Кто она? - не знаю!

Потом вдруг все забегали, и моя жёнушка тоже вскочила и вместе со старухой побежала по коридору через сцену. И я за ними. Саша, будто бы, меня к себе знаками манит и убегает. И вот я уже догнал её и даже обогнал. Бежим рядом по каким-то деревянным настилам, я - радуюсь, чувствую, что мир между нами. По второму, по третьему этажу бежим...

И выскакиваем... в кочегарку.

Странная это была кочегарка. На самой крыше. Пол у неё покрыт был шлаком, и кое-где из-под шлака вырывались языки алого пламени. Я осторожно сошёл с помоста на шлак, подал Саше руку. Она первая легко, почти не касаясь пола, пробежала по кочегарке и вскочила на

противоположную сторону, где находился трап, ведущий вниз. За ней - старуха. Пока я шел за ними, проваливаясь в шлак, из-под которого вырывались пламена, они уже были под трапом.

Я взбежал за ними... и не нашёл места, где они успели соскочить вниз. Передо мной находилась глухая стена, а вместо трапа - широкие застеклённые оконные рамы, которые под моими ногами стали трещать и брызгать в разные стороны разбивающимися стёклами.

Саша была уже глубоко внизу и оттуда призывно махала мне рукой. А я стоял и не знал, что мне делать, как мне догнать её...

Так я и остался на том трапе... А она - внизу, со старухой. И видел я, что любила она меня снова, что хотела искренне бежать со мною куда-то... То ли помочь мне в чём-то хотела, то ли сказать что-то важное...

Господи, Господи!

Зачем же ты меня так обидел, что даже во сне вместе с ней не оставил?

Зачем одиноким волком в геену огненную бросаешь? Без любви, без сострадания, без жалости"?

Алексей Максимович давно знал и чувствовал, что вся его жизнь была лишь подготовкой к чему-то самому главному и самому важному, что могло бы с ним произойти на Земле, он ощущал это всем своим существом, но не знал и даже не мог предположить, в чём же будет заключаться его наивысшее предназначение среди людей. Он терялся в догадках о том, что же он может и должен сделать ещё в этой жизни. Его постоянно преследовала в последние дни мысль о какой-то незавершённости его личной жизни, об ущербности её без этого. Он понимал, что история с родственниками не последняя капля в потоке странных событий. И он ждал. Ждал сверхъестественного вопреки собственному рассудку.

***

Отдушина

Бух сильно переживал по случившемуся, тосковал по дому и Александре Трофимовне и, чтобы отвлечься от своих мрачных дум и размышлений, стал отпрашиваться у врачей ходить на главпочту для того, чтобы получать там корреспонденцию до востребования.

Он давно ходил на главпочту, с тех самых пор, как перестал доверять своим родным, в особенности Петру Гнатюку, и перевёл получение всех своих писем сюда, в центр города. Но если раньше Бух ездил на почту раз в месяц, то теперь каждый день. Времени у него было предостаточно, здоровье наладилось и позволяло совершать длительные прогулки по городу без какого-либо ущерба для самочувствия старого человека. Раньше он был рад каждой такой вылазке в город, сейчас с мрачным нетерпением ждал возможности прекратить все и всяческие поездки и отлучки из дома престарелых для того, чтобы навсегда уединиться в своей палате. Он уже успел предупредить всех своих знакомых по переписке о смене адреса и теперь ожидал только одно-единственное письмо, после которого у него рвались все связи с внешним миром, миром, в котором он, Бух-Коломейчук, стал лишним.

Он уже давно знал по имени-отчеству всех операторов, обслуживающих отдел "до востребования" и даже успел наслушаться от них массы всяких историй о их жизни, жизни соседей, клиентов и вообще о жизни города, страны, мира... Более словоохотливых людей он никогда не встречал. Немолодые уже женщины знали и видели многое, и могли часами рассказывать занятные истории, просто переполнявшие их. Не всегда рассказы давали повод для веселья, чаще наоборот, заставляли задуматься о несовершенстве человека, его души, взаимоотношений с другими людьми и самим государством. Была в этих рассказах и радость, и печаль, и подлость, и настоящая дружба, и любовь, и предательство, верность и разлука.

Женщины ничего не придумывали, они просто пересказывали тысячи историй, знакомых им по рассказам своих клиентов.

Они пересказывали сюжеты трагедий и комедий, которые разыгрывались у них на глазах.

Вот, например, совсем недавно показали Буху солидного толстяка, назвав его крупный пост, и рассказали, что он уже с год получает письма "до востребования" от одной миленькой девчушки, с которой у него возник небольшой роман. Словоохотливые болтушки тут же предсказали и дальнейшую судьбу этого гражданина. Его должны вскоре перевести "по состоянию здоровья" на более низшую должность, дабы не делал глупости на виду у всего города и республики. Так уже не однажды случалось с его предшественниками, не умеющими прятать концы в воду и неосторожно выставляющими напоказ свои слабости.

Алексею Максимовичу искренне стало жаль симпатичного толстячка, которого он однажды видел садящимся у почты в большую чёрную "Волгу" новой модели.

"Машина-то новая, - думал он, - правительственная, а поступки и дела стары, как мир. Если уж так тебе мила эта девчонка, так женись на ней, чудак! Нет, не женится, будет путаться, пока в конец не опаскудятся оба".

Тут он вспомнил историю одного крупного в республике партийного деятеля, которого впоследствии Брежнев, простив, забрал на повышение в Москву. Так вот тот ловелас оказался подлинным виртуозом по части амурной изобретательности и устроил себе место свиданий прямо в больнице, где работала его пассия. С ней он запирался в процедурном кабинете и проводил приятные минуты и часы в общении с любимой женщиной, совмещая приятное с полезным. И так продолжалось до тех пор, пока одна медсестра не рассказала обо всём мужу этой... этого врача.

И вышел огромный скандал на весь город и республику.

Обманутый муж, старый человек, раненный в ногу, ходивший, опираясь на большую суковатую палку, прямо в процедурном кабинете побил уважаемого в республике партийного деятеля этой самой палкой и выгнал его, чуть ли не в исподнем на улицу.

***

Алексей Максимович никогда не торопился уходить от милых его сердцу женщин, буквально державших в руках историю судеб многих и многих тысяч людей, и операторы были рады ему за это. Особенно старалась одна из них, толстая пожилая женщина, с грубыми манерами одесской торговки и неприятным визгливым голосом.

Очень часто она срывалась на крик в разговоре с клиентами, но те на неё, почему-то, не обижались. Бух вначале знакомства очень рассердился на грубиянку и даже хотел отчитать её по первое число, потом понял, что она была по натуре очень добрая и по-своему хорошая, вот только внешне напускала на себя всякую чертовщину и дурь. Она и работник была прекрасный, работала на своём месте лет тридцать, и знала почти весь город в лицо и по фамилиям. Женщина эта, звали её Валентиной, могла выложить о любом из своих подопечных такое, что тот и сам о себе не знал. Но, в принципе, она была несчастной бабой, воспитавшей оболтуса сына и не менее пропавшую дочь, и Бух, поближе познакомившись с Валентиной, понял, что за напускной грубостью, скрывала она свою незащищённость в этом мире от всяких напастей, так и валяющихся на неё со всех сторон: то умерла ненавидимая мачеха и её нужно было хоронить ей, в то время как родные мачехины дети даже носа не сунули в квартиру матери, выкачав из неё предварительно все деньги; то сын попался на "конопле" и Валентина доставала деньги на взятку милиции, схватившей сына на Чуйском тракте, и срочно устраивала, за взятку же, его поспешный призыв в армию; то дочь побил муж, и та лежала в больнице, и срочно нужно было достать остродефицитный церебролизин для уколов беспутной девчонке...

У каждого свои болячки, свои проблемы, но если бы всё это происходило лет за десять-пятнадцать обычной человеческой жизни, а то все её несчастья концентрировались в год-полтора. И Бух терялся перед их наплывом и искренне завидовал упорству и сопротивляемости этой немолодой женщины и ранее, по её рассказам, не видевшей в жизни ничего хорошего.

И думал Алексей Максимович, что есть, несомненно, его личная вина в том, что у замотанной и задёрганной Валентины нет нормальной жизни.

Да, он виноват и в этом.

Он вообще за всё случившееся в мире виноват: и за хорошее, и за плохое.

***

Последний день

В тот день, когда пришло, наконец, долгожданное письмо из Москвы, Бух задержался на главпочте дольше обычного. Он понимал, что больше уже никогда не придёт сюда, и хотел запомнить и этот дом, и людей, толпящихся в нём, надолго. Он сознательно оттягивал последнюю минуту пребывания в мире, который оставлял навсегда.

На главпочте строители только что закончили косметический ремонт и посетителям впервые представилась возможность увидеть отремонтированное здание во всей его новой красе.

Впрочем, ничего нового сделано не было. Чуть посвежели краски здания, немного по-другому расположили участки разных служб да на огромной глухой площади стены нарисовали картину с портретом изобретателя Попова, слушающего сигналы бедствия с корабля. Хотя нет, не корабль терпел бедствие, а рыбаки, нарисованные тут же на льдине. И к ним шёл на помощь мощный ледокол "Ермак". Но это уже потом Алексей Максимович догадался про сюжет изображённого.

Картина ему понравилась, он долго стоял и размышлял, глядя на неё.

Занимала его странная мысль: почему именно эта картина стала его последним видением настоящего изобразительного искусства в этом мире?

Работа художника была действительно хороша для столичного почтамта. Не настолько, чтобы её можно было помещать в Третьяковскую галерею, но всё-таки это была работа неплохого мастера. Бух достаточно видел картин в жизни, чтобы иметь своё представление об искусстве художника, и мог отличить плохую вещь от стоящей сразу и верно. И радовался тому, что мог понимать и ценить одно из самых древних в мире искусств. И теперь тоже радовался, глядя на произведение, которое будет много лет служить людям, как предмет наслаждения прекрасным и, вместе с тем, будет отличной агитацией победоносных идей Великого Октября.

Над рыбаками, чудом, спасшимися в своё время, горело красное знамя, вмонтированное в центр картины вместе с группой красноармейцев, окруживших Владимира Ильича Ленина у аппарата "Морзе".

Политический аспект круто завязан с развитием телеграфного дела в России, а вот портрет вождя...

Нет, всё правильно, всё верно. Именно так и должно было закончиться прощание Буха с остающимися здесь, в этом суетном, жестоком и прекрасном мире... Всё верно, всё правильно.

Спасибо тебе, товарищ художник!

Бух со слезами в глазах повернулся спиной к картине и встал в очередь за своим письмом "до востребования".

Он никогда не рвался к этому окошку без очереди, как и в других очередях не пользовался привилегиями возраста и заслуг, и теперь с удовольствием прислушивался к тому, что происходило вокруг него.

А вокруг кипела жизнь!

Очередь мало интересовало новое оформление старого здания, ей нужны были письма, телеграммы, переводы и посылки. Кто-то впереди громко ругался с Валентиной, она что-то в этот раз не поделила с полупьяным гражданином и громко, на весь зал, выговаривала ему всё, что думает про него, про его жену, бабушку, дедушку, внуков... Она умела это делать азартно и смешно. При этом успевала сказать кому-то в очереди, что для него ничего нет сегодня, а кому-то, наоборот, с кого-то что-то требовала, кому-то объясняла что-то, размахивая широко руками. Ругаясь, она краснела, её чёрный короткий парик моментально сбивался на бок, она поправляла его большими и толстыми руками, с крохотной татуировкой на левом плече, плохо прикрываемой коротким рукавом, потела крупными капельками пота, выступающего на маленьких усиках, глазки её отчаянно блестели и становились ещё меньше, чем были на самом деле.

Когда дошла очередь до Буха, Валентина уже почти успокоилась, но всё ещё, как затухающий гейзер, моментами кипела и клочкотала.

Алексей Максимович и сейчас, лёжа на кровати, прислушиваясь к раскатам удаляющейся грозы, с удовольствием вспоминал голос Валентины, мечущий нестрашные молнии. Он сохранил в памяти тот день в самых мельчайших подробностях, специально старался запомнить всё, что с ним происходило тогда.

- Отец, тебе письмо! - сказала Валентина, обращаясь к Буху на ты, так же, впрочем, как и со всеми в очереди. - Из Москвы. Ох, добьёшься, отец, опять тебя посадят. Ты же сам знаешь, с сильным не дерись, с начальством не судись! У них вся власть.

Поблагодарив Валентину, но, не попрощавшись, обрадованный Бух поспешил отойти от заветного окошка. Ему хотелось, чтобы эту их последнюю в жизни встречу, она тоже запомнила надолго.

Он быстро прочитал письмо и, закрыв глаза, осмысливал его содержание, улыбаясь.

Когда Валентина совсем отошла от "вредного" клиента, Бух подошёл к ней и начал разговор издали, расспросами о делах дома.

Не стесняясь очереди, Валентина тут же коротко пересказала новости последних дней. И Алексей Максимович понял, что она в очередной раз подцепила себе в сожители какого-то подозрительного субъекта, от которого не может избавиться даже с помощью милиции и КГБ, внештатным сотрудником которого была практически всё время работы на почте. И Бух с горечью подумал, что иной жизни эта несчастная женщина не знала с самого детства. Не видела она другого и не хотела видеть, хотя и знала, что где-то есть иные люди и иные взаимоотношения между ними, но они существовали для неё как будто на другой планете, на которую её нога уже не сможет ступить никогда, а значит, и думать, и мечтать о ней не имело смысла.

Быстро перечитав своё письмо ещё раз, Бух дал прочесть его и Валентине. Признаться, он был по-мальчишески горд тем, что именно ему лично ответил сам чемпион мира по шахматам, занимающий в фонде самый главный пост. Не мелкая сошка - седьмая вода на киселе, а сам чемпион мира!

"Дорогой Алексей Максимович! - писал он. - Позвольте мне, от имени нашей организации, поблагодарить Вас за Ваш щедрый дар и благородный поступок..."

Алексей Максимович никак не ожидал этого. Ведь это... Это был человек, которому устраивали торжественные приёмы короли, президенты, премьеры многих стран мира. Он был вхож в лучшие дома планеты, а Бух всего лишь житель Нахаловки, изгой, человечек, утративший даже своё настоящее имя. Он - почти небожитель, а Бух - травинка ничтожная...

"Нет! - подумал Алексей Максимович. - Значит и я, Бух-Коломейчук, хоть что-то, а значу, в сей жизни, если мне ответил Он. Значит, и я хоть что-то смог сделать на старости лет полезное для Родины, которую нечаянно обидел в своё время непониманием к её нуждам и бедам, если такой Человек заметил и оценил меня... Меня и оценил!"

Он чуть не плакал от переполнявшего его счастья. Ему срочно нужно было поделиться с кем-то своим чувством, иначе он, кажется, мог взорваться.

Валентина по-бабьи пожалела его и пожелала всяческих удач в жизни. Он попрощался с нею, как с родной дочерью, потом повернулся, чтобы навсегда покинуть этот зал, и...

И увидел группу красноармейцев,двигающихся прямо на него.

И аппарат "Морзе"...

И показалось бедному Алексею Максимовичу, что красноармейцы эти только что вместе с ним стояли в очереди за письмами и внимательно слушали рассказы Валентины о своём нерадостном житье-бытье. И вообще они всё видели и слышали. Всё! И так было всегда в их новой рисованной жизни, но они смотрели на живых со своей стены поверх голов, смотрели в невидимую уже, для стоящих у них под ногами, даль. И эту даль Бух видел вместе с ними лишь один. Он единственный понимал их и хотел скорее встать к ним в общий многомиллионный строй...

Но примут ли они его таким, каким он стал сегодня?

Не спросят ли слишком строго за прожитую жизнь?

Ведь тогда, в тридцать седьмом и чуть позже, когда он ещё активно жил и был физически относительно здоровым человеком, едва не прикончили контрики социализм в стране. Едва и ему самому не свернули вместе с головой мозги набекрень. Целую жизнь пришлось потом положить на возвращение в светло-радостное состояние веры в истину, отбросив все сомнения, впервые испытанные ещё в семнадцатом. Долог был путь в начало. И не его одного в этом вина.

Но поймут ли товарищи, простят ли, подадут ли руку при встрече и возьмут ли в свой строй?

***

...Гроза давно кончилась.

Затих и дождь.

Уже часа три светит яркое солнышко.

Где-то в кустах и на деревьях поют птицы. Но дом престарелых ещё спит. Спит и сосед Буха. Пальцы его рук, сложенные поверх простыни, бессознательно выбивают какую-то ему одному знакомую дробь. А может, это и не дробь барабана, может, это он за спусковой крючок автомата дёргает, добивает во сне Алексея Максимовича? Бог ему теперь судья! Пусть спит. Ведь все спят. Все! Спит и далёкий город, откуда не слышно ни гула машин, ни перезвона трамваев, ни криков людей. Все спят, досматривая последние самые сладкие сны. Не спит лишь Алексей Максимович. Он просто лежит и смотрит на радио. Ждёт, когда оно заговорит, когда же оно произнесёт, наконец, то самое главное, что должно было произнести в последние пятьдесят лет, после чего, как сказано людям в священных библейских книгах, он познает истину, и истина сделает его свободным. Он верил, что однажды так это и будет, что так должно быть, иначе, зачем всё это творится на земле?

Он верил, свято верил, что когда-нибудь познает выстраданный им высший смысл пребывания человека на земле и, в награду за свои муки, освободится от всего, что так долго давило на него, убивая в нём всё лучшее, данное ему природой при рождении.

Когда?

Когда??

Когда???..

***

И вот радио заговорило.

И вот уже пропело великий гимн.

Прочитало все новости, какие скопились за последний день и ночь в радиокомитете.

Стало передавать сводку погоды по республикам и областям Советского Союза...

Сейчас будут передавать утреннюю гимнастику...

В приоткрытое окно неожиданно влетела крупная бабочка и села на спинку кровати Алексея Максимовича. Широкие разноцветные крылья беспечной красавицы то соединялись вместе, то раскрывались на две прекрасные половинки единого узора, усики шевелились, а ножки медленно переносили владелицу роскошных крыльев по гладкой деревянной поверхности с одного края кровати на другой.

От её присутствия в палате вдруг стало светлее и просторнее. В воздухе появились новые дразнящие запахи лета, остро запахло свежескошенным сеном, даже во рту появился забытый с детства вкус сладких цветков клевера...

И тут он...

Тут он заплакал.

Две крупные слезинки скатились по дряблым щекам и сразу же впитались в сухую казённую подушку. Сердце сдавила невероятная тоска и жалость к самому себе и своей загубленной жизни.

Вдруг он вспомнил откуда-то всплывшие из глубин памяти дерзкие, отчаянные стихи:

"Я всё простил тебе, судьба.

С твоим раскладом я согласен.

Пусть я убог - но мир прекрасен!..".

И тут же вспомнилось читанное в детстве:

"И увидал я мёртвых и великих, стоящих перед Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мёртвые по написанному в книгах сообразно с делами своими...".

Перед глазами мелькнуло смутное изображение лица первой жены, внучки, живущей на границе, сына и каких-то людей, которых он уже не мог вспомнить по именам и делам, но ощутил тепло идущее от них...

Бух тяжело вздохнул, и устало закрыл глаза.

Навсегда.

Свободен...

Теперь, наконец, свободен!

Тень лёгкой улыбки озарила его лицо и застыла навек.

***

"Седьмой Ангел вылил чашу свою на воздух; и из храма небесного от престола раздался громкий голос, говорящий: совершилось".

***

Прости его, Господи!

За всё прости!

1984-1986 год, г. Алма-Ата,

Воспоминания с другой стороны

«Не важно как близко танки вермахта подошли к Москве, дело вообще в другом!» - немецкий офицер о причинах их поражения под Москвой

<https://dzen.ru/a/ZkCd15YO-nsIRq-R>

Мне попались любопытные воспоминания вражеского офицера. В своих мемуарах о войне лейтенант Вальтер Хайнлайн вспоминает Битву под Москвой, в которой ему довелось принять участие с самого начала до её завершения. Служил он в 74-м артиллерийском полку 2-й танковой дивизии и с октября сорок первого по июнь сорок второго года исполнял обязанности передового наблюдателя.

На Восточный фронт Вальтер попал в сентябре, но уже к середине октября успел заслужить Железный Крест 2-го класса и персональное Свидетельство Признания от Главнокомандующего фон Браухича за отличие в боях под Вязьмой.

Первые месяцы войны немецкое наступление развивалось вполне успешно. 24-го ноября 1941-го года 2-ая танковая дивизия вошла в Солнечногорск в 60-ти километрах от Москвы и продолжила двигаться к Лобне.

В этих боях его часть практически не участвовала, в основном ограничивалась сковывающими артиллерийскими обстрелами. Основное противодействие подавляли действующие на острие атаки танковый и два пехотных полка. Однако вскоре продвижение замедлилось. Вальтер вспоминает многочисленные атаки советских танков. В первую линию были выдвинуты противотанковые самоходки и 10,5-сантиметровые гаубицы. Хотя контратаки удавалось отбивать, становилось заметно, что силы советских частей увеличиваются, сопротивление становилось ожесточеннее.

В начале декабря Вальтер потерял свой броневик. Произошло это следующим образом. Они вошли деревню Катушки. Пехота заняла оборону на окраине деревни, а Вальтер с радистом и водителем расположились в доме в центре. Как вспоминает лейтенант, из дома прекрасно просматривались поля в сторону Москвы. До неё оставалось 16 километров и по ночам даже были видны лучи прожекторов противовоздушной обороны столицы.

Первый вечер и ночь прошли спокойно. Они даже устроили чаепитие у самовара с кексами и маслом, которые радист нашёл на оставленном русском складе. Однако утром, только они удобно устроились за столом, раздался рёв моторов. Выглянув в окно, Вальтер увидел несколько идущих в атаку танков Т-34.

«Один Т-34 появился на дороге прямо перед моим домом. Наша 3,7-сантиметровая пушка по нему выстрелила, но снаряд отскочил от брони. Началась гонка вокруг дома - танк двигался, чтобы обойти противотанковую пушку. Другой Т-34 заметил мой броневик в сарае. С короткой дистанции он выстрелил по броневику, затем таранил его и вдвинул вглубь сарая, - на броневик обрушилась крыша сарая, и так я остался без своего «танка», и дальше воевать мне стало намного труднее» вспоминает Вальтер.

На счастье гитлеровцев танки атаковали без поддержки пехоты, атака была отбита, а второй не последовало. Следующие дни батарея лейтенанта занималась артиллерийскими обстрелами Лобни и окраин Москвы, но последовал приказ отступить. 6-го декабря советские войска перешли в контрнаступление. Группа армий «Центр», чтобы не попасть в окружение начала откатываться назад.

А вот, что думает гитлеровский офицер о главной причине поражения под Москвой. Не важно как близко танки вермахта подошли к Москве, дело вообще в другом! По мнению Вальтера теперь не имело никакого значения. Причины того, что наступление закончилось крахом он видит в том, что русские смогли мобилизовать все резервы в огромном тылу.

Оборонная промышленность бесперебойно работала и снабжала войска всем необходимым. А они на таком огромном расстоянии от Германии испытывали проблемы со снабжением, которые ещё усиливали партизаны, выводящие из строя коммуникации.

Ну и любимое оправдание гитлеровцев он не забыл — это суровая русская зима, к которой они были не готовы. Морозы под 40 градусов, при таких температурах оружие отказывало, масло в моторах замерзало, отогреть и завести удавалось далеко не всегда. Да и топливо становилось дефицитом. Кроме того, не было зимнего обмундирования. По словам Вальтера, хотя отступали организованно и на бегство это не было похоже, потерь было много. И не столько от боевых действий, сколько от мороза.

«У многих были отморожены пальцы, - у нас было очень много потерь из-за обморожений, хотя мы растирали замерзшие места снегом. Мы натягивали пилотки на уши, но всё равно отмороживали уши. Мы отступали на лошадях, улицы были скользкие, наши танки скапывались в кюветы, и мы должны были их там оставлять. Был такой момент, что у нас в дивизии остался только один танк: при том, что остальные не были подбиты, - они замерзли или остались стоять из-за погоды» сетует на русскую зиму Вальтер.

К 10-му декабря 2-я танковая дивизия отступила до Солнечногорска, из которого всего пару недель назад начала наступление и покатила дальше. Остановились только в районе Волоколамска.

Там они смогли закрепиться и удерживали позиции до начала января сорок второго года. Вальтер вспоминает, как несколько дней пришлось провести, лёжа в снегу в лесу на таком морозе. Очень ждали зимнюю одежду, но получили только лыжи. Пригодились они только снабженцам, доставляющим еду в окопы. Сам Вальтер ходить на лыжах не умел. Не было проблем и со снабжением алкоголем, выдавали даже французский коньяк. Но, по словам Вальтера он был не

особо и нужен, даже к трофейным ящикам с водкой не притрагивались.

Вместе со своим радистом Вальтер построил шалаш из веток для защиты от холода. Русская авиация из-за морозов беспокоила их редко, но каждую ночь прилетал, как он пишет, «медленно летающий самолет» и сбрасывал бомбы. Одна из них упала прямо перед входом в шалаш, но на его счастье не взорвалась. На этих позициях они и отметили рождество. Слушали «Лили Марлен», плакали. Всем хотелось окончания войны и быстрого возвращения домой, но, похоже, всё только начиналось.

7-го января сорок второго началось новое наступление советских войск. 9-ая армия чуть не потерпела катастрофу, удары по ней наносились не только в лоб, с фронта, но и глубокими обходами. Её отбросили к Гжатску. 2-ая танковая дивизия прикрывала отступление.

Во время этого отступления Вальтер практически всё время был в боях. Как только возвращался с одного задания, его немедленно направляли на другой участок. Службу передового наблюдателя Вальтер считает очень опасной и трудной. Он практически не имел времени на сон и постоянно в ночных разъездах по линии фронта с одним водителем и радистом. В его задачу входила корректировочная пристрелка гаубиц по определённым ориентирам, тогда с началом атаки сразу можно было вести огонь на поражение.

Особенно хорошо подобный метод работал в случае ночных атак, когда пристрелка была затруднена. Вальтер описывает несколько эпизодов, когда его батарея, таким образом, удавалось отсечь пехоту от наступающих танков, а достичь успеха в атаке без поддержки пехоты одним танкам невозможно. Отмечает он и отсутствие радиосвязи между советскими танками. Это вело к печальным результатам, предупреждать друг друга об опасности они не могли. Он рассказывает об одном таком случае, когда несколько групп танков выехали одна за другой на батарею 88 мм зениток и все были подбиты.

К середине февраля фронты стабилизировались. С этого времени и до апреля сорок второго 2-я танковая дивизия оборонялась в районе Ржева. После того, как закончилась весенняя распутица, дивизию вывели на отдых и переформирование.

За Зимнюю кампанию 41-42-го годов Вальтер Хайнлайн был награжден Железным крестом 1-го класса и получил «Медаль за зимнюю битву на Востоке». По его словам, она среди офицеров не особенно ценилась. Неофициальное название, намертво прилипшее к этой награде, было «Мороженное мясо». Итог этой зимней эпопеи Вальтер в мемуарах подвёл следующими словами:

«Новое русское наступление захлебнулось. 9-я армия в эти и последующие недели проявила нечеловеческие усилия в оборонительных боях, и оставалась господином положения даже при постоянных атаках противника. Нет, мы совсем не думали, что война проиграна, наоборот. Мы думали про Наполеона, - и тогда, и сейчас в России были грязь и мороз. Мы были убеждены, что, если бы их не было, мы бы выиграли!» резюмирует артиллерийский наблюдатель.

Похоже, на этот момент он так ничего и не понял. Ни того, что погода ни при чём, русские воевали в тех же условиях. Ни того, что под Москвой была не временная неудача, а коренной перелом, с которого и начался окончательный и бесповоротный разгром захватчиков.

Комментарии

Матвей Матвеев Кого-то надо в Германии заставить это почитать.

андрей борейко Немецкое командование, начиная войну, исходило из наличия у нас 200 дивизий. А у нас оказалось 300 дивизий. Эти лишние 100 дивизий и решили судьбу кампании 1941г. Сыграли свою роль следующие факторы. Стойкость наших войск, их патриотизм, готовность к самопожертвованию. Умения наших командиров, способных усваивать уроки войны. Достаточные резервы в тылу. Оборонная промышленность, способная наращивать производство, в том числе и после эвакуации. Политическое и хозяйственное руководство, способное решать задачи, стоящие перед страной, способное выдерживать огромные моральные и физические нагрузки. Устойчивость политического режима. Огром-

ные расстояния, немцы начали наступление на Москву за 300-400 км. от Москвы. Грязь, распутица в последней декаде октября заставляла немцев наступать по основным дорогам, которые были перекрыты нашими войсками, недоступность проселочных, грунтовых дорог. Неготовность немцев к преждевременной холодной зиме (нет зимнего обмундирования, нет антифриза для горюче-смазочных материалов). Ошибки немецкого командования и наличие правильных, рациональных решений нашего командования.

Andrew Karpov"На этих позициях они и отметили рождество. Слушали «Лили Марлен», плакали. Всем хотелось окончания войны и быстрого возвращения домой, ". Ну ничего, скоро будут вместе с советскими войсками встречать в Берлине.

ГруняПлохому танцору всегда что-то мешает...

Васян Рабинович «Очень ждали зимнюю одежду, но получили только лыжи.»© Показательно...

Фамилия, ИмяЭто сколько ума надо иметь, чтобы 105 мм и 37 мм перевести в сантиметры!?

pelermont n.Всё верно в оригинале. В Вермахте стандарт артиллерии был в сантиметрах и калибрах.

андрей г.Обычный фашистский плач! Почему русские победили? Нас было 5 человек, а русских 40 человек и оба в валенках!

Андрей С.В деревне Катюшки фрицы согнали жителей (женщин, детей, стариков) в противотанковый ров и держали там, на морозе, пока сами, как пишет этот мудака, чай с кексами пили. У меня бабушка из этих мест, мы помним и детям рассказываем... Никто не забыт, ничто не забыто! Спасибо тем ребятам на Т-34, которые дали этим пидорам просрать, тогда большинство жителей и смогло уйти в лес в соседнюю деревню Носово, там уже были наши. Потом наступление и зарево за бегущими, а не организованно отходившими "европейцами" над Красной Поляной, Пучками, Горками, Озерецким, Рыбками...

Константин Шиверов"Ну и любимое оправдание гитлеровцев он не забыл — это суровая русская зима, к которой они были не готовы.". На первый взгляд это самая большая загадка той войны. Что за стратеги такие разрабатывали и утверждали план "Барбаросса"? Понятно, что они хотели всё закончить ещё до наступления холодов. Допустим, у них получилось. А дальше-то что? Повернуться и с песнями уйти домой? Зима-то всё равно наступит. Ну да, можно возразить, что в этом случае к ней особо готовиться не надо было. На что германские стратеги и рассчитывали. Ну так и надо было тогда побеждать в соответствии с планом. Не, мол, нам зима помешала. Да ещё и огромные просторы. Чё ж тогда не подготовились к ним? А мы рассчитывали, что успеем. И получается замкнутый круг. Не готовились потому, что рассчитывали успеть, а не успели потому, что не готовились. Круг круглых идиотов. А если допус-

тить, что они идиотами не были? Что, скорее всего. Тогда всё сразу встаёт на свои места. Гитлер и его ближайшие прекрасно понимали, с какой целью их привели к власти. Вернее целями. Первую они блестяще выполнили. Великобританская Империя была уничтожена росчерком пера предателя Черчилля. Уже в 1940 году. А вот на второй - уничтожении СССР, приемника Российской Империи, вышел облом. В т.ч. и потому, что ни у Гитлера, ни у тех, кто привёл его к власти, тоже не было времени. Советский Союз стремительно развивался и к лету 42-го года стал бы настоящей сверхдержавой с обученной, перевооружённой армией. Поэтому, по сути, Гитлер пошёл ва-банк. И проиграл. Гений Сталина и его ближайших направили ход событий так, как всё и произошло. И только безмозглый кретин, изучавший историю по Огоньку и соросовским учебникам, может думать, что тогда была какая-то лучшая для СССР альтернатива.

Александр КвашининЖаль, что он не получил деревянный крест над своей могилой в России.

Нина ШалеваВот как замороженные, об одном и том же говорят! Дублируют друг друга, виновата погода. Своё поражение оправдывают всеми способами... А население обирали, отнимали всю одежду... В Германии также были и морозы, но о них не пишут. Так, что немцам холод привычен, ещё с Германии. Врут и врут! Как этот Вальтер валялся на снегу и на морозе несколько дней, почему он не замерз? Но немцы привыкли к вранью, это их вторая натура после жестокости..

Амкор Д.Немедленно вспоминается Резун с его воплями про самые лучшие танки в мире, стоящие на вооружении у Красной армии. Его бы лично посадить за рычаги такого танка - без гидроусилителя, рации, оптики, а также выдать тупуп, чтобы преждевременно не посеколо осколками от рикошетирующих ударов болванок, и замечательные красные флажки для подачи команд в бою другим танкам.

Петр КолумбасовАмкор Д., Резун однозначно мразь редкая, но тридцатьчетверка даже ещё такая сырая, как в 1941 уже превосходила любой немецкий танк, не говоря уж об англосаксонских, Катюков под Тулой с несколькими десятками Т-34 парализовал всю мощь Гудериана с их гидроусилителями, оптикой, рациями, что в этом толку если они не могли воевать вне дорог и выходили из строя при небольшом морозце, да и броню нашу не пробивали, недаром же сам битый танковый «папа» вермахта описал реакцию фюрера, увидевшего трофейный Т-34 «если бы я знал, что у русских есть такой танк, я бы войну не начал».

Константин ШиверовПетр Колумбасов, а ещё у Т-34 было огромное преимущество перед любым немецким, да и вообще любым танком мира. Возможность массового применения на конкретном участке фронта. Какими бы Тигр, или Пантера выдающимися характеристиками не обладали, против численно превосходящих тридцатьчетвёрок это мало что значило.

Петр Колумбасов Константин Шиверов, это факт, пока они один тигр делали, мы - десятки тридцатьчетверок.

Петр Колумбасов Hans Trotta, не повторяйте чушь разных псевдоисториков есть официальные цифры потерь по действующей армии, они составляют 8 668 400 военнослужащих из них 6 818 300 погибло в бою или умерло от ран позднее, 1 850 100 не вернулось из плена, потери Германии 5 300 000 без учёта их союзников, и данные только по погибшим на поле боя, по пленным их нет, так что 6,8 млн против 5,3 вполне сопоставимые цифры.

сергей монастырев Наполеон ушёл из Москвы ещё до морозов и даже когда через Березину переправлялись было не настолько холодно, иначе зачем мосты строить было, перешли б по льду... Обосрались те и другие... Шведы умудрились пообморозиваться на Украине (?) зимой 1708-1709... Потом Полтава была им.

Нил Нилов Это чудесно! Имея в союзниках всю Европу, они не смогли подготовить зимнее обмундирование, топливо и т.п. Плечо снабжения, видите ли, было велико! А мы смогли, нам великая Монголия помогла. На нашей стороне фронта был "Ташкент", вооружение мы подвозили из ближнего тыла. Если бы не это нечестное обстоятельство, то эти сверхчеловеки с нами бы справились, непременно бы справились!..

Дмитрий И. Ну, всё так и есть. Вермахт не дошёл, вермахт дополз до Москвы.

Корнев Александр iivtin@inbox.ru, это же воспоминания. Воспоминания, которые опираются на послезнания. Ещё немного фантазии или забывчивости. Погоду-то он перепутал. Морозы в 40 градусов не могли мешать им наступать. Они ударили после начала советского наступления.

Андрей Андреев Немецкие тыловики просрали поставки для своих войск, но всё равно виноват русский мороз. А наши, блин, как будто бы не мёрзли в окопах.

СВО. Памяти героя

Иван Викторович Берилло

Иван Викторович Берилло родился 19 января 2002 года и вырос в д. Березовка Марьяновского района, Омской области. Окончил Березовскую общеобразовательную школу. С 2008 по 2017 гг. По окончании школы получил среднее профессиональное образование, окончив Москаленский профессиональный колледж. В 2020 году со второго курса Сибирского государственного института водного транспорта был призван в ряды Российской армии и направлен в 49-й учебный центр танковых войск п. Каштак в/ч 04026, Гарнизон города Чита. Служил в 5-й Гвардейской отдельной Таманской мсд, ЗАТО Алабино, Московская область. в войсковой части 58198 механиком – водителем 2 танкового взвода 2 танковой роты 1 танкового батальона.

Заключил контракт на военную службу и участвовал в специальной военной операции на Украине. 26 апреля 2022 года вместе с экипажем танка погиб в селе Малая Камышеваха Харьковской области. За мужество, отвагу и самоотверженность, проявленные при исполнении воинского и служебного долга в ходе специальной военной операции, указом Президента РФ гвардии рядовой Иван Берилло посмертно награжден орденом Мужества. Награду передали бабушке героя Тамаре Николаевне межрайонный Военный комиссар и Глава Марьяновского района.

Он с честью исполнил воинский долг и до конца был верен Родине.

7 мая 2022 года Иван был похоронен в родной деревне.

70 лет со дня рождения

композитора, педагога, видного деятеля казачьей культуры Горбунова Николая Евстафьевича

В 1989 году при сельском клубе казачьего села Орловка Марьяновского района Омской области Н. Е. Горбунов объединил любителей самодеятельной казачьей песни из числа старожилов в вокальный коллектив. В 1992 году коллектив

получил статус народного ансамбля казачьей песни.

При Орловской школе имеется филиал хорового отделения Марьяновской районной детской школы искусств им. А. Черкунова, в котором преподаёт Николай Евстафьевич. Многие из юных артистов получают профессиональное музыкальное образование на хоровом отделении.

Горбунов Н. Е. при Орловской средней школе создаёт два детских коллектива «Казачок» и «Горошинка» Цель создания ансамбля «Казачок» - возрождение, сохранение и пропаганда казачьих традиций, У ансамбля интересная творческая жизнь: участие в различных конкурсах, встречи, поездки. Совместный труд руководителя и ансамбля неоднократно был отмечен различными грамотами и благодарностями.

«Казачок» стал резервом кадров для ансамбля «Станичники», получившего статус муниципального, иначе говоря – профессионального

Николай Евстафьевич сочинил музыку на замечательные стихи Г. Тарасова, («Сибирская казачья», «Уходил казак на фронт», «Марианочка», «В хмуром небе чаечка», «Старый тополь».

В соавторстве с Л. Евдокимовой, и другими авторами Марьяновского творческого объединения «Радуга», создает

удивительные песни. В них славятся традиции наших предков, воспеваются красота и сила русского народа. Ведущая тема музыкального творчества моего земляка, связующее звено творчества композитора и поэтов - тема родины, патриотизм и безграничная любовь к отчему краю.

Коллектив исполняет песню об Орловке на входной заставе. 1-й слева Александр

Григорьев. 2-я слева - Наталья Горкунова. 3-я справа Наталья Мухамадиева - За кадром остались Александр Улитин, Игорь Улитин, Наталья Тыщенко выпускники ансамбля «Казачок». Праздник Троицы, или Никола Вешний.

Н. Е. Горбунов - автор музыки гимна Марьяновского района на текст преподавателя русского языка и литературы Л. Евдокимовой.

Ансамбли «Казачок» и «Станичники» занесены в Реестр казачьих художественных коллективов России Реестр подготовлен по состоянию на 01 октября 2011 года Государственным республиканским центром русского фольклора.

Народный вокальный ансамбль

«Осенний сон» Марьяновского районного Дома культуры – филиала Муниципального бюджетного учреждения культуры «Районный Дом народного творчества и досуга. Создан в 1997 году, В 2003 году присвоено звание «Народный коллектив самодеятельного художественного творчества» Приказом Министерства

Культуры Российской Федерации от 7 декабря 2020 года коллективу присвоено звание «Заслуженный коллектив народного творчества».

«Осенний сон» - один из ведущих коллективов Омской области, играет важную роль в сохранении традиций и пропаганде песенного творчества. Русская народная песня неотъемлемая часть исполнительского творчества ансамбля. Помимо народных произведений в репертуар включены песни, авторами которых являются Марьяновские поэты и композиторы. Коллектив достойно выступал на концертных площадках разных городов; Екатеринбург, Санкт-Петербург, Курск, Иркутск, Москва, Оренбург, Томск, Новосибирск, Сандонеж (Польша) и др.

Коллектив носит звание Лауреата премии Губернатора Омской области «За заслуги в развитии народного творчества» в номинации «Лучший творческий коллектив».

На сцене Г. Шульц, Н. Лебедева Н. Горбунов, Е. Фёдорова, О. Демидова.

Чин подьесаул присвоен Н. Е. Горбунову атаманом Сибирского казачьего войска С. М. Толмачёвым в августе 2014 года, в честь 60-летнего юбилея со дня рождения, с вручением Сибирского казачьего креста 1-й степени и ценного подарка. Приказом Министерства культуры Российской Федерации, №117 от 22.01.2024 года награждён знаком «За достижения в культуре».....

Сегодня, завтра и сто лет назад

Почётный Атаман Амурского казачьего войска и редактор журнала «Казачи за Камнем» казачий полковник Владимир Викторович Крюков, доктор социологических наук, член-корреспондент РАЕН, писатель, публицист, создатель-основоположник «Библиотеки Дальневосточного казачества», генеральный спонсор военно-патриотических клубов «Сотник» и «Рось» (Хабаровский край), спонсор журналов «Дальневосточный казачий вестник», «Аргументы времени» и «Казачье братство», генеральный спонсор газеты «Казачий дозор» решил поделиться с нашими читателями мыслями о современном казачестве.

Читайте ниже его статьи, они могли быть актуальны и 30 лет назад, но темы, раскрываемые в них, не устарели, к сожалению, и в наши дни.

Земли ДВ (из опыта прошлого)

26 января 1882 года мнение Государственного Совета Российской Империи о льготах для переселенцев в Амурскую и Приамурскую области было высочайше утверждено, и теперь русские переселенцы при приобретении в собственность земельных участков, начинали платить налоги за эту землю только через 20 лет пользования этой землёй. Земские повинности – натуральные и денежные, разрешено было взимать только через три года после переселения. Все эти льготы категорически запрещались для распространения на иностранных подданных! Как всё это напоминает день сегодняшней.

Продолжим.

Несмотря на, казалось бы, очень хорошие льготы для переселенцев, в численном значении это было небольшим количеством, не способным заселить земли и обработать их должным образом. Особенно плохо шло заселение Южно-Уссурийского округа и причиной этому была трудность передвижения гужевым (конным) транспортом из западных областей России на самый Дальний Восток российских земель. Южно-Уссурийский

край необходимо было заселить в кратчайшие сроки и по политическим мотивам, ведь его территория являлась пограничной. Для усиления границы из амурского казачьего войска были выделены значительные материальные средства и достаточно большое количество переселенцев. Низовья Амура, начавшие бурно развиваться, остановились в своём развитии, так как из некоторых посёлков и вновь заложенных городов на помощь к «Братским и очень благодарным» уссурийцам было переселено до 80% состава посёлков. Государственный Совет не остановился на этом и ввёл новую льготу для переселенцев: трёхлетние бесплатные перевозки в Южно-Уссурийский край морским путём и уже с 1883 года из губерний европейской части России начались перевозки морскими судами. Были введены денежные льготные ссуды для переселенцев сухопутным путём и первоначального обзаведения хозяйством и землёй. Выделение льгот для заселения Приамурского края имело свои сроки, но снижать начавшееся переселение и освоение Восточных территорий было не в

интересах Российской Империи и вследствие представления Приамурского генерал-губернатора в 1890 году ходатайства о дальнейшем продлении действия правил, установленных для заселения земель Приамурского края, 18 июня 1890 года последовало Высочайшее утверждение мнения Государственного Совета, которым повелено: – «Действие правил 26 марта 1861 года со всеми последовавшими изменениями и дополнениями их, продлить сроком ещё на 10 лет, считая таковой 27 апреля 1891 год».

Все разрешения на право переселения в Амурскую и Приморскую область были выдаваемы губернским начальством и те, кто хотел вернуться или выбыть из состава прежней общины, по разрешению местного начальства могли распродать своё имущество и выехать за свой счёт. Люди не бегали с места на место и этому придавалось большое значение, ведь недаром в заключительной главе Положения об Амурском казачьем войске сказано: – «Лица, единожды вступившие в Амурское казачье войско, навечно остаются в нём с семейством своим».

На право выдаваемой казённой земли выдавались особые акты, в которых обозначались границы и площади выдаваемых участков. Те переселенцы, которым на момент переселения исполнялось 15 лет, освобождались от воинской повинности. Такие льготные меры государства и банков за период в сорок лет дали положительные результаты и на момент истечения сроков льгот в Амурской области было только русских переселенцев 6 538 семей или 45 032 человека, из которых мужчин 23 429, женщин 21 603. В Приморской области 8 351 семья, или 52 474 человека, из них мужчин 27 987, женщин 24 487.

При заселении вёлся подсчёт земель и наибольшее их количество, не считая казачьих и казённых земель, находилось в общественном владении крестьянских обществ.

Административное деление территорий того времени было иным, и рассматриваемая нами Приморская область делилась на три округа: Южно-Уссурийскую,

Хабаровскую и Удскую. Южно-Уссурийская, в свою очередь, делилась на девять волостей: Суйфунская, Григорьевская, Черниговская, Ханкайская, Ивановская, Сучанская, Корсаковская, Цемухинская, Янчихинская.

Хабаровская делилась на две волости:

1. Троицкую,

2. Нижне-Тамбовскую и была необходима для создания Киинской волости и волости, объединяющей селения вокруг Хабаровска. При этом деление волостей создавалось не по территориальному признаку, а по числу населения для наиболее рационального содержания управления и сбора податей.

Удская округа делилась на три волости:

1. Мариинско-Успенскую и

2. Больше-Михайловскую.

В Амурской области на 113 крестьянских селений было отведено 865 037 десятин земли, а на казачьи поселения всего 24 736 десятин, так что миф о значительном количестве земель у казаков, которые хотели передать по итогам октябрьского переворота трудовому крестьянству, был очень сильно преувеличен. В общем-то такой надобности и не было, крестьянские хозяйства не стремились выкупить землю в собственность, потому что землепользование в обеих областях было определено так грамотно, что не вызывало притязаний на земельные участки и земельных споров не возникало. Отделение земель в пользование крестьянских хозяйств, без права отчуждения, несло государству несомненную пользу в виде нерушимости территориальной собственности. Земля гарантированно выделялась тем, кто приезжал на ней работать и не являлась предметом государственной спекуляции и разбазаривания собственности Российской Империи. Это сегодня раздают Дальневосточную землю налево и направо, ничуть не смущаясь того, что земли эти политы кровью русских первопроходцев и казаков во славу Государства Российского, а не как бесплатный бонус для заселения этих земель «погаными». Словесная шелуха, вместо реальной помощи, привела к тому, что потом-

ки этих самых казаков-первопроходцев, ставших уже коренными жителями, не могут стать ни состоятельными, ни самостоятельными, их просто выводят за скобки жизни, заселяя Дальний Восток по принципу «Каждой твари по паре».

Смешно думать, что нынешняя кредитная банковская система может путём кредитования помочь что-то создать, кроме как в очередной раз обогатить сами банки, день за днём увеличивая потребительские цены и разгоняя инфляцию. Создание преференций для каких-то приезжих «инвесторов» и создание им сегрегативного преимущества перед коренным населением, ограничивает возможности последних, и это при том, что своего сырья в Хабаровском крае вырабатывает к переработке всего 1,5 %! Остальное

привозное! При таком импортозамещении даже не знаешь, чего хочется больше: потрясений или созидания. Больно смотреть, как чиновничья рать пыжится создать для себя бесппроблемную жизнь и покой за счёт налогоплательщика, того самого коренного жителя, раздавая землю и преференции приезжим варягам и ничуть не беспокоясь о коренном населении.

Управление Дальним Востоком по принципу оккупированной территории с привлечением «эффективных менеджеров» ничем хорошим не закончится – никак не хотят «менеджеры» обратиться к положительному опыту наших предков, сохранивших и приумноживших земли и богатства государства Российского.

Видно, не в коня корм...

Казачество. Служба или лохотрон?

Интенсивное освоение Дальнего Востока (ранее входил в Восточную Сибирь) в основном началось с Амурских сплавов забайкальских казаков Второй конной бригады, сформировавших к 1 июня 1856 г. Амурскую казачью бригаду. Амурские казаки исправно несли воинскую службу, как сейчас модно говорить «государеву службу», «государев казак».

Чем же занимались эти служивые люди в свободное от службы время? Ждали бюджетных денег, прозябали на чиновничьей или были заняты каким-то иным, ныне неизвестным промыслом или ремеслом, мы и попытаемся узнать в ходе прочтения этой статьи.

Как известно, всем переселенцам выделялся земельный надел из среднего расчёта 100 десятин земли на одного человека. Надел выдавался один раз в жизни, исходя из этого, наибольшее количество крестьян и казаков относилось к земле очень бережно, боясь истощить земельный надел, что могло привести к значительному снижению урожайности. Но были и случаи, когда земельные наделы по свидетельству агронома Н. Крюкова «представляли из себя истреблённые дочиста леса и истощённую почву, заросшую таким бурьяном, с которым спра-

виться труднее, чем с дикой целиной. Новому поселенцу жутко в таких местах, да и заманить его сюда трудно».

Для нерадивых хозяев в Приморском крае было введено в действие Высочайше утверждённое 12 апреля 1897 года положение о том, что переселенцы, самовольно покинувшие отведённые им земли, не имеют права на наделение их другими свободными землями. Конечно, не на всех землях можно было закрепиться, если земельные наделы были затопленными, отводились под строительство, заболоченными или при разработке оказывались непригодными для земледелия. Примером этому явились наделы Удско-Николаевской округи, где возделывать землю было несравнимо убыточно по сравнению с занятием рыбным промыслом и охотой. Из-за такого разнообразия местности и способов использования земельных наделов, было решено вводить разную оброчную пошлину на основании собранных хозяйственно-статистических сведений. Брался в расчёт и состав лесонасаждений на отведённых угодьях, ведь в некоторых местах под пашню приходилось вырубать лес, значительно превышающий потребности хозяев для постройки и других хозяйствен-

ных нужд. Были выработаны правила, по которым помимо удовлетворения своих нужд, местному крестьянству и казачеству разрешалась продажа излишек леса, но только с отведённых под сельскохозяйственные угодья наделов, предназначенных для расчистки. Каждый хозяин имел право продать лес со своего участка по выгодной ему цене. В общественную казну полагалось сдать деньги в том случае, если общественный сход выделит лесную деляну (участок) под строительство дома. За заготовкой леса и расчисткой лесных участков устанавливался полицейский надзор, во избежание случаев продажи леса под предлогом расчистки или из специального лесного надела категорически запрещались сплошные рубки леса под предлогом расчистки или в целях сбыта (как это напоминает сегодняшнее лесохозяйствование, оставляющее в спекулятивных целях огромные пустоши).

Не понятно, почему сегодня не учат величайшей пользе леса для сельского хозяйства и как защитные полосы, и как материал, и как осушительные полосы в мелиорации и укреплении оврагов и крутых склонов рек.

К примеру, процветающий ныне район Шмаковки, ранее был сплошь заболочен и с 1896 года начались работы по осушению и исследованы грунтовые и почвенные условия местности. Главной причиной заболачивания почвы явилось заиливание рек, их омельение и как следствие – слабое течение, не успевающее уносить талые воды. Это является проблемой и сегодняшнего дня. Углубление и расчистка рек, насаждение лесополос для управления, наполнения и сброса весенних вод, были главными задачами, на которые государство выделяло значительные средства.

В ходе переселения, образование посёлков производилось в местах с близкими путями сообщения, но с учётом заселения всех районных земель.

Так, согласно инструкции от 1 мая 1896 года, специально для таёжных исследований и их последующего заселения устанавливались внешние границы районов для их вольного заселения на льгот-

ных условиях, и желающих было довольно много. Для переселенцев скотоводов нормы отведения земельных наделов увеличивались вдвое. К нарезаемым наделам посёлков дополнительно выделялись наделы для проезжих дорог, школ и церквей. Неудобных земель разрешалось выделять в составе наделов до десяти процентов.

В некоторых районах нарезать наделы для сельского хозяйства оказывалось невозможным, а, скажем, на побережье и на берегах рек, эти наделы использовались под выращивание овощных культур, картофеля и промыслов в охоте и рыбалке. Государству было чрезвычайно выгодно использование наделов и отдельных участков для любого промысла, ведь в суровых условиях Дальнего Востока хлеб выдерживал не всегда и любые промыслы поощрялись. Казаки и крестьяне использовали все возможности для работы и извлечения прибыли, а государство шло им навстречу, предоставляя льготы и всеразличную помощь в приобретении сельхозмашин и сельхозинвентаря. В те времена людям деньги давали за работу, а не за взятие неведомых обязательств и вхождение в реестр.

В поселениях развивалось образование, каждая община старалась иметь свою школу. Здесь величайшим подспорьем в системе образования явилась практика народных учителей, в основе своей принадлежавших к духовному или крестьянскому сословию, то есть тем людям, которым по природе своей было не чуждо проживание в посёлках и станицах.

Приспособленные к крестьянскому труду, они быстро обживались на новых местах, благо по решению Приморского военного губернатора, к каждой сельской школе отводились по две десятины под постройки и огороды, а сверх того выдавались полевые участки удобной земли до ста десятин для использования в сельскохозяйственных надобностях.

Школьные участки освобождались от земельных налогов. В то время, как оказывалась помощь переселенцам крестьянского сословия и их быт благодаря льго-

там и вниманию государства постепенно налаживался, прибывающим на границы с Китаем казакам достались более сложные задачи и тяжёлое обустройство. Начавшие переселение в 1857 году казаки до 22 мая 1879 года практически не получали льгот и только Высочайше утверждённое мнение Государственного совета «Об улучшении быта Амурского казачьего войска» поспособствовало выделению некоторых денежных сумм для обустройства казаков. Переселение казаков с целью заселения границы началось за год до ратификации положений Айгунского договора и за год простёрлось от станицы Покровской, которая находилась в четырёх верстах ниже слияния Шилки и Аргуни, до поста Хабаровки, образовав 67 станиц и посёлков, а остальные 5 000 казаков были расселены по реке Уссури от устья до озера Ханка, образовав 23 станицы и посёлка. За шесть лет, до 1862 года, было расселено 16 850 человек. Из-за недостатка денежных средств, переселение из других казачьих войск не производилось. Губительной для казачества явилась череда наводнений, когда приходилось бросать пойменные участки и начинать их разработку в лесных районах. Пограничная линия по реке Уссури охранялась очень слабо, что явилось предпосылкой для вторжения банд с китайской территории, совершавших грабежи и убийства. Впоследствии эти банды представляли серьёзную угрозу для строительства железной дороги, в силу чего в 1893–1894 годах последовало высочайшее разрешение о переселении на приграничную полосу казаков из других войск с предоставлением им денежных пособий и льгот по отбыванию повинностей: земских в течение трёх лет, станичных в течение одного года и воинской на пять лет. В результате этих мер было переселено из Донского войска 187 семей, из Оренбургского 50 семей, из Забайкальского 60 семей и введено в состав Уссурийского войска. Конечно же, такого пополнения было крайне мало и в 1896 году Особое совещание при главном управлении казачьих войск определило две задачи: обеспечение охраны Уссурийской

железной дороги и доведение до надлежащего состава Амурское и Уссурийское казачьи войска, при котором казачье население явилось бы действительной защитой границы на протяжении двух с половиной тысяч вёрст. Не менее важным было отмечено и заселение станиц Амурской области, потому как в нынешнем составе выполнение боевых задач в случае войны было невозможным. Была ещё одна немаловажная задача при заселении приграничных территорий – это переселение того крестьянского населения, которое хотя бы имело представление о существующем казачьем укладе, обычаях и традициях казаков. Необходимость такого переселения была крайне важна: заселить огромные территории Дальнего Востока казаками из других казачьих войск не представлялось возможным.

В 1898 году для определения свободных земель для переселенцев в Амурское и Уссурийское казачьи войска, на их территорию был командирован полковник Миллюшин. В результате исследования было решено переселить в Амурское войско девятьсот семей, что позволит содержать в военное время восемнадцать сотен, а в мирное шесть.

В Уссурийское войско можно было без затруднений переселить девятьсот двадцать пять семей, что могло позволить выставить полк четырёхсотенного состава в мирное время и три таких же в военное время.

В Амурском войске в мирное время один полк шестисотенного состава и три полка в военное время. Эту задачу, путём переселения казаков из Донского, Оренбургского, Уральского и Кубанского войск, предполагалось провести в течение пяти лет, считая с 1899 года.

Уже при переселении представители этих казачьих войск высказали недовольство климатом Приамурья, особенно недовольны были переселенцы из Донского войска. Именно поэтому наиболее надёжными переселенцами оказались малороссы из западных областей, они-то и составили основную часть переселенцев на приграничные территории. Для более ус-

пешного и правильного заселения территорий казачьих войск, необходимо было определить постоянную юридическую границу, разделяющую казачьи территории с имеющимися на ней реками, лесами, угодьями, кроме мест, определённых особыми правилами для добычи ценных минералов и золота.

Временные границы казачьих земель были установлены генерал-губернатором Духовским, который объяснял, что сделанное им распоряжение было потребностями чисто административного характера. Юридического деления земель Амурского и Уссурийского казачьих войск не производилось!

Для разработки и определения границ казачьих войск были составлены проекты земель казачьих войск, а закрепление этих земель за казачьими общинами, крестьянскими и казёнными землями. Межевые работы производились согласно Высочайше утверждённого 26 апреля 1892 года положения военного Совета, землемерами межевого отделения, состоящего при Забайкальском хозяйственном правлении.

Отдельных учреждений для обмежевания запасных войсковых земель не было и эти работы выполнялись ограниченным количеством командированных из забайкальского межевого отделения – в Амурском казачьем войске два землемера, в Уссурийском – один. Были отмежеваны наделы казаков, а вот наделы штаб и обер-офицеров, а также чиновникам не проводились. По сути работы носили предварительный характер, так как войсковое правление Забайкальского казачьего войска не считало возможным вмешиваться в дела неподведомственных ему Амурского и Уссурийского казачьего войска, а потому никакого формального межевания произведено не было, как не было и попыток к установлению надлежащей внешней границы и общего размера казачьей территории.

Наказным Атаманам Амурского и Уссурийского казачьих войск последовало предложение о создании своих меже-

вых партий, а также атаманам представить свои соображения, руководствуясь действующим законом от 21 апреля 1869 года №46996 полного собрания сочинений, устанавливающего определённые правила по наделению землёй казачьего населения и внутреннему распределению войсковых земель. Подменные межевые документы отсылать в архив межевой канцелярии с препровождением описей отосланных документов в главное управление казачьих войск. Это была сложная работа, ведь при межевании необходимо было учитывать и интересы инородческого населения, которое подразделялось на оседлых, кочевых и бродячих. Нужно было учитывать не только их национальные общины, но и профессиональные промыслы и угодья для этого, ведь все они платили налоги (ясак) и были подданными Российской Империи.

Из всех перечисленных мероприятий по межеванию и делению земли, можно сделать один вывод: все без исключения люди на далёкой окраине Российской Империи, были нужными и неотъемлемыми звеньями – участниками освоения Дальнего Востока. При том слабом развитии технологий и машиностроения, всем находилась ниша для труда во благо государства Российского, чего мы при всём своём желании, не можем увидеть сегодня. Даже в те нелёгкие времена, крестьяне и казачество смогли обеспечить хлебом далёкую окраину, к примеру, сегодня Хабаровский край использует всего полтора процента своих ресурсов в снабжении края, остальное ввозится из-за границы, отмывая при этом миллионы долларов для чиновничьей братии и попытки амурских казаков на возрождение традиционного земледелия рассматривается едва ли не как попытка разрушения государственного строя. Казачество, ни как воинское сословие, ни как этнонациональное образование, да и, пожалуй, как граждане РФ, стали не нужны стае махинаторов, громко орущих про развитие Дальнего Востока, но плотно залёгших на пути этого самого развития.

Казачество. Как заболтали казачье возрождение

Сегодня только ленивый не высказывался на тему возрождения Российского казачества. Огромное количество болтунов, непонятно из каких щелей повывлезавшие и говорящие на первый взгляд правильные слова, уже умудрились создать несколько доктрин разновекторного развития Российского казачества – от чисто шовинистического до глобалистки толерантного. Недавно увидел фото, стоявших рядом в храме на службе столь разных людей, что сначала в голове вспыхнула мысль: - «насколько разумна природа – змеи живут в клубке». Ну вот как они находят друг друга? По запаху, что ли? Под видом казаков, заметьте – нет на фото ни одного родового казака, стоят бывшие партработники, руководители РНЕ, язычники, бывшие полицаи и ещё не понять кто с фамилиями из справочника «Еврейские фамилии. Происхождение». Казалось бы, стоят себе и пусть стоят, но только как воспринимать это, если стоят они в Православном храме, усиленно и невпопад крестятся и непонятно для чего они кривляются, ведь нет среди них верующих, а половина и вовсе не крещёная? Может они там душевный срок заключения отбывают, ведь подкинули им такой догмат: - «Не Православный, не казак», вот и рядятся юродивые под православных? В народе говорят «косят».

А ещё эти люди во всеуслышание называют себя атаманами, то есть по казачьей клятве – «отцами». По своей сути это управители, руководители каких-то казачьих звеньев, в которых, как бы не хотели казаки проявить инициативу или начать какое-то дело, все их начинания попадают под неусыпное око этих, не казачьего происхождения «отцов» и уводятся в болотину современного бытия, без учёта казачьих традиций. Да и откуда им взяться, если у казачьей власти нет казаков, как нет и заказа на казачью общинность и соблюдения обычаев и традиций казачества.

В нашем случае рейдерский захват амурского казачества принёс не единение территорий и казаков, а внёс наибольший разлад. Амурское войско создано по типу

Донского, а Уссурийское по типу Кубанского. Вы видели, как проходят встречи на Кругах в Москве представителей этих двух войск – это обязательная драка. Так с какого, извините меня, будуна, вдруг решили, что разные по устройству, культуре и менталитету казачьи войска могут слиться в одно целое? Да ещё при наличии островных и поморских казаков, менталитет которых и жизненное обустройство никак не сравнимы с приморскими или приамурскими. Слишком огромные территории разделяют эти казачьи структуры и уже больше двадцати лет мы не видим согласия в Уссурийском казачьем войске.

Казалось бы, нужно собраться за одним столом, выслушать всех и возможно для лучшего управления по принципу создания православных метрополий для более совершенного управления, стоило опять предоставить историческую самостоятельность Якутскому казачьему полку и «Поморскому» казачьему образованию в виде трёх субъектов РФ – Камчатка, Магадан, Чукотка.

То, что мы имеем сегодня, физически не объехать войсковому атаману за свой выборный срок. Более того, нарушено историческое представительство дальневосточных казаков в Москве, вместо пяти представителей едет один. И кто же его будет слушать? Впятером легче сломать черту невосприятия казачества Дальнего Востока, легче донести чистоту намерений отдельных территорий, а не отделяться общими фразами и наконец-то прекратить этот бред про реестровое служение и реально начать проработку казачьих проектов с учётом того, что основное казачье население проживает в казачьих станицах и посёлках, а не ходит строем по асфальту в поисках незаконных торговцев семечками или следит за соблюдением правопорядка. Да и зачем это полиции, если в РФ едва ли не самый мощный полицейский аппарат?

«Асфальтовое казачество» село и вовсе забросило, говорят там нет рабочих мест и село умирает. А кто пытался разобраться в причинах этого умирания? Ведь действительно было время, когда в целях

преступной «оптимизации» угробили не только дворовый спорт, который всегда объединял мальчишек в единое целое, но и разом позакрывали почты, медпункты, а зачастую и школы. И помнится, как до сих пор здравствующая начальствующая погань делала это наперегонки – кто вперёд отчитается, тот и пан. Потом эти «паны» скинули с баланса ЖКХ, отдав его под разорение своим родственникам и знакомым, и закончили тем, что очистили поселковый баланс от прилегающих земель и остались с десятком мятых листов бумаги с распечатанным федеральным законом «о местном самоуправлении».

Вот это и было оставшейся сельской мощью. Даже детей своих побыстрее сбагрили (не могу это назвать другим словом) в города, где многие из них, не имея прописки, не были призваны в армию, не смогли найти постоянной работы. И деревенские крепкие парни – цвет и будущее нации, нашли своё место в красиво преподанном братстве ОПГ «Общак», и лежат многие из них в ровных кладбищенских рядах, постоянно пополняемых в городских разборках. Страшно смотреть на эти могильные таблички – там годы жизни в среднем 17-20 лет. Им жить бы, да жить. А «оптимизаторы» живут и здравствуют.

А тем временем страна загудела от нового слова «инвестиция», слово поганое по звучанию, но тем и привлекательно. Голое село всполошилось – нам бы инвестиции. Подождите, «господа», а сейчас все стали господами. Чем больше зад просвечивает от ветхости штанов, тем больше господин, инвестиции – это деньги, а деньги – это товар. Сейчас деньги не дают, деньги продают, то есть кредитуют хитрозадые банки под залоговое имущество, а его нет. Его оптимизировали.

И опять село в печали, ведь если брать «инвестиции» - это только через банк, проценты которому нужно отдавать сразу, то есть при хорошем раскладе, корове нужно сразу родиться с восемью сиськами, иначе к чему процент банковский прикрутить? Вот и чахнет село, а

банки пухнут. Решение этого вопроса до безобразия простое: вернуть имущество сельских поселений и дать беспроцентные кредиты под контроль сельских (казачьих) общин.

Я недаром рассказывал так долго о льготных методиках переселения в царское время, в гораздо более трудных условиях, но состоявшееся благодаря заботе государства. И тогда не будет угрозы повального голода и вымирания в условиях форс-мажора, когда край обеспечивает всего полтора процента производства своего сырья. Долгосрочные контракты околугубернаторской братии, получающих откаты за поставки товаров из-за границы, не дают развиваться местному производителю, ведь зачастую откаты больше, чем стоимость местной продукции, но это неучтённые карманные деньги. А над производителем всей своей махиной нависает банк, коллекторы, судьи, полиция и инспекторы всех мастей и направлений. Общество созидателей неотвратимо загнали в общество потребителей. Народ деградирует и бежит из села. Во многих сёлах Приамурья осталось до 10% населения, такого не было даже в Великую Отечественную войну.

Всё чаще звучат голоса о желании к возврату сильной правительственной руки, а-ля Иосиф Виссарионович Сталин. К этому всегда приходят, когда общество не может консолидироваться, не видит общих задач и подвергается тотальному ограблению. Даже если есть какие-то государственные программы развития на их выполнение финансирование дают через банки. Скажите, а при чём здесь частный банк при выполнении государственной программы?

Почему частник имеет право ободрать и рекетировать работу исполнителя госзаказа? Или там господа настолько завязались и погрязли в мошеннических схемах, что совсем попутали где свой карман и где государев? А может им разрешили так себя вести, иначе откуда такая безнаказанность? Тогда и банки нужно обложить процентной данью за пользование народными деньгами. Важно то, что во многом из-за усердия паразити-

рующей системы, надежды на идеальную жизнь остаются надеждами, при реальной возможности улучшения жизни.

Бесконечно идиотские чиновничьи инициативы уничтожили не только село, они день за днём подрывают веру граждан РФ в руководство страны и это красочно показывают социальные опросы: - 40 % молодёжи желают выехать за границу. Это больше, чем в Украине. Остановить такие нездоровые настроения можно только при общности интересов и патриотическом воспитании. Казалось бы, ну что может быть лучше казачьей общины с её многовековыми традициями, но и здесь мы натываемся на беспредел государственных органов, убивающих казачье единение и общинность, разделив их на реестровых и общественных, белых и красных.

Мне приходилось встречаться с министром сельского хозяйства Хабаровского края (теперь уже бывшего) по программе «Агрогородки для соотечественников» и первое, что спросил меня сей высокопоставленный муж: - «А вы в реестре?».

Скажите, какая разница картошке, кто её в землю посадит? Или реестр, это какие-то особенные люди из сказки, сделанные из драгоценных сплавов?

А может самые лучшие работники или хранители казачьих обычаев?

Как раз наоборот, никогда и нигде я не видел столько дерьма и бестолковых людей, собравшихся получать деньги за работу в казачестве. Плевать им на наши традиции и обычаи, им бы денег на халяву. А как раз сейчас есть единственный шанс на воссоздание казачества и казачьих промыслов, это привлечение людей, способных профессионально и грамотно заняться этим воссозданием, промоделировать ситуацию, определить конкретные цели и задачи, просчитать риски и средства обеспечения.

Главное, конечно, это люди и здесь деление казаков по социальному признаку неуместно и преступно, определять, кто нужен, а кто не нужен предполагали только идеологи Гитлера и все знают, как они закончили свой путь. Единство об-

щества, а не его разъединение, как никогда сегодня нужно нашей стране. Пора перестать использовать бренд «казаки» всеми, кто по роду своему не имеет отношения к казачеству, вообще какой нелюдь придумал эту формулировку: - «Казак может стать каждый гражданин РФ...»? А где был этот «каждый», когда казаков целыми станицами ставили под пулемёты?

Законы о казачестве принимают без учёта мнения рядовых казаков, а споры и распри на памяти казаков – это искусственно созданный блудняк для ухода от созданных жизнью, обычаев и традиций казачества. Без всякого сомнения, идущее разделение общества для России обернётся трагедией национального масштаба, а всё более повышающаяся озлобленность населения может привести к необратимому столкновению народов России. Казачий реестр – это большой котёл для выращивания злобы и ненависти между казаками. Создаётся такое впечатление, что власть сама провоцирует майдан, вот только для чего? Чтобы кровью замазать трещины расползающейся экономики и потом обвинить во всех бедах очередного стрелочника? Ведь всем понятно, что такая обстановка не может появиться спонтанно, это рукотворный процесс и если общество не процветает, всегда ищут крайних, только ищут зачастую не в том месте.

К сожалению, многие казаки уже не ждуют тех свершений, для которых собиралось казачество в 1990 году, а ведь это их государство и жизнь не только для зажавшегося бюрократа и его тёлки с «признаками успешности» - губами как у молодого жеребца, но и наша жизнь. Как много накопилось и как много хотелось бы сказать, боюсь только, что слова мои больше падают в пустоту бездуховности и безнравственности, где гражданин Великой многонациональной державы, чувствует себя в ней чужим. А как важна для человека принадлежность к сообществу, к своей исторической памяти и почитанию предков, ведь недаром потомственные казаки считают себя братьями. Сегодня мы видим не братство, а беготню из

общины в общину в поисках куска пожирнее, не удел казака. Нарушен сам смысл закона о реабилитации Российского казачества: «воссоздать ранее исторически существовавшие до незаконных репрессий 1919 года войсковые казачьи общества в их исторических границах, с их сохранившимися историческими названиями». И как раз реестр сегодня является парадигмой предательства традиций и обычаев казачества. Для амурских каза-

ков, войско которых было тупо понуждено к уничтожению в угоду начальствующему главноку региона. Куда смотрел главнокомандующий, наверное, в этот момент запоминал цифры очередного счёта. Как хотелось бы ему напомнить последнюю главу «Положение об Амурском казачьем войске»: - «Лица, единожды вступившие в Амурское казачье войско, остаются в нём пожизненно, с семейством своим».

На том стоим и стоять будем!

Последние новости Амурского казачьего войска

Административная дурь или вредительство?

9 июня 2024 года по инициативе амурских казаков в г. Хабаровске планировался фестиваль «Хабаровский край – наш дом», с участием ансамблей художественной самодеятельности всех народностей, проживающих на территории края: татар, азербайджанцев, украинцев и коренных народов Севера. Торговые ряды предоставлялись по договорённости с руководителями вышеназванных диаспор. Была проведена большая предварительная организационная работа с людьми разных национальностей для проведения общего объединяющего всех праздника.

Председатель комитета по внутренней политике правительства Хабаровского края господин Ивагин своим волевым и необоснованным решением запретил фестиваль.

Видно не всем бюрократам во власти нравится лозунг «В единстве наша сила!». Больше по душе «Разделяй - и властвуй!». И чем дальше от столицы России, тем дурь (или нечто иное) у чинуш крепче.

Реклама

27 июля 2024 года в Томске состоится традиционный межрегиональный фестиваль казачьей культуры «БРАТИНА»

Справки по телефонам: 8(38251) – 2-17-90, 2-10-60 [ok.ru>group54492655648769/product/154985687188225](https://ok.ru/group54492655648769/product/154985687188225)
Приглашаем 27 июля (суббота) на межрегиональный праздник-фестиваль казачьей культуры "БРАТИНА", который традиционно проводится в летний период в с. Кривошеино.

Древнейшая русская надпись. Как была развенчана «норманнская теория» происхождения Руси. Раритетный очерк из старого журнала

<https://dzen.ru/a/ZkO90wmAXxvM2n2F>

В 1949 году в районе Смоленска, в одном из захоронений Гнездовского городища был найден глиняный горшок типа греческой амфоры (корчаги) первой половины X века. На этом горшке была нацарапана кириллическая надпись на русском языке «гороухица», расшифровка которой, несмотря на простоту, по сей день вовсе неоднозначна. Однако не расшифровка надписи тут главная, а то, на каком языке она была сделана. А этот язык свидетельствует о том, что никакие норманны Древнерусское государство не создавали, в противном случае надпись на горшке была бы выполнена скандинавскими рунами. Этот момент подробно рассмотрен в тексте, размещенном ниже, там же я опубликовал и раритетный очерк «Древнейшая русская надпись» из старого советского журнала «Наука и жизнь» за 1950 год, который описывает эту находку и ее значение.

По идее авторов "норманнской теории" именно так выглядел создатели Древнерусского государства

КРАТКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КАНАЛА

В древней истории Руси-России столько загадок, что все труды, которые на эту тему появляются, следовало бы неизменно помещать в рубрику «Антология таинственных случаев», а не составлять из всех известных сведений учебники истории, ну, разве что для школьников, большинству которых история Отечества вообще неинтересна. И историю Руси не могут прояснить даже археологи, которые, не имея привязки к рукописным источникам, начинают гадать на своих находках, потому что «кабинетные» историки никаких подсказок им дать не могут.

Я, конечно, не хочу сказать, что наши исторические академики и их научные советники занимаются фантазиями, но, как ни крути, а изучать историю по неизвестно откуда взявшимся летописям — это не очень хороший метод. В Западной Европе с этим делом получше, потому что в том регионе с рукописными источниками в силу определенных причин дело обстояло гораздо лучше.

Также прекрасно обстояло дело с источниками и в других центрах цивилизации — Египте, в Индии, Китае, на Ближнем Востоке (Месопотамии). Правда, китайцы с некоторых пор научились пре-

красно сами сочинять свою историю, компенсируя собственное бессилие в технических науках, потому совершенно не ясно, какие источники, по которым сегодня весь мир изучает древнюю китайскую историю, подлинны, а какие были произведены в XVII веке, когда за переписывание древних талмудов взялись монгольские правители китайской династии Цин.

Да, монголам, захватившим тогда Китай, историю нужно было переписать обязательно, чтобы обеспечить легитимность своего правления в веках. А так как из монголов историки, честно говоря, никакие, то им в этом посильно помогли супер-образованные по тем временам европейские монахи-иезуиты, которым за их труды было подарено право обращать в христианство китайское население.

Призвание варягов. Миниатюры из Радзивилловской летописи, конец XV века

Сами понимаете – такое право за всякие мелочи никто из правителей, особенно восточных, никогда не дарил. А это говорит о том, что европейцы отлично потрудились над китайской историей, и эта традиция стала буквально национальным спортом и века спустя разрослась буйным цветом. Отсюда мы и узнаём, что, оказывается, китайцы в древности изобрели всё на свете, что сегодня приписывается европейцам – начиная от механических часов и паровых турбин, и заканчивая боевыми пулеметами и ракетопланами, и даже самолетами.

Ну ладно, речь не о китайцах, а о нас. На Руси историю переписывать не додумались - даже большевики, пришедшие к власти в 1917-м, этим не занимались. Они могли только какие-то сведения в истории своего Отечества скрыть, какие-то – приукрасить или очернить, но ничего нового они в этой теме не изобрели. Им досталось огромное рукописное и печатное наследие, которое они разделили на две части - это летописи по истории Руси, и гораздо более конкретные документы по истории России. Вторая часть, которая могла бы рассказать об истории классового расслоения общества, их интересо-

вала больше, а первую, как неинтересную в плане классовой борьбы, они отдали на усмотрение историков.

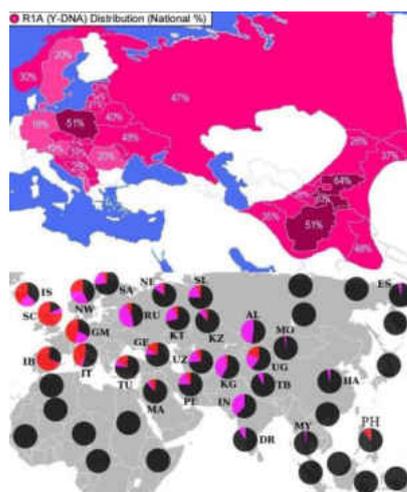
Вот историки и принялись эту тему разрабатывать, попутно привлекая археологов. И что мы видим?

А мы видим, что спор о норманнской и славянской истории возникновения русского общества, начавшийся ещё во времена Михайлы Ломоносова, так и не закончен. «Кабинетные» историки, которые любят верить древним летописям, до сих пор твердят о том, что русские – потомки викингов как минимум с IX века, а археологи, которые любят верить своим глазам, постоянно твердят о славянской гегемонии на территории Руси ещё задолго до того, как Скандинавия вообще была заселена.

И, что самое странное, то обе теории так сильно переплелись, что совершенно

непонятно, кто от кого произошёл – русичи от викингов, или викинги от русичей?

Нет, путать скандинавскую культуру с культурой славянской не следует – это две разные культуры, но при этом следует учитывать факт, что славяне и скандинавы, судя по генетической экспертизе, имеют много общего, например, по наличию в крови гаплогруппы R1a. А, как известно, носители этой гаплогруппы произошли откуда-то с просторов Южной Азии, то есть, все они потомственные индо-иранцы. Таким образом, из всех европейских народов из Индии и Ирана вышли только славяне и германцы, а так как скандинавы – это те же германцы, значит и вышли они из одного корня со славянами.

Вверху - карта распространения гаплогруппы R1a с примерным процентным содержанием, внизу - карта с распределением R1a (фиолетовый) и R1b (красный)

Только вот когда произошло это разделение, и при каких обстоятельствах?

Короче, не хочу нагнетать расовые теории, а хочу возвратиться к культурному различию родственных этносов.

Известно, что через 500 лет после окончательного развала Древнеримской Империи на востоке Европы стала образовываться новая империя – Древнерусская, которая в итоге станет самой большой в мире, и конца ей не видно даже сегодня.

Но в IX столетии на Среднерусской равнине если и существовала какая-то

империя, то только этническая – славянская. По этому признаку и начало формироваться Древнерусское государство, но вот кроме славян в его создании участвовали и их индоиранские родственники – скандинавы. При этом у обеих этнических групп было столько общего, помимо гаплогруппы R1a, что никого сегодня не удивляет, что при раскопках древних славянских городов больше всего (кроме славянских) находят следов именно скандинавов, а не других ближайших соседей тогдашней Руси – греков, хазар, болгар, угро-финнов, даже тех германцев,

которых сегодня принято называть немцами. викингами), вполне себе прекрасно жили среди славян на занимаемой последними территории (Среднерусская равнина), и это как бы подтверждают совершенно все археологические источники.

Возникает вопрос – а почему славяне так же массово не жили на территории занимаемой скандинавами, то есть, в Скандинавии? Почему не переселялись к ним на ПМЖ?

А зачем славянам жить там, где жить очень трудно? Ведь не зря же викинги не старались обустроить свою суровую родину, а только строили корабли и постоянно присматривались к другим, более комфортным землям. Поэтому неудивительно, что скандинавы предпочитали жить среди славян, а не наоборот. При этом они, несмотря на значительную массу скандинавов среди славян, предпочитали не ассимилировать их среди себя, а ассимилироваться сами. То есть, они при-

То есть, скандинавы в лице норманнов (многие историки не разделяют их с ними и славянский язык, и славянскую письменность, и всё остальное.

Об этом хотя бы косвенно, но может служить одна находка, которую сделали советские археологи ещё во времена Сталина – в 1949 году в районе Смоленска (Гнездовское городище). Тогда в одном из захоронений был найден горшок в виде амфоры с ручками (корчага), с надписью «**гороухша**», сделанной кириллицей. Надпись эту расшифровали, но в самых разных вариантах – одни историки утверждают, что это слово «**горох**», другие – что «**горчица**», третьи – что это имя усопшего «**Горыныч**».

Одно известно наверняка – это надпись кириллическая, а так как горшок этот был найден в захоронении первой четверти X века (как раз при жизни киевского князя Игоря, сына Рюрика), то становится ясно, что уже в то время у славян была своя письменность, а не какая-то чужая.

В центре карты мы видим Гнездово

А самое интересное тут заключается в том, что до середины X века в районе Смоленска, судя по результатам более поздних, но уже гораздо более масштабных археологических исследований, лиц скандинавского происхождения жило очень мало. Например, среди более 1000 захоронений того периода останки скандинавов и скандинавские вещи были обнаружены всего в 50 с лишним могилах, а это всего 5%. Маловато что-то для «норманнской теории».

Для сравнения – со второй половины этого же века число скандинавов в районе Смоленска (судя по найденным погребениям) составляло уже более 25%, но к середине XI столетия число их постепенно уменьшается. А это говорит о том, что скандинавы перестали массово прибывать на Русь, а те, что остались (а чего им уходить?) – быстро ассимилировались среди славян.

В этом плане становится понятно, что кириллица получила своё распростра-

нение на Руси ещё до того, как в страну во второй половине X века массово (относительно массово, конечно) начали прибывать варяги. Принадлежность русских персонажей IX – начала X веков – самого Рюрика, князей Олега и Игоря, а также княгини Ольги к скандинавам не доказана. Даже их скандинавские имена ни о чём не говорят, потому что в то же время на Руси были широко распространены не только скандинавские имена, но и греческие, и еврейские, и немецкие, и даже персидские (например, Кирилл и Дарья).

Таким образом, понимаем, что «норманнская теория» происхождения русской нации не доказывается совершенно ничем. Судя по всем археологическим источникам, скандинавы (они же варяги) не принесли на Русь ничего своего, кроме всяких вещей, которые находятся в больших количествах археологических раскопок. В культурном плане мы скандинавам не обязаны совершенно ничем – ни языком, ни письменностью, ни обычаями, ни религией. Варяги пришли на Русь и растворились в ней без всякого следа, разве что оставили множество музейных редкостей в виде оружия и украшений.

Да, растворились именно без следа, а раз так, то рассказы о том, что Рюрик со своими гипотетическими братьями Трувором и Синеусом был скандинавом, можно считать несостоятельными. Если бы эти «призванные на княжение» были иностранцами, то с ним на Русь хлынуло бы просто огромное число скандинавских варягов, но таких в русской земле в период с середины IX до середины X века было поистине мизерное количество (около 5% судя по смоленским раскопкам).

А до 25% этих самых скандинавов набралось уже во времена княжения князя Игоря и его матери княгини Ольги, а потом и их сына Святослава. Для походов на Византию им просто пришлось набрать в русское войско наёмников из числа варягов, то есть викингов, которые в те времена показали себя самыми лучшими воинами.

Однако этот рекрутинг иностранцев довольно быстро закончился, и после разгрома Святославом Хазарского каганата и заключения с Византией более прибыльных торговых договоров надобность в ландскнехтах отпала. Например, князь Владимир (Креститель) для подавления антихристианских восстаний в Новгороде успешно справлялся без наемников, а чтобы усмирить болгарского царя Мумина, он просто взял да и женился на его дочери – и даже воевать Казань не потребовалось.

Итог – никакие норманны (скандинавы, викинги) не являлись основателями Древнерусского государства и никак не влияли на его культуру. Ну, это я уже повторяюсь, но повторение – мать учения (с). Можно было бы расправиться с «норманнской версией» более жестоко, но я не хочу этого делать. Кто правильно понимает исторические процессы, тому особо пояснять ничего не надо. Поэтому в заключение я хочу представить своим читателям сугубо раритетный материал о том, как была найдена древнейшая русская надпись на глиняном горшке, и к каким открытиям эта находка привела.

Очерк об этом появился в старом советском журнале «Знание – сила» за 1950 год, и хотя он очень короткий, но, думаю, многим любителям отечественной истории он понравится.

Заголовок очерка Г. Градова "Древнейшая русская надпись"
Журнал «Знание – сила», 1950 г., №12

ДРЕВНЕЙШАЯ РУССКАЯ НАДПИСЬ

Автор: Г. Градов

Кандидат исторических наук Даниил Антонович Авдусин в течение двух лет производит раскопки величайшей мире курганной группы в деревне Гнездово близ Смоленска. Раскопки гнездовских курганов производились неоднократно и уже дали многочисленный материал по истории раннего периода Киевской Руси.

Количество курганов в Гнездове исчисляется тысячами, вскрыто более 650 курганов, однако Гнездово до сих пор не может считаться полностью исследованным.

Громадное большинство гнездовских курганов относится к X веку. Встречаются курганы IX века, самые же поздние датируются первыми двумя десятилетиями XI века. Основные находки в Гнездове - предметы вооружения и быта: мечи, копья, кольчуги, шлемы, ножи, монеты арабские и византийские, различные украшения, глиняные горшки. Большинство вещей - местного славянского происхождения.

Обложка журнала «Знание – сила», 1950 г., №12, в котором был опубликован очерк "Древнейшая русская надпись"

Гнездовские курганы исключительно важны для изучения Киевской Руси. Их славянский инвентарь позволяет решительно отвергнуть так называемую норманнскую теорию о значении варягов в древней Руси, согласно которой славяне обязаны своей культурой норманнам.

Важнейшей находкой Д. А. Авдусина было открытие в 1949 году небольшого глиняного горшка со славянской надписью X века. Эта надпись может считаться древнейшим памятником русской письменности; известные до настоящего времени, дошедшие до нас в подлинном виде русские надписи сохранились только от XI века.

В беседе с нашим сотрудником член-корреспондент Академии наук СССР Михаил Николаевич Тихомиров сообщил.

В беседе с нашим сотрудником член-корреспондент Академии наук СССР Михаил Николаевич Тихомиров сообщил.

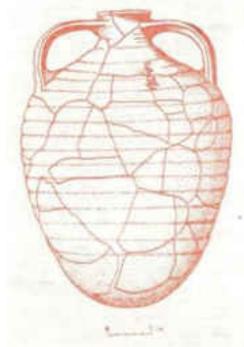

Две страницы очерка "Древнейшая русская надпись"

Прежде всего, надо сказать, что представляет собой найденный сосуд. В склеенном виде он имеет форму амфоры с узким горлом, с двумя ручками и круглым дном. Сосуд из глины без грубых примесей сделан на гончарном круге и хорошо обожжен. По качеству изготовления этот сосуд принадлежит к числу лучших сосудов, найденных в Гнездове в 1949 году. Горшок с надписью был обнаружен в разбитом виде; вероятно, он был умышленно расколот при похоронах, так как по обычаям того времени на могиле разбивались лучшие сосуды. Подобные

сосуды древней Руси носили название корчаг.

На корчаге обнаружена надпись, сделанная уже по обожженной поверхности около горла. Вещи и монеты, найденные в кургане вместе с сосудом, относятся к началу X века. Следовательно, к этому времени должна относиться и надпись на сосуде. Эта надпись состоит всего лишь из одного слова, которое ясно разбирается и может быть прочтено как слово «**гороухца**». Так как сочетание «оу» произошло в древнерусском языке, как «у», то это слово надо читать «гороухца».

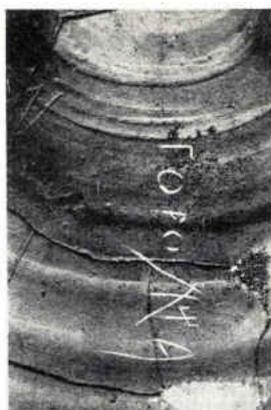

Рисунок из журнала. Корчага с надписью "гороухца"

Было произведено сравнение начертания букв гнездовской надписи с начертанием других надписей, относящихся к тому же времени, а таких известно очень немного. Наибольшее значение имеет сравнение гнездовской надписи с болгарскими памятниками X века.

Таковы надписи X века. Одна из них найдена в древней болгарской столице Преславе, другая - надпись болгарского царя Самуила, сделанная в 993 году, - в Македонии близ озера Преспы.

Начертания букв в болгарских и гнездовской надписях очень близки друг к другу.

Фото из журнала

Пожалуй, самой замечательной буквой является буква «щ». Существование этой буквы в гнездовской надписи позволяет говорить определенно, что надпись

на сосуде из Гнездова была славянской, а не греческой, так как буква «щ» в греческом алфавите отсутствует и употребляется только в славянской азбуке. На

гнездовском горшке буква «щ» представлена в виде небольшого косо поставленного над строкой «ш», от которого идёт длинный хвостик прямо, продолжающий среднюю палочку «ш».

В рукописях XI века «щ» изображается обычно, как «ш», поставленная на «т», но хвостик этого соединения (лигатуры) обычно опускается ниже строки, по которой равняются остальные буквы над-

Вот так выглядит рассматриваемая в очерке надпись "гороуща"

Что же собственно означает надпись на гнездовском сосуде? Что такое «гороуща»?

В древнеславянском языке слова «гороуха» и «гороушица» обозначали горчицу или горчичное семя. Русские письменные памятники хорошо знают горчицу и «зерно гороушно» или «гороушно». В одном памятнике XII века объяснено даже, что русское «зерно гороушно» по-гречески называется «синапь». Таким образом, нет никакого сомнения, что слово «гороуща» обозначает горчицу или горчичное семя.

Может быть, под названием горчицы понималась какая-либо другая пряность, например перец. Горчица, перец и другие пряности высоко ценились в средневековой кухне как приправа к столу богачей. Поэтому в древнерусских памятниках в числе даров упоминаются, наравне с золотом, дорогими тканями и вином «овощи разноличные». Под этими овощами надо, конечно, понимать не овощи в нашем смысле слова, но дорогие приправы, например перец, ценившийся в средние века буквально на вес золота.

Таким образом, гнездовская надпись указывает на то, что в сосуде находилась какая-то дорогая приправа: горчичное семя или перец. Горшок был разбит при погребении, так как во времена языческих похорон на Руси было принято хоронить с покойником наиболее дорогие для него предметы.

Появление надписи на сосуде X века может удивлять только тех людей, которые имеют неверное представление о раз-

писи. В Гнездовской надписи буква «щ» ещё целиком стоит в строке, а хвостик её не спускается за строку вниз, как в более поздних памятниках. Перед нами прекрасное доказательство древности гнездовской надписи. Таким образом, палеографический анализ, то есть изучение внешних особенностей начертания букв, подтверждает древность надписи, найденной в Гнездове.

витии письменности в древней Руси. Раскопки советских археологов показали, что надписи на предметах обихода были в Киевской Руси явлением очень распространенным. Известны так называемые пряслицы (грузики для веретен), найденные в разных древнерусских городах (Рязань, Новгород, Киев), с надписями на них. Все они относятся к XI-XII векам. В Новгороде найден остаток деревянного локтя (мера длины, близкая к аршину) с надписью XII-XIII веков. Многочисленные надписи этого же времени покрывают стены Софийских соборов в Новгороде и Киеве. Следовательно, письменность древней Руси распространена была гораздо шире, чем это обычно думают, и проникала в круги торговцев и ремесленников.

Из всех древнерусских надписей древнейшей пока является надпись, найденная в Гнездове Д. А. Авдусиным. Это большой успех советской археологии. Гнездовская надпись показывает, что грамотность на Руси восходит, по меньшей мере, к первым десятилетиям X века. Об этом и ранее свидетельствовали договоры Олега с Византией начала X века, которые в копиях дошли до нас. Сплошь неграмотная Русь, какой её стараются представить тенденциозные зарубежные писатели, не нуждалась бы в письменных договорах.

Гнездовская находка является блестящим подтверждением, что русская письменность с самого начала была славянской. Таковы те большие научные вопро-

сы, которые решает короткая надпись из Гнездова.

Советская историческая наука, вооруженная творческой марксистско-ленин-

ской методологией, несомненно, сделает ещё много замечательных открытий по истории начального периода Киевской Руси.

КОНЕЦ ОЧЕРКА.

Мифы, гипотезы, фантастика

Средневековый потоп в Сибири, или когда в Сибири жили мамонты

<https://dzen.ru/a/ZEq9hh588WumLiFC>

По легенде, в 1581 году, когда Ермак пришёл в Сибирь, его войско встретило в дремучей тайге огромных "волосатых слонов". Посол австрийского императора Сигизмунд Герберштейн побывав в России, написал в своих "Записках о Московии": в Сибири "...имеется великое множество птиц и различных животных, каковы, например, соболи, куницы, бобры, горностаи, белки и в океане животное морж... Кроме того, Вес, точно так же белые медведи, волки, зайцы...". Речь идёт о животном, именуемом Весом. Местные жители Ермаку также говорили, что "волосатые слоны" могут быть отличным источником питания, если вдруг не окажется других промысловых животных. Можно ли объединить эти два свидетельства и думать, что "волосатый слон" и Вес - это одно животное, называемое нами мамонтом? Но о ком другом

мог написать господин австрийский посол?

А вот что пишет посланник Петра Первого, Эбергард Ибраннедес (Эверт Избрант) Идес, (в России его называли Елизарий Елизариев), отправленный из Москвы в Китай (не стоит путать с Китаем), в своём отчёте 1692 года:

"Древние сибиряки и русские верят, что мамонты и слоны одно, хотя зубы из мамонтов больше нагнуты, и против слоновых в щеках крепче, о чём следующим образом рассуждают: до потопа, они говорят, места их якобы были весьма теплые, и слонов тамо имелось множество, кои со всеми прочими тварями потопли, и плавая по воде, пока она збыла, и также такие слоны в грязях и болотах остались, а после потопа климат у них переменился, и стало быть весьма холодно и оные болоты купно з

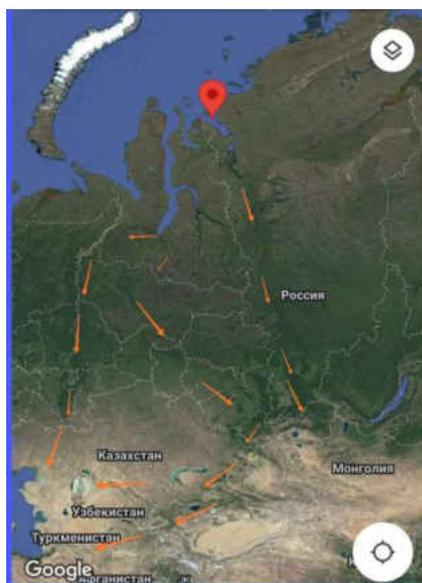
слонами замерзли; а как от вешнего воздуха растает, что наверх выходят, а мерзлость их от гнилости сохраняет..."

Источник

Вот и выходит, что в Сибири жили ещё в XVII веке люди, пережившие потоп ... Может это был не Всемирный библейский потоп, но всё-таки такой потоп, от которого пострадали огромные территории. Вот только выяснить нужно: когда он был и почему о нём нет официальной информации. И про "волосатых слонов" - тоже очень интересно! Неужели это были мамонты? А ещё интересно, всегда ли

территория Сибири была малозаселенной стороной?

Если предположить, что с Севера когда-то пришла волна-цунами и со стороны Карского моря совершила прорыв в том месте, где сейчас Обская губа, и Енисейский залив, да прокатилась по Сибири до самого Каспия (кстати, там, на Каспии, живёт и нерпа, и тюлень - совсем не южные животные, которых вполне могло занести туда в большом количестве этой же волной, и оставить их там навсегда, так как волна, по всем законам природы и физики откатилась обратно).

Так, на мой взгляд, могла пройти по Сибири мощная волна, которая достигла гор Монголии и ушла в сторону Каспия.

Предполагаю, что после этой катастрофы перестали существовать многие города Сибири, которые мы можем видеть на средневековых картах:

На карте Даниэля Келлера 1590 г. много городов и ставка Великого Хама

1590 год - это конец XVI века, а отчёт Елизария Елизариева - через 100 лет (1692 г), то есть XVII век. В это время, выходит, и случилась такая катастрофа?

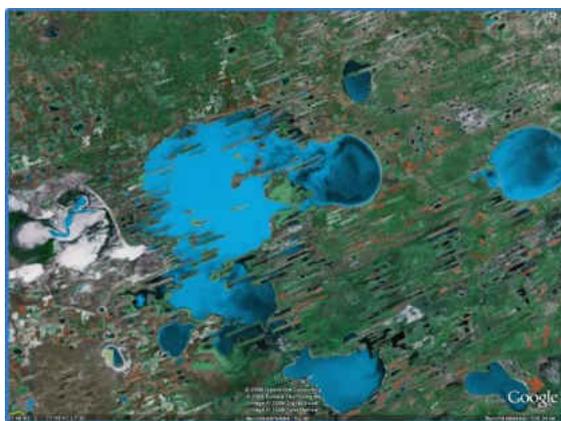
Нужны ещё факты! И тут вспоминается про ещё одно упоминание о потопе. Монах-иезуит Афанасий Кирхер в 1664 году пишет книгу "Мир подземный", где в главе 13 книги он упоминает мощное мегацунами, пришедшее с Северного Ледовитого океана, смывшее многочисленные города Тартарии и опустившее на дно её Северо-Западную часть. Последнее прекрасно видно по изменению береговой линии Северо-Восточной Сибири на средневековых картах (Баргу). Также, именно в этот потоп, пришедшая с Севера океанская вода залила огромную территорию Средней Азии, значительно повысив уровень Каспийского и Черного морей. [Источник](#)

Кирхер сообщает, что в XVII веке об этой катастрофе ещё помнили. А вот, что написано в книге Ф. Вигеля "Воспоминания", где есть описание Барабинской низменности, которую он пресекал в составе посольства, направлявшегося в Китай, в 1805 году:

"Надобно сказать правду, что места, чрез кои мы проезжали, совсем не были привлекательны красотой, что в избах тараканы хозяйничали и жили в совершенном согласии с людьми, и наконец, что все это было лишь приготовлением к величайшим неприятностям путешествия и к воззрению на настоящее безобра-

зие природы. Мы приближались к Барабинской степи. Не знаю, можно ли дать название степи величайшему из болот земного шара? Бараба в Сибири в самом огромном размере то, что Понтийские болота в Италии. Ниспадающие с Апеннинов воды в застою и нагноении своём производят близ Рима зловредные испарения; что же такое должно быть, когда низменное место, имеющее несколько сот верст длины и ширины, кажется как губка, принимающая в себя всю влагу трёх цепей гор, в некотором от него расстоянии его окружающих, Урала, Становаго или Яблоннаго хребта и Алтайскаго. Многие полагают, с большим вероятием, будто в этом месте было внутреннее море, подобное Каспийскому и Аральскому и что после какого-то сильного переворота на земле, воды его утекли неизвестно куда. Сие предположение подтверждает обилием озер, по Барабе рассеянных: многие из них в близком расстоянии и соединении между собой под именем Чанов, удостоиваются названия моря". [Источник](#)

И наличие солёных озер под названием Чаны. Не находите ли Вы, что они образовались за счёт того, что солёная волна наполнила эти низинки и осталась в них до сего дня? Даже если сверху посмотреть на эти солёные озера, то видно, что они имеют расположение с одинаковой направленностью, будто кто землю когтями продрал:

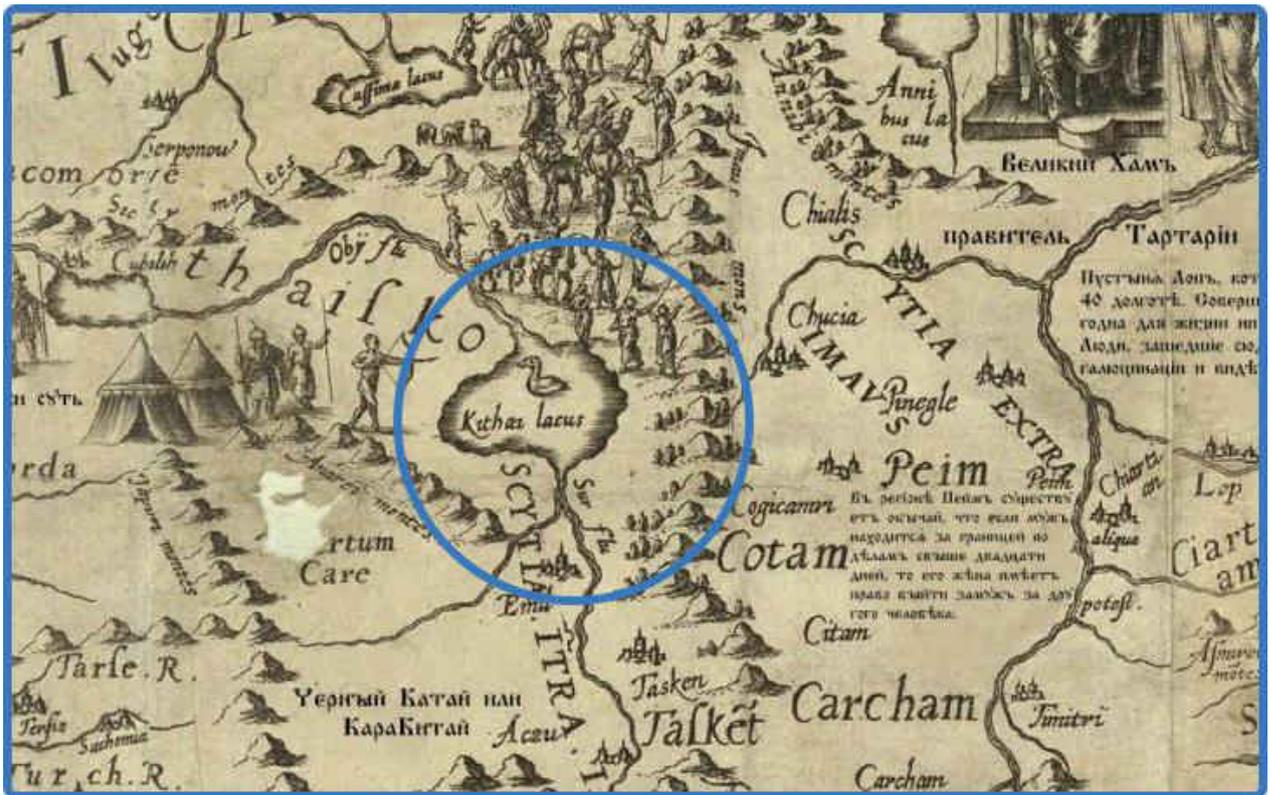

Чаны

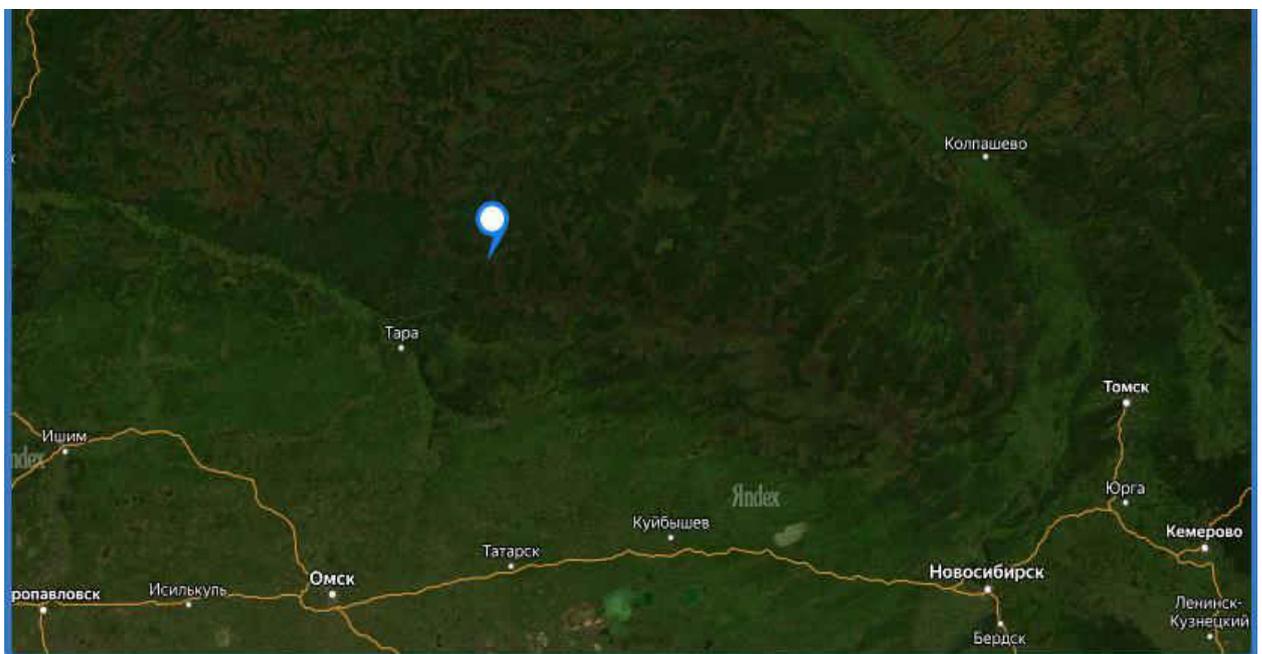
И про внутреннее море, о котором говорит автор, у меня тоже есть неболь-

шое представление. Это очень большое озеро Катай, которое есть практически на

всех средневековых картах до XVII века:

А теперь вместо огромного озера - Васюганские болота площадью в 53 000 км².

Васюганские болота на спутниковой карте

Не исключаю и того, что озеро Чаны, имевшее ещё в XVIII веке площадь более 12 000 км², это то, что осталось от большого озера Катай, которое в старые времена называли даже внутренним морем.

Может быть, оно и раньше было солёным, но такой информации у меня пока что нет. Значит средневековый потоп в Сибири, который именуется также и Тартарским потопом, по всей вероят-

ности произошёл в период с 1590 до 1664 года, и это конец XVI - первая половина XVII века. И я теперь понимаю, почему на средневековых картах с Севера в это время исче-зает архипелаг, который мы называем Ги-пербореей, северные части территории нашей страны, называемые Баргу, становятся шельфом, уйдя под воду, и от них остаются лишь Новосибирские острова и т.д.

Выходит, что Ермак побывал в Сибири незадолго до потопа? И его воины видели там ещё "волосатых слонов", которых убила волна, собрав их в кучу и заморозив. Кстати, кость и бивни мамонта стали добывать на севере Сибири в конце XVIII, начале XIX века. Тут нужно обязательно вспомнить про средневековый оптимум (потепление), когда ископаемые останки мамонтов бы точно разморозились и сгнили, не "дожив" в целости до наших дней. А я слышала, что из мерзлоты достают тела в таком состоянии, что

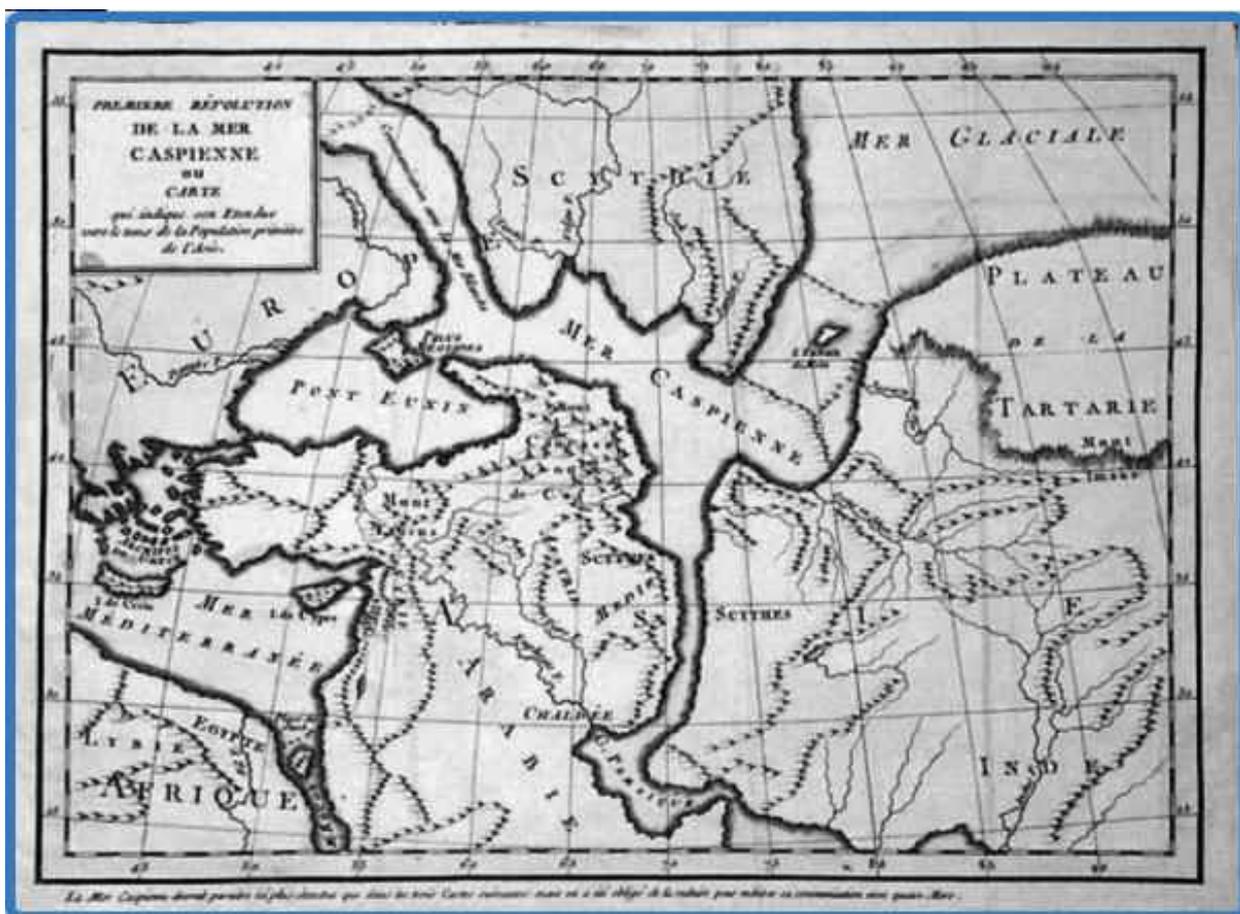
будто "слоник" ещё вчера ел травку на лугу. И в желудке, действительно – остатки непереваренной пищи. Это говорит, что животные погибли внезапно, и не от мороза, а от водной стихии, которая их одномоментно лишила жизни, утянув их за собой до самого "Скифского моря".

Вот такая мне попала информация, причём не за один раз. Кто уже давно на моём канале, тот знает, что про *Тартарский потоп* уже шла речь, и я добавлю ссылки на мои похожие статьи вниз.

Внимание! *Весь материал, представленный мною в статье не является научным и не претендует на истину. Автор тоже человек, и ему, как и всем людям, свойственны заблуждения.*

Пишите. Мне очень интересно узнать, что вы думаете по этому поводу.

В конце хочется добавить P.S. вот эту карту XVIII века, написанную Делиль де Саллем:

На карте изображено Каспийское море, с выходом в Северный Ледовитый океан, в Чёрное море и в Персидский залив.

Чины и знаки различия Русской Императорской Армии времён Первой Мировой 1914-1917

<https://dzen.ru/a/ZFZMCqf2vj3heAmR>

Расскажу про все чины Русской Армии, вспоминая: «Я сомневаюсь, подпоручик, были ли у вас мать» или же «Полковники Генштаба не бегают, они ездят в командировку».

Русская императорская армия, как много или мало мы знаем про неё? Действительно, если советские звания и чины относительно неплохо знает каждый гражданин, то разобраться в знаках отличия до революции 1917 года, сможет далеко не каждый, если не сказать - что единицы.

Эта тема мне близка и интересна, именно поэтому - сегодня наглядно посмотрим на то, какие чины были, как по уставу было положено обращаться к солдатам и офицерам, и собственно, как выглядели эти самые погоны в нашей армии! Нужно отметить, что уже в конце XIX века русская армия насчитывала большое количество самых разных родов войск, так сухопутные это: пехота, кавалерия, артиллерия и инженерные войска. Нужно отметить, что при последнем императоре **Николае II** армия преобразовалась, крайне медленно и слабо, но она менялась в лучшую сторону. Так, согласно уставу о воинской повинности, призывали мужчин от 21 до 43 лет, которые изначально служили 6 лет в строю и ещё 9 лет числились в запасе. С 1906 года срок действительной службы составил 3-4 года.

Мало кто знает, что евреев не допускали к службе (строго по религиозному признаку), а так же мусульмане освобождались от воинской повинности - просто платили денежный налог.

Таким образом, основная часть военных это - православные, затем шли католики - 13%, далее протестанты и мусульмане.

На 1914 год - начало Первой Мировой русская армия имела в своём составе более 1 млн. 420 тыс. человек (около 40 тысяч офицеров), а возросла за годы 1914-1917 до 5 млн человек, это без малого 70 пехотных дивизий. Сегодня, в моём

материале нам будет помогать отличный кинофильм 1969 года «**Адъютант его превосходительства**», вместе с фильмом «**Дни Турбиных**» 1976 года.

Военные - а что за чины? Узнаете чуть позже из нашей статьи

Сразу отмечу, что весь состав армии разделялся на классы, воинские звания или чины.

Так, самым высшим являлся **генералитет**, следом за ним были **штаб-офицеры, обер-офицеры** и **нижние чины**.

Так, интересный факт - все монархи Российской Империи служили в армии, при этом на момент вступления на престол у них фиксировалось их звание, допустим **Николай II** успел дослужиться до чина **полковника** РИА в кавалерии Лейб-гвардии Гусарского полка.

А допустим, его отец - император **Александр III** был в чине **генерала от инфантерии и от кавалерии**. Другие же представители семьи Романовых, порой имели крупные чины ещё совсем в юном возрасте.

Очень важно отметить такой нюанс, а именно - **как обращались солдаты к офицерам и наоборот, знаете ли вы это?**

Так, **любой офицерский чин официально обращался к солдату на "ты"**, однако взаимностью ответить солдат рядовой не мог.

Ему нужно было употреблять следующую фразу: **ваше благородие** к офице-

рам, а к нижним чинам по званию, условно господин унтер-офицер или прапорщик.

Далее, нужно было говорить: **ваше высокоблагородие** и к старшим чинам **ваше превосходительство**, а к генералам обращались: "**ваше высокопревосходительство**".

Младший офицер к старшему мог подойти и начать разговор со слов: "господин капитан, разрешите!". А если, человеку повезло получить титул при рождении, что чаще всего и бывало в XX веке, то между собой аристократия общалась по титулам, диалог строится по форме: "**Ваша Светлость** - вы сегодня в отличной форме, а в ответ можно было услышать - **Ваше Благородие**, спасибо и вы приятно выглядите!".

И конечно, обращение к Императору строилось по форме: "**Ваше Императорское Величество**".

Но, перейдем к самим чинам и начнём мы с самого низа, а значит самое массовое явление в любой армии мира!

Рядовой

Нижние чины открывало всем хорошо известное звание, а именно чин - рядового.

Рядовой - имел погоны без нашивок и знаков отличия. Аналогично канонир или казак.

Ефрейтор

Второе по счёту или первое звание, которое получали очень многие в первую мировую, это:

Ефрейтор имел на погонах одну узкую поперечную нашивку, в других войсках назывался бомбардир или приказный.

Младший унтер-офицер

Младший унтер-офицер или младший урядник, младший фейерверкер имел уже 2 узкие поперечные нашивки!

Старший унтер-офицер

Перед нами **старший унтер-офицер** или старший урядник, старший фейерверкер имел уже 3 узкие поперечные нашивки.

Фельдфебель

Фельдфебель или **вахмистр** носил 1 широкую поперечную нашивку на выходных погонах. Интересно то, что это звание

полностью пришло к нам из Германии. Фактически - это самое высокое звание унтер-офицерства. Появилось оно в России благодаря Петру Великому в 1722 году. Обязательно фельдфебель должен был быть в каждой роте, это своего рода современный ротный командир.

Подпрапорщик

Подпрапорщик имел одну галунную нашивку в длину всего погона. Огромное количество бывших крестьян становились солдатами в 1914 году, и благодаря своему мужеству и таланту могли получить такое высокое звание, учитывая - что солдаты редко получали чины из раздела "нижние чины РИА".

Зауряд-прапорщик

Самое последнее звание в этом списке: **Зауряд-прапорщик**, как самое высокое звание (чин) у всей категории нижних чинов имел одну галунную нашивку в длину погона с одной звездочкой

на нашивку. Многие при выходе в отставку получали именно такой чин.

Прапорщик

Если нижних чинов у нас было сразу 7 видов, то офицеров всего 5.

Обер-офицеры, самые младшие офицерские чины в армии.

Прапорщик имел на погоне одну полосу и в центре одну звездочку. Как и на этом фото - мы видим, что есть специальные цифры, обычно они означали конкретную армию, дивизию, словом место службы.

Подпоручик

Подпоручик или **корнет**, хорунжий имел уже две звездочки по бокам от полочки. Именно с таким офицерством чаще всего взаимодействовали нижние чины и их видели чаще остальных, к ним и обращались: "ваше благородие", хотя опыт Первой Мировой показал, что и без этого самого благородия - многие верные солдаты получали такой чин за особые заслуги, были в подобном звании и женщины.

Поручик

Поручик или **сотник** имел уже три звездочки в форме треугольника.

Пожалуй, одно из самых известных званий - да и многие его хорошо знают, а знаете ли вы - какое жалование было у поручика?

Так, все нижние чины имели от 20 до 30 рублей в месяц, плюс различные добавки за службу, а поручик мог получать до 60 рублей. Вполне приличные деньги, можно было жить - если ты не из дворянской или аристократичной семьи, где в карты можно было проиграть годовое жалование, а ещё хорошая форма, портсигар, личный конь и множество мелких расходов, от ухаживания за дамами - либо поход в известное заведение, где это покупалось легально, так и посиделки с офицерами в кабаках.

Штабс-капитан

Штабс-капитан или **штабс-ротмистр**, подьесаул имел уже 4 звезды на одной полоске.

Капитан

Капитан или **ротмистр**, есаул - на погонах не было звездочек, однако была полоска. Интересно выглядели погоны капитанов, не правда ли?

Изначально получал пустые погоны и нашивалась одна звезда у прапорщика, после достижения всех 4-х звезд, их убрали и становились этим ротмистром.

Подполковник

Штаб-офицеры, старший командный состав. Чин майора был упразднен в 1884 году и первый чин это:

Подполковник или **войсковой старшина**, имеет на погоне две полоски и сразу три звездочки треугольником.

Полковник

Полковник носил погоны с двумя полосками и без звезд. Обычно на этих погонах могли размещаться вензеля действующего или ушедшего Императора, а именно вензель АЗ или Н2.

Генерал-майор

Генералитет Русской императорской армии представлял в первую очередь следующий чин: **Генерал-майор**, который получал золотые генеральские погоны и две звездочки.

Александр Васильевич Самсонов представлял кавалерию в Первой Мировой в самом её начале. Надо сказать, что человек был достойный - но не самых высоких талантов в армии, так в 1914 году он попал в окружение и при слабых попытках вырваться из него - ничего не получилось, его сослуживец полковник Грязнов писал: «В конце августа 1914 года, я увидел не бравого генерала, сидящего чёртом на боевом коне, а человеческую развалину».

В итоге он поступил как офицер, ушёл из жизни самостоятельно.

Генерал-лейтенант

Генерал-лейтенант имел на погонах три звездочки формой треугольника.

Михаил Гордеевич Дроздовский, ярый монархист и талантливый военный. После Первой Мировой создал свой собственный добровольческий отряд и соединился с белыми, погиб в 1919 году.

Полный генерал

Генерал полный, обычно от инфантерии (пехоты), кавалерии или артиллерии, погоны были полностью без звездочек.

Михаил Васильевич Алексеев - был именно тем русским военным, который выступал за отречение Николая II, а таких было достаточно. В своих письмах он писал: "Умоляю Ваше Величество, ради спасения России и династии, поставить во главе правительства лицо, которому бы верила Россия и поручить ему образовать кабинет. В настоящее время это единственное спасение. Медлить невозможно и необходимо это провести безотлагательно.". Сам же был руководителем и одним из первых лиц в Добровольческой армии белых, ушёл из жизни в 1918 году.

Генерал-фельдмаршал

И последний чин генерал-фельдмаршал, на погонах которого были скрещённые жезлы.

Именно этот чин не использовался достаточно много лет, последний генерал-фельдмаршал **Дмитрий Алексеевич Милютин** ушёл из жизни в 1912 году, как символ того - что высших чинов в армии уже нет и не будет, ведь никто так и не получил после него столь высокий чин.

Стоит отметить, что российских генерал-фельдмаршалов было около 55 человек, хотя считается их было 64.

Среди них можно выделить: Александра Даниловича Меншикова, Пётр Александрович Румянцев-Задунайский, Григорий Александрович Потёмкин, Александр Васильевич Суворов, Михаил

Илларионович Кутузов и Михаил Богданович Барклай де Толли - как самые достойные получившие этот чин.

В 1898 году Милютин был произведён в генерал-фельдмаршалы.

Это последний случай, когда подданный Российской империи получил этот высокий чин.

Таким образом, мы рассмотрели абсолютно все чины царской армии!

Надеюсь, материал вам понравился - в дальнейшем планирую сделать аналогичную статью про знаки отличия и звания в РККА, а после уже и в советской армии, если вам это интересно, то смело ставьте лайк, пишите отзывы в комментариях, подписывайтесь на канал и рассказывайте об этом публикации своим друзьям, знакомым!

Комментарии 517

Алексей Ш. Немного путано написали про обращения. Все вышестоящие чины, от ефрейтора до генерала, обращались к солдату на "ты" и называли его "рядовой" или по фамилии. Солдат должен был обращаться на "вы" уже начиная с унтер-офицеров и говорить "господин унтер-офицер" и тд. К офицерам, от прапорщика до капитана включительно, обращались со словами "ваше благородие", к подполковникам и полковникам - "ваше высокоблагородие", к генерал-майорам и генерал-лейтенантам - "ваше превосходительство", к полным генералам - "ваше высокопревосходительство".

Олег Ладехин Невозможно эту тему раскрыть в одной статье, что статья и показала - так-то много литературы по теме теперь, а в своё время по бумажке собирали. Из недочётов - куда-то пропал титул высокородие, а он был между высокоблагородием и превосходительством, ну и фельдфебель конечно же не командир роты, если на советские переводить, то старшиной роты мог бы быть, а скорее замкомвзвода. Родовое титулование, вскользь в статье упомянутое, вроде к званиям отношения не имеет. Были там и светлости и сиятельства и высочества, но на воинских званиях это не отражалось никак, а так всё верно, а фильмы, из статьи Вы же сами в начале назвали

Сергей Нестеров А вот евреи и мусульмане вполне себе служили в Российской императорской армии. Например, в 1897 году в русской армии служило 53 тыс. евреев при численности вооружённых сил 1 075 тыс. человек, т. е. около 5% солдат были евреями. Вот с офицерскими погонами для евреев было много сложнее. Офицером мог стать только еврей-выкрест. Примерно так же обстояли дела и с мусульманами. До ПМВ в РИА служило мусульман около 40 тысяч. Это были мусульмане Поволжья и Сибири - татары, башкиры и прочие. А во время первой мировой воевало до 1,5 миллионов мусульман.

Гражданская война

«Юнкера-беспредельщики» или казаки Краснова - кто начал белый террор? 3 основные версии

<https://dzen.ru/a/YWbnWfomkyILCE6Y>

Нет худшего бедствия для страны, чем гражданская война. Наш народ убедился на этом на своём горьком опыте. Гражданская война шла с нарастающим ожесточением красных и белых друг про-

тив друга, с чудовищными военными преступлениями. Массовые расправы с пленными, карательные акции против мирного населения и его безудержное ограбление - этим грешили и красные, и

белые. В советские времена «красный террор» не отрицался. Но он считался адекватным ответом на «белый террор», кото-

рый начался раньше и был гораздо более масштабным и жестоким.

Кто начал совершать военные пре-

ступление первым – красные или белые – это вопрос спорный, и однозначного ответа на него нет. Я думаю, что об особенностях красного террора сказано уже

очень много, и не читал об этом только ленивый. Поэтому сегодня мы поговорим о «белый терроре».

Колчак проходит перед построением солдат. Фото в свободном доступе.

Старт «Белого террора»: три основные версии

По общепризнанной точке зрения, первым случаем «белого террора» стали карательные акции после Ярославского антибольшевистского восстания (июль 1918 года). Тогда КОМУЧ (антибольшевистский Комитет членов Учредительного собрания) создал карательные органы, принимающие репрессивные меры.

Это Чрезвычайный суд, Министерство охраны государственного порядка с специальной «чрезвычайной частью»,

военно-полевые суды, которые на всей подконтрольной территории могли выносить «ускоренные» смертные приговоры.

Первым «белым чекистом» стал глава Министерства охраны государственного порядка Евгений Роговский – депутат Учредительного собрания от партии эсеров. Его «чрезвычайка» развернула масштабный террор против большевиков и сочувствующих им лиц, бросая людей в тюрьмы и расстреливая их.

Лозунгу «Вся власть советам!» КОМУЧ противопоставил свой такой же лозунг. Фото в свободном доступе.

№3 Юнкера расстреляли пленных

В СССР первым актом «белого террора» считали 10 ноября 1917 года – восстание в Москве. Тогда большевики, засевшие в Кремле, капитулировали и сдались в плен. Советские историки подавали дело так, что юнкера просто подло расстреляли большую группу сдавшихся им солдат-большевиков.

На самом деле дело был так. Одну из групп сдавшихся солдат 56-го запасного полка, перешедших на сторону большевиков, юнкера вывели и выстрои-

ли у памятника Александру II, ещё не разоружив.

В это время в Александровский сад на быстрой скорости въехал броневик. Пленные ошибочно приняли его за свой и открыли стрельбу по юнкерам. В ответ броневик скошил их всех из пулемёта. В результате инцидента погибло 6 юнкеров и примерно 30 революционно настроенных солдат. Большевицкая пропаганда превратила число «30» в «180». А потом и в 250-300 и даже в 500 зверски убитых белыми «безоружных» пленных.

Юнкера во время Московского восстания. Ноябрь 1917 г. Фото в свободном доступе.

№2 Известная легенда о Корнилове

Широко распространена также неподтверждённая версия о том, что тон «белому террору» задал известный генерал Лавр Георгиевич Корнилов. В начале Первого кубанского («Ледяного») похода, в конце февраля 1918 года, Корнилов якобы обратился к добровольцам с речью, в которой приказал им в плен красных не брать.

Данный призыв генерала можно встретить на страницах самых разных книг и в разной интерпретации. Приказывал ли он на самом деле расстреливать

всех большевиков на месте, или нет, доподлинно неизвестно. Но белые во время «Ледяного похода» действительно расправлялись с пленными. Они сами об этом рассказывали в мемуарах, оправдывая преступления тем, что

«Расстрелы были необходимы. В тех условиях Добровольческая армия не могла брать пленных: вести их было некому, а если бы пленные были отпущены, то на другой день сражались бы опять против нас», – писал участник похода Н. Н. Богданов.

Лавр Корнилов. Фото в свободном доступе.

№1 Начало «Белого террора». Русский Север и Войско Донское

Весной 1918 года белые, опираясь на иностранных интервентов, свергли советскую власть в Архангельске и Мурманске. Тюрьмы в первые же дни были переполнены до отказа. Арестованных большевиков и сочувствующих им репрессировали. Так как тюрем не хватало, были устроены лагеря на Мудьюге, на Йоканьге и на Соловках.

Большой размах принял «белый террор» и на территориях, контролируе-

мых атаманом Красновым. Но на Дону первыми начали явно большевики. Казаки не хотели воевать и впустили на свою территорию красных.

Но уже через несколько месяцев жёсткое отношение советской власти к населению спровоцировало восстание на Дону. А пришедший к власти 16 мая 1918 г. Краснов и его единомышленники развернули масштабный террор против красных.

Донской генерал Сидорин (с шапкой) со своими солдатами и офицерами. Позади него можно заметить двоих представителей Британской военной миссии. Фото в свободном доступе.

Вопрос по поводу точных цифр как белого, так и красного террора, так и останется открытым. Конечно, в случае большевиков террор был масштабнее, ведь он не прекратился после Граждан-

ской Войны, но и Белые не остались "чистыми". Сейчас можно только утверждать, что эти явления были массовыми, а количество жертв учёту не поддаётся.

Комментарии482

[James](#) Вызывает сомнение изложение событий в эпизоде №3. 1. А был ли вооружен запасный полк в Кремле? Сдался он без борьбы под дулами трехдюймовок. При наличии вооружения и желания сопротивляться из трёхлинеек и пулемётов расчеты орудий были бы уничтожены огнем с Кремлёвских стен. Расстояния там небольшие, а навесным огнем тогдашние трехдюймовки стрелять не могли. 2. "В это время в Александровский сад на быстрой скорости въехал броневик." Вообще-то Александровский сад находится вне стен Кремля, а расстрел был внутри. Там и сейчас стоит памятник. Пулеметный огонь вёлся сверху, то ли из башни, то ли с верхних этажей здания. 3. Пламенных большевиков, готовых сложить свою буйну голову за пролетарскую революцию, в полку не было. История поддержки большевиков 56-м запасным полком проста, как перпендикуляр. Прежняя власть была за войну до победного конца. Это означало, что в случае, если прежняя власть удержится, солдатиков отправят на фронт, на убой. А воевать они ну очень не хотели. Отсюда поддержка большевиков (большевики обещали "Земля - крестьянам, фабрики - рабочим, мир - народам") и отсюда же и сдача Кремля без боя. К чему это я? Да к тому, что тошнит от таких интерпретаторов исторических событий. Главное - не разбираться в хитросплетениях, а что-нибудь побыстрее наковырять более-менее похожее на правду и опубликовать под броским заголовком. Это не про историю, это про бабки. Почему я прицепился именно к этому эпизоду? Да потому, что мой прадедушка, Тимофей, был служащим того запасного полка и чудом выжил, спрятавшись в каких-то ящиках под трупами.

[leon use](#) игорь соковкин, по всей стране победили советы (а не большевики). Разруху устроили либералы и белогвардейцы.

[Константин Ерунов](#) leon use, разруха была неминуемым следствием большевистской экспроприации банков и предприятий, иначе непонятно, как разруха оказалась в тех регионах, в которых белых никогда не было.

[людмила Боженко](#) геннадий капитонов, почему, вечно разграбление умными жуликами "простого большинства".

[Владимир Паршиков](#) Мои прадеды по линии отца - потомственные зажиточные донские казаки. Имели большие семьи, а соответственно и большой надел земли, два десятка волов, трудились с утра и до вечера, все лица мужского пола, а их было более двадцати, имели строевых коней. Революцию встретили спокойно, кто на первой мировой, кто-то дома на Дону. А вот в 1918, когда вспыхнула гражданская война взгляды на произошедшие события изменились: родной дед и несколько его взрослых сыновей заняли сторону белых и в боях за светлое будущее буржуазии сложили свои головы. Брат деда с начала войны воевал за белых, но после того как те начали брать людей в заложники, расстреливать сочувствующих красным, целыми семьями, перешёл на сторону красных и воевал до конца гражданской войны на их стороне. Со слов бабушки главными мотивами в определении на чьей стороне воевать была жестокость белых и понимание того, что буржуазии была нужна власть над народом любой ценой.

[Геннадий ГДа](#), блин...Почитал маненько комментов и убедился, во что давно уверовал - никогда у нас не закончится гражданская война! До сих пор, мы и белые, и красные, и зелёные... А по этой жизни, разделение всё круче и круче...

[Сергей Жуков](#)Гребенников, Поменьше эти темы педалить нужно - и сегодняшним днём жить))) Как до перестройки)))

[У. J. G.](#)Геннадий Г, Обратите внимание, что главные фанаты господ-хрустобулочников не потомки дворянских фамилий, а потомки различных Бздюхиных и Пердунькины, которые ещё и монархисты. Это же что должно твориться в мозгах у этих потомков представителей подлого сословия, если у них такая жажда барского кнута?

[Сергей Писарев](#)Про казаков: Каледин и Дутов вешали представителей советов ещё в декабре 1917-го и очень смешное оправдание, что "вести пленных было некому":))), ещё можно сказать: "вести их было лень":))).

[Сергей Жуков](#),Сергей Писарев, Ну дык до того ещё 11 ноября большевик Крыленко с братишками Духонина в штаб отправил)))

[андрей кульпин](#)"Красный террор", "белый террор" они возникли не случайно и не внезапно. Террор возник, как результат всеобщего морального разложения, который произошёл в России. В Российской империи не было граждан с одинаковыми правами. Всё население России было разделено на сословия у каждого сословия свои права и привилегии. Права одних не распространялись на других. Были по культуре и правам близкие друг другу сословия, но и были очень далёкие друг от друга. И очень не любили друг друга. Эта не любовь сдерживалась православием и царём-батюшкой. Практически были две России дворянская и крестьянская. Абсолютно разные по культуре, образу мыслей, образу жизни... Эти разные образы жизни и схлопотались в гражданскую во взаимном терроре.

[Александр Валерьевич Евстафьев](#)Фотография, где генерал Сидорин и представители иностранной миссии, была сделана в городе Балашове в 1919 году. Белые захватили город 4 июля 1919 года. В этот же день, в честь взятия был устроен воинский парад на Троицкой городской площади. Этот парад принимал генерал Белой Донской Армии В. И. Сидорин, который прибыл в Балашов вместе с группой британских офицеров (Британская империя была военно-политической союзницей ВСЮР и снабжала белых оружием, амуницией и боеприпасами). Несколько дней в городе зверствовали белогвардейцы, от рук белого террора пострадало около 700 жителей нашего города. 20 июля 1919 года Балашов был освобожден от белогвардейцев бойцами 23-й конной дивизии под командованием Д. П. Жлобы.

[Валентина С.](#)Суть отличия в том, что хотя у белых и имелись случаи террора по той или иной причине, но белым командованием они почти всегда осуждались. А красный террор оправдывался самой партией и Совнаркомом, которые не просто оправдывали террор, но и признавали его необходимым.

[Константин Ерунов](#)У. J. G., этот грейвс, уже после возвращения в Америку, проиграл дело о клевете на белых, был с позором изгнан из армии. Так что читать такого популиста - дело бесполезное.

[Ursus Maritimus](#)Комментарии показывают, что в силу отсутствия объективного знания и рационального понимания истории население расколото по враждебно настроенным группам сообразно лозунгам или хоругвиям, с которыми тараканы маршируют в их головах. Это, конечно, моё частное оценочное суждение.

[Юрий К.](#)Суть этого опуса отвлечь вас от реалий современных, опять разделить на два лагеря. Тема уже настолько вспахана и раскультирована... за эти годы столько документов обнародовано, что вопросы и дискуссии перешли уже в научную сферу. Однако выводы так и не сделаны. Уроки не извлечены. Народ опять подталкивают к противостоянию.

[Иван Петров](#)Превращение мировой войны в гражданскую - это один из программных тезисов большевиков. Это все что необходимо знать о том, кто начал гражданскую войну.

[Марк](#)Предъявленное донесение не противоречит словам очевидца, Митрополита Вениамина. Солдат сказал, что "В субботу в 8 час. утра они у нас отобрали оружие и начали безоружных расстреливать из пулеметов, когда мы в панике бросились вроссыпь и в особенности в казармы, юнкера направили в передовых штыки, и офицеры начали бить из револьверов." По словам Вениамина пулемёт стрелял и по солдатам и по юнкерам, так как они были в небольших кучках и смешались. Пулемёт был подавлен выстрелами снизу, по пулемётчикам стреляли юнкера. После произошедшего, по словам солдата, над

ними был суд и 35 человек отпустили признав невиновными. Историю пишут победители и так как победителям хочется. Такие выстрелы, по всем, были в Риге в 90-е и в Киеве в 2014 году. [....](#) Гражданская война, это война между гражданами одной страны. А когда нанимают: китайцев, латышей, чехов, эстонцев, евреев, венгров и далее по списку, то это уже НЕ гражданская война. «А террор, тот самый, в котором обвиняют "красную сторону", первым применила именно "белая кость"! И знаете когда? В Москве. Ещё в 1917 году, 28 октября! Тогда солдаты 56-го полка, поддавшись на угрозы, сдались юнкерам и сдали Кремль. Итог - расстрел этих самых солдат». Посмотрим глазами очевидцев, что было на самом деле: Солдат 56-го зап. полка, убежавший из Кремля от контрреволюционеров, доносит следующее. «В четверг 12 час. ночи юнкера наступали на Кремль. В пятницу у нас с юнкерами было настоящее сражение, и они предлагали сдать ся. В субботу в 8 час. утра они у нас отобрали оружие и начали безоружных расстреливать из пулеметов, когда мы в панике бросились вроссыпь и в особенности в казармы, юнкера направили в передовых штыки, и офицеры начали бить из револьверов. Насколько нам известно, убитых осталось около 250-300 человек, остальных арестовали и отправили в окружной суд, потом заперли всех остальных в казармах, где помещалась раньше одна рота, и окон отворять строго воспрещалось, и нам очень трудно было жить ввиду сдавленного воздуха, оправиться нас выводить было строго воспрещено... 31 октября нас опросили. 35 человек они нашли невиновными и освободили. Таким образом воспользовавшись этим освобождением, я поспешил в В.-Р. Комитете донесением. Прапорщик, который принял командование полка во время восстания, был избит до полусмерти и сейчас сидит, ему не оказывают никакой медицинской помощи. Товарищ просят на помощь. За Пред. Развед. Бюро Лобанов. 1917 г, 1 ноября.». (Источник: «Митрополит Вениамин Федченков. «На рубеже двух эпох». М. 1994. С. 162.)

[Барон Унгерн](#)"Кто начал совершать военные преступления первым – красные или белые – это вопрос спорный, и однозначного ответа на него нет". Ничего спорного в этом нет. Красные совершили переворот и они преступники. Белые - обороняющаяся сторона.

[Wlad Smidt](#)Андрей Муллов, А до этого белые сделали революцию. Кстати, там погибло больше, чем в Октябре.

[poduschkin.al](#)Александр, все наверное знают, что Советской властью красный террор был объявлен в сентябре 1918 года в ответ на совершенные насильственные преступления против представителей Советской власти, организованные в том числе французской и английской разведкой в июле, августе 1918 года. Скорее всего, это была необходимость в условиях того времени. Террор продолжался с обеих противоборствующих сторон. Но меня интересует другое. Никто практически не задумывается над тем, сколько было уничтожено людей в период с 1917 по 1941 год за одну только поддержку Советской власти, не говоря уже за членство в ВКПб. Я уже молчу за период Великой Отечественной, во время которой большевиков было уничтожено ни чуть не меньше, чем евреев. Что это было??? Может, кто-то скажет, что это была тоже необходимость?

Гражданская война

Рейд генерала Мамантова: как заставить Троцкого улепётывать

<https://dzen.ru/a/ZkmWQv3bwX6gZ-Rx>

Белые казаки в тылу врага — это паника большевиков, хлеб-соль от народа, выдачи коммунистов на расправу, еврейские погромы и невозбранный повальный грабеж.

[Лев Троцкий](#) нервничал — в Москву он удрал с фронта на всякий случай, подальше от ставших непредсказуемыми боевых действий на Южном фронте Красной армии. Близился ключевой момент в истории Гражданской войны, может быть, ключевой для всей истории России и мира. Белая армия генерала [А. И. Деникина](#) готовилась к наступлению на Москву — летом 1919 г. преимущество было на её стороне. Казалось, уже скоро древняя русская столица будет очищена от большевиков, и Советская Россия канет в Лету.

Не исключали такого развития событий и напуганные красные. «Ату белых! Смерть живорезам!», — вместе с обстановкой на фронте ожесточалось и настроение воззваний Троцкого. Войскам было приказано не брать казаков в плен — донцы прорвались в тыл красных и навели панику среди местных коммунистов. По дороге в Москву «демон революции» сообщил [В. И. Ленину](#): «Белогвардейская конница [...] несёт с собой расстройство, испуг и опустошение».

[Сборник: Гражданская война в России]

За несколько дней до этого начался конный рейд генерала Константина Константиновича Мамантова в тыл Красной армии (*прим.: другой вариант написания фамилии — «Мамонтов» — судя по всему, был придуман большевиками то ли по ошибке, то ли в качестве насмешки*). 10 августа 1919 г. белая конница переправилась через реку Хопер и атаковала слабое место Южного фронта — стык 8-й и 9-й советских армий. 40-я стрелковая дивизия красных была частью уничтожена, частью рассеяна. Красноармейцы, которых застали врасплох, серьёзного сопротивления натиску белых не оказали, после непродолжительного боя они разбежались или сдавались. В образовавшийся во фронте прорыв в 22 км хлынули казаки Мамантова и со скоростью более 25 км в день рванули по тылам противника.

Прим.: Этот рейд готовили с июля, когда стало понятно, что белых на Юге ожидает контрнаступление красных, и что его надо было сорвать. Командиром назначили опытного генерала Мамантова, находчивого, храброго и решительного офицера, любимого казаками. Сводный отряд для рейда — 4-й Донской казачий корпус — состоял из 13-й Донской конной дивизии, 12-й Донской конной дивизии, Сводной конной дивизии, пешего отряда, 3 бронемашин и 12 орудий конной артиллерии. Имелось и множество пулемётов. Мамантов лично отбирал бойцов для рейда, с собой не брали стариков, раненых и больных, не имевших сильных здоровых лошадей. Получилась великолепная кавалерия, лучшая в России. Численность отряда в начале рейда составила 6 тыс. сабель и 3 тыс. штыков.

Задача перед казаками стояла разрушать военную инфраструктуру красных и разбить с тыла их крупную группировку. Как писал потом Деникин, «под предлогом распутицы» из-за сильных дождей в начале рейда Мамантов отказался от второй части плана, но плотно занялся первой. Рейд смерчем понёсся по городам Центральной России — были захвачены Бурнак, Тамбов, Козлов, Раненбург, Лебедянь, Елец, Усмань и Воронеж. Всюду белые портили телеграфные линии, крушили железнодорожные станции и колеи, казармы и фабрики, грабили и громили склады с военными имуществом и продовольствием, взрывали мосты. В одном только Тамбове, куда мамантовцы ворвались 18 августа в 8 утра, они распустили 15 тысяч недавно мобилизованных в Красную армию — обрадованные новобранцы разошлись по домам. Всего в ходе рейда было распущено несколько десятков тысяч красноармейцев. Попытки большевиков остановить рейд оказались неудачны. Пришлось для этого снять с фронтов 5 дивизий, одну стрелковую бригаду, задействовать гарнизоны, но всё без толку — то Мамантов стремительно уходил из-под удара, и его попросту не могли найти, то он наносил удар, и красноармейцы терпели поражение или разбежались (боевой дух РККА тут оставлял желать лучшего). Население в целом поддерживало белых и помогало им, ещё при приближении казаков начиная гнать и так перепуганных коммунистов.

Южный фронт РККА был деморализован (позже будет повод обвинить Деникина в том, что в этот удачный момент он не начал сильное наступление на красных). Штаб фронта, побросав всю матчасть, бежал из г. Козлова в Орёл. 22 августа Козлов был взят Мамантовым. Через несколько дней генерал понял, что продвигаться к Москве дальше опасно, красные стянули на борьбу с ним слишком много сил. И рейд стал поворачивать на юг. По пути взяли Елец и разгромили все военные объекты и в этом городе. Отдохнув там несколько дней, мамантовцы пошли на Воронеж и с трудом захватили его на один день, 11 сентября. Через несколько дней умелых обманных манёвров Мамантову удалось отбиться от преследовавших его красных и выйти к своим в г. Старый Оскол. 19 сентября рейд, в ходе которого белые забрались в тыл врага на 800 вёрст, был окончен.

Охота за головами и за зипунами: белый террор и грабительская «малина»

Казаки Мамантова, оказавшись в тылу красных, действовали так, что у большевиков появлялись реальные основания называть их живорезами и белобандитами. Захватив очередной город, мамантовцы разыгрывали примерно один и тот же сценарий. Сперва жители, недовольные советской властью, экспериментировавшей над ними уже более полутора лет, встречали белых с хлебом и солью, а многие спешили выдать на расправу местных коммунистов. Казаки отвечали взаимной любезностью — тут же очистив склады Красной армии, они раздавали народу хлеб, спирт и другие вещи. Даже не столько от щедрости или ради популистских устремлений, сколько потому что с собой всё равно всё это было не увезти. Везде мамантовцы встречали благодарных людей, готовых к ним примкнуть — ряды их пополнялись сотнями добровольцев.

Но очень скоро благожелательно настроенные жители становились потенциальными жертвами своих белых освободителей. Те, власть пограбив склады, принимались за частное добро, разбой и насилие. Ограблены были Тамбов, Елец и весь уезд вокруг, Козлов. Больше всего доставалось евреям, коммунистам и их семьям (одну такую семью, рискуя жизнью, укрыл у себя в Козлове биолог И. В. Мичурин). В одном только Козлове еврейский погром мамантовцев вылился в сотни жертв. Были убиты 100–112 человек, хотя далеко не все евреи сочувствовали большевикам.

Принцип отбора жертв был прост: или народ выдаёт коммунистов, или солдаты хватают прохожего, и если нет креста — в расход! Так чуть не расстреляли увлékшегося атеизмом М. М. Пришвина, который и сам не любил большевиков, называл их «земной пылью», «мусором» и «хламом», мчащимся «в хвосте кометы Ленина». В общем, репрессии мамантовцев были довольно беспорядочны, убивали коммунистов и евреев они прямо на улицах — расстреливали или изрубали шашками. Так же легко они убивали тех, кто не подчинился тому или иному требованию (к примеру, козловского железнодорожного машиниста Г. Кузнецова), раненых красноармейцев. Так как грабежи задевали и радостно встречавшее казаков население, отношение к ним быстро менялось, репутация белых испортилась. Возможно, поэтому рейд и не смог спровоцировать масштабное антибольшевистское восстание.

После Козлова и Раненбурга, когда уже было понятно, что рейд поворачивает обратно, грабёж стал для казаков не просто средством нанести ущерб красным, а самоцелью. Начал копиться громоздкий обоз, и как всегда после грабежей, стал падать боевой дух. Теперь каждый думал о том, как бы поскорее дотащить награбленное добро в хату. «Сверкали зеркала, блестели трубы граммофонов». Корпус Мамантова почти не понёс потерь до самого конца рейда, серьёзных столкновений с крупными соединениями красных так и не произошло. Численность белых даже возросла: мамантовцы вели с собой толпу добровольцев, из которых позже сформировали белую Тульскую пехотную дивизию. В Старый Оскол рейд вернулся с обозом до 60 вёрст длиной, но даже это обременение не помешало уйти от врага.

Гора родила мышь?

О рейде писали все газеты, даже британская The Times вышла с передовицей о лихих казаках. Мамантов завоевал себе огромную славу, встречали его повсюду аплодисментами. Описания героического рейда даже повлияли на фольклор, люди стали говорить: «Как Мамантов на голову»; или вот ещё — «нежданный Мамантов хуже татарина».

Но как ни досадно это было для белых, рейд Мамантова в контексте истории всей войны едва ли можно отнести к крупным успехам антибольшевистских сил. Эффектный, шумевший и блестяще исполненный в тактическом смысле, он оказался практически бесполезным стратегически. Для истории военного искусства это шикарный, громкий и славный... «пшик». Критерием оценки рейда для командования белых (прежде всего А. И. Деникина) были не фактически достигнутые успехи Мамантова на тактическом уровне, а его вклад в общую задачу (разгром Южного фронта красных и поход на Москву) и соотношение к тому, чего он мог достичь.

А достичь можно было куда больше: подавляя стремление войска к грабежу, сохранить его боевой дух и мобильность и разбить крупную группу войск большевиков, атаковав с тыла 8-ю или 9-ю армию. В таком случае для белых открывалась перспектива разгрома Южного фронта. Так могли бы создаться более благоприятные условия для дальнейшего общего наступления деникинцев на Москву. Кроме того, рейд, вернувшийся практически без потерь, привёл к неожиданным потерям уже после него. Казаки, нагруженные награбленным, разошлись по своим станицам в небольшой отпуск (не дать его уже было нельзя, а то бы вспыхнул бунт). Привезя домой завоёванное барахло, овеванные боевой славой, две трети казаков попросту не вернулись в войска. Лучшая конница белых сильно уменьшилась. В октябре 1919 г. донских казаков у Мамантова осталось уже всего около 3500 человек.

Деникин, хотя и считал этот рейд скорее набегом, отдавал Мамантову должное — ценил за срыв военных приготовлений большевиков, за панику в стане врага и разрушение военной инфраструктуры красных. Но всё равно досадовал на генерала, его погоню за добычей и упущенные возможности. Да, рейд пропахал тылы, но фронт-то с живой силой противника остались на месте. За свою противоречивую славу, обретенную Мамантовым в этом походе, его недолюбливали Деникин и Врангель, а красные ненавидели генерала как бандита.

В начале 1920 г. Мамантов заболел тифом. 1 февраля он умер в Екатеринодаре. Его любили казаки и готовы были назначить своим командиром. До сих пор есть подозрения, что уже пошедший на поправку Мамантов был отравлен (может, и красными, но скорее белыми, желавшими устранить конкурента за власть). Его жена утверждала, что видела, как генералу накануне смерти сделал инъекцию какой-то фельдшер, исчезнувший после этого из госпиталя. Неожиданно для всех автор рейда, достойного занесения в учебники военного искусства, сошёл со сцены Гражданской войны.

Комментарии

Г. И. Г. Алексей Петров, Поехали за зипунами, а получили - террор (повторный).

История - это люди На момент когда Мамантов со своим корпусом повернул обратно ему до Москвы оставалось 400 км, так казачья разбойничья натура не дала белым победить в гражданской войне.

Виталий Пашкевич..., там была гражданская война, самая жестокая, когда пленных брать нет смысла. Ни тебя, ни меня там не было. Как ты можешь судить о том, что не видел? И у белых и у красных была своя Россия.

Непрохожий Непрохожий Виталий Пашкевич, у белых не было своей России, у них была своя Франция, Великобритания, Германия и прочая Польша.

Ким Ц. Почитай сколько русского золота коммуяки сплавил на Запад, в том числе прямо на Уолл-стрит. На миллиарды.

Сергей Папков Никто из нас не может изменить свою природу. Природа казаков - лихой налёт, а после победы - грабёж. Получилось то, что получилось. Очевидно, у Деникина не оказалось на тот момент достаточного количества более-менее регулярных армейских частей.

Орхидея Домашняя «...Как только большевизм докатился до казачьих областей, всё тамошнее иногороднее население, жившее в вечной обиде, поголовно пошло в Красную армию. Разумеется, при этом были сведены старые счёты и отомщены прежние обиды. Революция посеяла в казачьих

областях семена розни между казаками и «русскими», растила и холила их, и семена эти гнали богатые всходы. Во время Добровольческой армии в отместку за большевизм самые тяжёлые повинности по развёрстке и реквизициям станичные власти накладывали на иногородних. К концу Гражданской войны казаки окончательно отделили себя от «вонючей Руси», перенеся свою неприязнь с иногородних на всю неказачью Россию.

Впоследствии, уже находясь в рядах добровольцев, я диву давался, до каких геркулесовых столпов нелепости мог доходить этот «станичный шовинизм». Взять хотя бы генерала Мамантова, рейд которого по тылам Красной армии заслуживает войти в военную историю. Но никак не заслуживают того же его телеграммы, посланные им из рейда Донскому правительству: «Везу донской казне 90 миллионов, а донскому митрополиту утварь с 40 церквей». Какое же иностранное государство грабил и чьи ивоверческие церкви разорял этот донской вояка? Этот вопрос и в голову не приходил Мамантову. Здесь, как на ладони, вся казачья психология. Воронежская и Тамбовская губернии, где свирепствовал этот завоеватель, и православные церкви там были не населением и не храмами его родины, а чужое и «иногороднее»...

Владимир Крылов Есть что-то шизофреническое в статье. Само повествование описывает позор - и военный, и моральный. Но коннотация при этом восторженная.

Маловато в белогвардейских делах поводов для восторга. И эта попытка провальная.

Valera Krasovski Какая беляцкая дегенеративная чушь. Не стоит забывать, что Черчилль У. подвёдя Савинкова к карте и указав на расположение беляцких (хотя более подходит название бляцких) армий спросил, чьи это армии. На что Савинков начал перечислять беляцких отступников, кто командовал этими армиями. На, что Черчилль ответил, что это их армии они их одевают, кормят, вооружают, а они сражаются за их интересы. Как бы не описывали успехи этих армий, в том числе беляцких казаков, в гражданской войне победили большевики, опирающиеся на всё крестьянство, красных казаков и рабочих. А уж большинство населения не желало возвращения с бельми англосаксонскими армиями помещиков и возвращения им земли, которую дали большевики. Так, что набеги Шкуры и Мамонтова имели недолгий тактический успех. Вначале потрепав 1-ю конную, в конце концов, от Будённого С. М. они получили и в хвост, и в гриву и были просто разгромлены. Повторюсь, беляки воевали в интересах англосаксов, воевали против своей страны и против своего народа.

Орхидея Домашняя «...Когда выяснилось с печальной ясностью, что август неповторим, когда вместо советских тылов Мамантову пришлось действовать в метель, в опустошенном Донецком бассейне, пропало и его кавалерийское сердце. Уже никто не пел «Христос воскрес»; уже не было спирта не только для раздачи населению, но даже для собственных нужд; уже на запасных путях узловых станций замерзали испорченные танки и с большевистских аэропланов летели саркастические ленточки: «Вы к нам шли два года на танках, мы к вам пришли за месяц на санках»... Донецкие рабочие выполняли свою программу-минимум: встречать цветами победителя, провожать выстрелами побежденных. Мамантов вышел из игры. Повод? Не то он придрался к чему-то, не то к нему придрались за что-то. От августовских трофеев оставался один французский бульдог, найденный в Тамбове, в захваченном поезде Троцкого... С этим быстро привязавшимся бульдогом, каждый час наблюдая, как ещё быстрее отвязываются бывшие друзья и почитатели, Мамантов проехал в тыл. Сдали Ростов - двинулся в Екатеринодар. Пробовал пить - получалось скучно. Пробовал разговаривать - выходило ещё скучней. Он - Мамантов Тамбовский! - оказывался в числе главных виновников... О, как он пушил свои усы, как он стучал своим мощным кулаком! Напрасно. Молох гражданской войны, пожрав генерала, подбирался к человеку. В порядке эвакуации его покусали сыпнотифозные вши; в порядке эвакуации небрежно лечили, в порядке эвакуации поспешно, подчеркнуто скромно похоронили. Советская сводка отметила «смерть в Екатеринодаре известного бандита Мамантова», озябший репортер кубанской газеты что-то нацарапал на обрывке блокнота, а один из бывших адъютантов, дородный румяный человек, вечером того же дня сильно клюкнул и театральным голосом спившихся трагиков и осипших суфлеров рассказывал: «Третьего августа вошли мы в Тамбовскую губернию. Господи, раздолье-то какое! И пошло: днём спим, гуляем, жрём, а ночью идём по росистым полям. Скошенное сено пахнет невообразимо, лошади чавкают, луна такая, что вынимай из сумы деньги и считай. В одну пачку николаевские, в другую керенки, в третью - нашего донского производства. Благодать, братцы! Генерал наш за польверсты едет, а усищи видны... Царствие ему небесное!..»

Вольный Казак Нет героев в братоубийственной гражданской войне: есть популисты, грабители и вешатели. Не Каин с Авелем, а два Каина сражаются...

Орхидея Домашняя «...Мамантов, герой рейда, которому «Times» посвятила передовую статью, умер в Екатеринодаре в полном забвении, окруженный полупрезрением, полуненавистью. Газеты посвятили его смерти шесть строк неудобочитаемого петита. Беженцы, собиравшиеся в дальнейший путь из агонизирующего Екатеринодара к морю, рассеянно спрашивали при виде похорон: «Почему столько войска? Мамантов? Это какой же? Ах, тот, что в Тамбове спирт раздавал! Почему же гроб заколоченный? Ага, и он от сыпняка. Скажите, не уберегся...». Шесть месяцев

назад он был самым популярным человеком во всей России. Советские газеты наполнялись «бандитом Мамантовым»; вместе с городами Центральной России он завоевывал и великорусские пословицы: «Как Мамантов на голову», «Не было ни юнкера, а вдруг казачий генерал», «Нежданый Мамантов хуже татарина»... Прошел месяц. Военные обозреватели всех осваиваемых газет убедили нас, что набег Мюрата, Шеридана, Стюарта ничто в сравнении с рейдом Мамантова, забравшегося в тыл противника на 800 верст; что на Курском вокзале под парами стоят поезда Совнаркома, ибо задержать Мамантова уже невыносимо. А известия, приходившие от самого Мамантова, поражали противоречием и оригинальностью. К первому за пять лет привыкли, второе смущало: из Воронежа Мамантов уведомлял донского преосвященного, что посылает на украшение Новочеркасского храма столько-то пудов золотых риз, а для личных удобств владыки коляску с кровными рысаками. Мамантов, конечно, герой, и о нем «Times» пишет, но удобно ли ограбить один храм ради другого и подобает ли владыке пользоваться «военной добычей»? Дальше дела пошли ускоренным темпом, Москву Мамантов по «стратегическим соображениям» брать не пожелал и, обремененный многоверстным обозом, двинулся к родным пенатам. У Коротояка ему с трудом удалось отбиться от Буденного; в этом сражении погибла большая часть так называемой Тульской дивизии, составленной из крестьян Центральной России; ей была предназначена тяжёлая задача защищать переправы. Пока тянулся обоз, нескончаемый, трудно переправимый, отнимающий массу провожатых, туляки дрались...».... «...После рейда корпус вернулся в Донскую область. Корреспонденты, выехавшие навстречу, на станцию Кантемировка, полюбовались разнообразием привезенных из рейда вещей: от шифоньеров до клеток со скворцами было широко представлено все русское хозяйство. О деньгах и камнях много говорили, но показывать не показывали. Героям рейда был предоставлен небольшой отпуск; нагруженные военной добычей, они разъехались по станциям. Из отпуска вернулось не более трети: для остальных смысл войны был изжит. Запугать их было нелегко: они привыкли видеть смерть на чересчур близком расстоянии. «Не хочу» означало - «не пойду». Распустив исполинские, единственные в мире усы, Мамантов бросился с головой в открывшиеся перед ним радостные пропасти. Вечера с англичанами, вечера с французами, вечера с итальянцами; что говорят - непонятно, но пьют серьезно. Вечера с донскими парламентариями, вечера с поклонниками, вечера с офицерством; все понятно: и этикет, и тосты, и легкие обещания. Корреспонденты набросились на него, как коршуны. Сколько пришлось поработать донским цензорам, чтобы из вороха гранок вытравить откровенные признания генерала! В результате от рейда для печати осталась лишь сторона военная, бравурная; экономические последствия и наблюдения политические были уничтожены от первого слова до последнего. Через неделю рейд Мамантова вошёл в народную душу в виде путешествия Али-Бабы в наполненную кладами пещеру разбойников. К Мамантову повалили с подписными листами, предложениями дач, имений, партий товара. Генерал распустил усы ещё больше, влез в салон и опять уехал на фронт: «Предстоит второй рейд, сведения о котором по понятным причинам сообщены быть не могут»... Как известно, второй рейд не состоялся. В вопросе о причинах авторитеты, конечно, разошлись. Виновата нога, которую генерал повредил, садясь на лошадь, и из-за которой он больше вообще никогда не смог влезть на лошадь. Виноват кубанец Улагай, который не пожелал подчиниться донцу и тем расстроил знаменитую диспозицию «рейда конной группы». Виноват Троцкий, который в промежутке между первым и «вторым» рейдами научился влезать на лошадь и целиком украл идею донского командования... Виноват Буденный, который прорвался не там, где ему полагалось, и на неделю раньше, чем имел право... согласно диспозиции!... Мамантов оказался трехнедельным удалцом в самом непереносном смысле...»

Abram Gatalskiy Казачки, впрочем, в своём репертуаре, отработанным СТОЛЕТИЯМИ: набег, грабёж, убийства, насилия, а чуть прижмут - отходим, барахло треба доставить до хутора.

«Казачья Голгофа»

«Казачья Голгофа» или трагедия казаков в Лиенце в 1945 году.

https://dzen.ru/a/ZOZMOU0513xVvKBo?from_site=mail

1 июня 1945 года на территории Австрии в городах Лиенце и Юденбурге происходила насильственная выдача англичанами в СССР казаков и их семей.

Во время богослужения на лагерном плацу английские солдаты с грубой бранью начали избивать людей и бросать в грузовики, вперемежку раненых, живых и мёртвых. Наполненные грузовики под конвоем мчались к железнодорожной станции, там людей

перебрасывали в железнодорожные вагоны и пломбировали, но по пути люди выбрасывались из вагонов, на дорогу или в реку, некоторые покончили собой.

Выдача казаков в Лиенце, художник Сергей Корольков, Музей Кубанского Казачьего войска.

Предыстория вопроса

Когда началась Вторая мировая война позиции белых эмигрантов разделились, многие до сих пор ненавидели большевиков и приветствовали вторжение Гитлера в СССР, другие это нападение осуждали.

Так, например, генерал Белой гвардии Антон Деникин осудил нападение Германии и прислал в СССР вагон с лекарствами и медикаментами, озадачив тем самым Сталина. А бывший белый генерал Махров обратился с просьбой к советскому послу во Франции разрешить ему вступить в ряды Красной армии хотя бы в звании рядового.

Часть эмигрантов выступила против СССР на стороне Третьего рейха, в первых рядах шли бывшие атаманы Краснов и Шкуро, ненавидевшие большевиков, им обоим и приписывают фразу: *«Хоть с чёртом против большевиков»*.

75-летний Краснов занимался в основном пропагандой, а 57-летний Шкуро в 1944 году специальным указом Гимmlера он был назначен начальником Резерва казачьих войск при Главном штабе СС и готовил казаков кавалеристов.

Его казаки боролись с красными партизанами Иосипа Броз Тито в Югославии, титовцы нападали на семьи русских эмигрантов, на оккупированной немцами территории и жестоко расправлялись с ними, сам Шкуро не принимал участия в боевых действиях. В 1945 году он предпринял попытку создать боевую группу «Волчий отряд» из двух тысяч человек, однако этому не суждено было сбыться.

Покинувшие СССР

Так и получилось, что одни казаки вынужденно покинули Россию в 1920 году, а в 1941 приняли участие в походе против большевиков.

Другие, жившие в СССР и испытавшие на себе «расказачивание», голод и репрессии с приходом немцев на казачьи земли перешли на их сторону и воевали против советской власти, а при отступлении немцев ушли вместе с вермахтом, забрав свои семьи.

Таким образом, ко времени окончания войны на территории Германии, Австрии, частично во Франции, Италии, Чехословакии находилось до 110 тысяч казаков.

20 тысяч из них вместе с семьями жили в южной Австрии в Казачьем стане атамана Тимофея Доманова, который располагался на берегу Дравы у Лиенца протяжённостью

около 25 километров. В самом Лиенце находился штаб атамана генерала Доманова. Между Лиенцем и Обердраубургом был устроен палаточный лагерь для казаков, где их было примерно 5 тысяч. В бараках под Лиенцем жили их семьи примерно 20 тысяч человек

45 тысяч казаков были сосредоточены недалеко от города Клагенфурта и входили в Казачий кавалерийский корпус генерала Гельмута фон Паннвица.

Много казаков было разбросано по отдельным немецким частям, а также в Русской освободительной армии (РОА) генерала Власова.

По мере продвижения Красной армии по Европе, казаки стали уходить на Запад, чтобы оказаться на территориях, занятых армиями США и Великобритании с тем, чтобы попросить политическое убежище.

Согласно решениям Ялтинской конференции, в феврале 1945 года были заключены секретные советско-американское и советско-английское соглашения о взаимной репатриации советских, американских и английских граждан.

Репатриации не подлежали белоэмигранты, не являвшиеся гражданами СССР, однако в случае со значительной частью белого казачества это условие было нарушено.

Ловушка для казачьих командиров

Чтобы обезглавить казаков, 28 мая 1945 года англичане под предлогом проведения «конференции» обманом выманили казачьих командиров в австрийский Шпиталь. Их было примерно более 2-х тысяч человек во главе с атаманами Красновым и Шкуро, которых сразу же изолировали от общей массы.

По свидетельству Краснова, он и Шкуро в ночь с 29 на 30 мая беседовали сначала с сотрудниками НКВД, а затем с советскими офицерами о Гражданской войне, что больше было похоже на воспоминания.

30 мая к казакам, проживающим в долине Лиенца прибыли англичане и объявили, что все они будут отправлены в СССР, на что казаки заявили, что добровольно никто не поедет. Тогда англичане пригрозили, что, если будет оказано сопротивление, они применят силу.

Казаки, оставшись без командиров, не знали, что предпринять, вывесили чёрные флаги, написали плакаты на английском языке: «Лучше смерть здесь, чем отправка в Советский Союз!».

Между тем арестованных командиров 31 мая на грузовиках перевезли в советскую оккупационную зону под Веной, а на следующий день в Баден, где находился штаб СМЕРШа и сделали их групповой снимок. У них отобрали личные вещи, в том числе ножи и шпоры, а у Шкуро шашку с бриллиантами. Кормили их хорошо, к Шкуро почти ежедневно приезжали офицеры РККА, устраивали обеды с вином и едой из ресторанов. Ничего не предвещало какого-либо зловещего конца.

1 июня 1945 года в казачьих лагерях Лиенца англичане предприняли попытки начать погрузку интернированных.

Погрузка интернированных

Казаки встали в круговое оцепление вокруг стариков, женщин и детей.

В пять утра духовенство крестным ходом вышло на лагерный плац, началась литургия, пели несколько казачьих хоров.

К восьми утра приехали английские грузовики, покрытые жёлтыми брезентами, из них вышли английские солдаты с автоматами и палками. Служба не останавливалась, солдаты обошли толпу людей и взяли её в кольцо. Когда началось причастие, солдаты начали прорывать кольцо оцепления казаков, применяя дубинки и приклады винтовок. В отдельных местах застрекотали пулемёты, мёртвые и раненые падали на землю.

Солдаты с грубой бранью начали избивать людей и бросать в грузовики, попеременно раненых, живых и мёртвых. Наполненные грузовики под конвоем мчались к железно-

дорожной станции, там людей перебрасывали в железнодорожные вагоны и пломбировали.

На месте трагедии в Лиенце толпа под напором солдат свалила забор лагеря, за ним оказались танки. И всё же некоторым казакам удалось бежать в леса, где они собирались в группы и продолжали оказывать сопротивление.

По мнению спасшегося от выдачи казака Ивана Зубенко, убежать смогли примерно 10%.

«1 июня грузились для выдачи Советам казаки 1-го и 2-го Донских полков. Они грузиться отказались. По ним был открыт огонь из пулеметов. Было много убитых и раненых. Как и в станицах, на них были направлены броневики. Были раздавленные и искалеченные. Казаков гнали к вагонам и грузили в них. 1 и 2 июня происходило то же у горцев», - вспоминал Зубенко.

Краснова, Шкуро Султан Келеч Гирея, Гельмут фон Паннвица и других генералов 4 июня доставили в Москву. Перед этим англичане предложили помощь Султану Гирею, от которой он отказался, сказав, что с этими белыми генералами он прошёл гражданскую войну и примет с ними смерть. Английское покровительство было предложено также и фон Паннвицу. На что он коротко сказал: *"Я делил с казаками хорошее время. Теперь я хочу делить с ними плохое. Я заключил с ними дружбу на жизнь и на смерть. Может быть, я смогу облегчить их ужасную участь, взяв часть приписываемой им вины на себя"*.

Военная коллегия Верховного Суда СССР признала фон Паннвица и пятерых генералов – вождей казачьего стана П. Краснова, А. Шкуро, Султан Келеч Гирея, С. Краснова и Т. Доманова виновными и приговорила к смертной казни через повешение, которая состоялась 16 января 1947 года.

Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР гласил: *«...по заданию германской разведки они в период Отечественной войны вели посредством сформированных ими белогвардейских отрядов вооруженную борьбу против Советского Союза и проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против СССР».*

7 июня 1945 года операция по интернированию казаков была завершена. Всего из района Лиенца было передано СССР 37 генералов, 2200 офицеров и около 30 тысяч казаков вместе с семьями, разделившими их судьбу. В СССР их ждали расстрелы и лагеря.

Оружие

Восточная сказка

«Русский Антиквар», №1.2024 г.

«...Овевает меня ветер степной, запах жаркий, полынный. Темны мои ножны и черно серебро их. Не след мудрому сверкать, как драгоценному перстню посреди базарной площади. Воистину, серп я в руке верных знамени пророка и изгиб мой – изгиб молодой луны, и укус лезвия моего страшной броска песчаной эфы...» (Песня клинков)

Сказано это об удивительном сабельном клинке, впервые появившемся в Персии в XVII - XX веках. Сильно изогнутый, легкий, плавно сужающийся к острию – это шамшир.

Шамшир стал настоящим «мусульманским» оружием, многие его воспринимают как их символ; даже схожесть форм с полумесяцем имеется. В общем, такую саблю хотел иметь каждый уважающий себя воин, особенно всадник — как и простые сабли, шамшир раскрывал все свои достоинства именно верхом.

Предпосылками появления шамшира стал закат тяжёлых доспехов. На Востоке латных доспехов не было, а вот всякие кольчуги и «пластины», против которых шамшир был малоэффективен, в те века встречались уже очень редко и лишь у знатных всадников.

Шамшир из коллекции Эрмитажа. Иран, XVIII век. Длина 91 см, длина клинка 78 см.

География распространения шамширов поражает. Помимо собственно Персии (Ирана) эти сабли бытовали в Турции, Индии, Афганистане, государствах Средней Азии, Северной Африки и Арабского Востока.

Простой «пешеход» сражался одетый в многослойные халаты и тюрбан — проще, использовал плотные тканые доспехи. Защита такая была очень «вязкой» — клинки её хоть и разрубали, но часто застревали так и не дойдя до тела врага. Каждый слой доспеха был мягок, но слоёв этих было слишком много для одного удара.

Для противодействия такой защите и изобрели максимально кривую саблю — именно для разрезать, а не для прорубить. Настолько кривой клинок оказался отнюдь не бесполезен — излюбленный многими среднеазиатскими народами оттяжной удар шамширом получался уж очень жутким. Если мечом приходилось рубить и потом тянуть

оружие на себя (это и есть так называемый «оттяг»), то даже простая сабля производила рубку и резку одним движением руки. Шамшир, который принёс в жертву рубящие свойства ради режущих, позволил кромсать налево-направо всех подряд с возросшей эффективностью; даже скорость ударов выросла, как и тяжесть ранений.

Клинки шамширов делали из дамасской стали, которая обладала одним очень коварным свойством, увеличивающим мощь шамшира на порядок. Глазом этого не увидишь, но из-за комбинирования стали разной твёрдости, дамасские клинки при заточке имели не ровную кромку, а что-то вроде микропилы — при заточке с клинка в первую очередь «слетали» мягкие частицы и так между твёрдыми

образовывались микрозазоры. Да ещё и саму заточку шамширов делали под очень малым углом; чуть ли не в два раза меньшем, чем у европейских мечей. Используемый в кино или представлениях «фокус» когда подброшенный шёлковый платок разрезался шамширом просто упав на его клинок вовсе не фокус.

Ещё одним достоинством клинка шамшира является его сечение в форме линзы.

Клинок был довольно длинным и узким, но толстым — в центре его ширина могла быть даже больше, чем полсантиметра. Кстати, техникаковки таких клинков — не только очень кривых, но ещё и с таким сечением — работа крайне сложная. Зато это позволяет сделать и

клинок прочнее, и усилить его боевые качества.

Остриё шамшира имело тоже очень острую заточку, ещё и двустороннюю. Это давало преимущество над более прямым оружием. Колоть им вроде бы с виду трудно, но если только «апперкотом» — с лошади им кололи через верх либо через бок, что было намного удобнее и позволяло «обходить» щиты и другие преграды между всадником и его жертвой. Рукоять, своей формой продолжавшая изгиб шамшира, всегда была очень короткой.

Отличительной её особенностью стал изгиб в конце для упора под мизинцем — даже при небольших размерах рукояти хват получался очень надёжным.

Большое влияние на оружие шамшир оказал даже за пределами мусульманского мира.

Войска Наполеона после его походов в Египет тоже «искривили» свои сабли и использовали такую конструкцию почти до Первой мировой войны, а в след за ними (хотя уже не до такой степени) похожие кривые сабли стали использоваться другими европейцами. В некоторых местах шамшир используется даже сейчас, но уже не как боевое оружие — во многих «строгих» мусульманских регионах распространена казнь через отрубание головы шамширом.

Филателия о казаках и казачестве

И. В. Голоскоков

Письмо турецкому султану

Подготовка данного материала, предлагаемого уважаемому читателю, началась с экспресс-опроса, учинённого автором среди своих ближайших родственников и знакомых, коим было предложено «не задумываясь» ответить на три простеньких вопроса: какие вы знаете посвящённые казакам и казачеству

- а) литературные произведения;
- б) кинофильмы;
- в) живописные полотна?

На первый вопрос большинство опрашиваемых назвали «Тараса Бульбу» Гоголя и «Тихий Дон» Шолохова, в ответах на второй вопрос в лидерах оказались одноименные экранизации указанных произведений плюс фильм «Кубанские казаки», а вот на третий вопрос вариантов не было, ответ был однозначным: картина Репина «Запорожцы», она же — «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».

Надеюсь, теперь понятно, почему автор посчитал весьма полезным углубиться в историю создания упомянутой картины, а также решил поделиться результатами своих изысканий с пытливым и неравнодушным читателем. Впрочем, читатель и сам может повторить описанный опыт и сделать свои собственные выводы.

Ранее, в №5(26) журнала «Казачество» за октябрь 2022 года читатель

уже имел возможность ознакомиться со статьёй автора «Филателия о казаках и казачестве». В ней автор обращал внимание на то, что выпуск знаков почтовой оплаты тесно связан с проводимой тем или иным государством внешней и внутренней политикой, что в тематике почтовых марок отражаются те или иные смысловые предпочтения, соответствующие атрибутике суверенного государства. Исходя из данного посыла, автор вновь выбрал филателию в качестве средства иллюстративного сопровождения нижеизложенных фактов.

Несколько забегаая вперёд, отметим, что рождение шедевра Репина стало возможным благодаря знакомству в 1885 году в Санкт-Петербурге двух незаурядных людей, земляков, начинавших некогда свою творческую деятельность в одних и тех же местах — в Малороссии.

Одним из них был, понятное дело, Илья Ефимович Репин, [русский живописец](#) и [рисовальщик](#), один из самых влиятельных и разноплановых художников [пореформенной](#) эпохи, [писатель](#) и [педагог](#). Родом он был из Харьковской губернии, по отцовской линии — потомственным казаком. К тому времени

он уже был академиком Императорской Академии художеств, автором выдающихся живописных полотен, таких как «Иван Грозный и сын его Иван», «Бурлаки на Волге», «Крестный ход в Курской губернии» и других. В 1882 году, когда начался его второй петербургский, самый плодотворный период, Репину было 38 лет. Первый эскиз будущих «Запорожцев» появился ещё в 1878 году в Абрамцеве. Летом 1880 года Репин вместе с учеником Валентином Серовым выезжал в Малороссию. Постепенно набирался так сказать «первичный», эскизный материал, но дело шло медленно, несмотря на то, что сюжет картины был определен изначально. На почтовой марке Украины 1994 года, посвящённой Репину, читатель ниже портрета художника может как раз рассмотреть один из таких эскизных набросков.

И вот состоялось знакомство масти того художника с Дмитрием Ивановичем Яворницким, [историком-украиноведом](#),

[этнографом](#), писателем, знатоком истории [Запорожского казачества](#).

Так же как и Репин, Яворницкий был уроженцем Харьковской губернии, отец его был слободским казаком. В 1881 году в возрасте 26 лет Дмитрий окончил Харьковский Императорский университет, затем преподавал в нём, одновременно продолжая научную деятельность по изучению истории казачества. В 1885 году он был отстранён от работы в Харьковском университете по подозрению в южнорусском сепаратизме. Яворницкий обвинения отрицал и в итоге они были с него сняты. В [1885 году](#) Яворницкий переехал в Санкт-Петербург,

где читал лекции в гимназии и на педагогических курсах. В Петербурге Дмитрий Иванович пишет ряд статей по истории Запорожья, предисловие к поэме [Т. Г. Шевченко](#), «Гайдамаки» (которая вышла тогда в русском переводе). В том же году Яворницкий

стал членом Археологического Общества.

Знакомство Репина с Яворницким и общение с ним подтолкнуло художника к более интенсивной работе над картиной и утвердило его в выбранном сюжете. В 1888 году Репин совершил второе путешествие по Малороссии вместе с сыном Юрием. Работая на этюдах, художник рисовал всё, что может пригодиться для полотна: хаты, утварь, костюмы, оружие. Своё состояние одержимости художник называл «творческим запоем», а будущих персонажей картины — «весёлым народом».

Черты запорожцев Илья Ефимович отыскивал во всех знакомых. Как вспоминал писатель [Мамин-Сибиряк](#), зайдя в мастерскую к Репину, он был вынужден в течение нескольких часов позировать для «Запорожцев»: художнику приглянулись его веко для одного из героев и глаза — для другого. В образе писаря был запечатлён главный вдохновитель и консультант художника [Дмитрий Иванович Яворницкий](#). Для того чтобы заставить улыбнуться бывшего в мрачном настроении Яворницкого, Репину пришлось показать ему журнал с карикатурами. Для создания образа атамана Серко (на картине он изображён за спиной писаря, наклонившись, с курительной трубкой в руке) был приглашён генерал Драгомиров. Прообразами других персонажей стали земляк Ильи Ефимовича — музыковед [Александр Рубец](#) (хохочущий казак), коллекционер Василий Тарновский (человек в шапке), художник Кузнецов (молодой улыбающийся запорожец) и другие.

По воспоминаниям старшей дочери художника Веры Ильиничны, долгое время вся семья жила только запорожцами: Илья Ефимович ежевечерне читал вслух стихи и рассказы о [Сечи](#), дети знали наизусть всех героев, играли в Тараса Бульбу, Остапа и Андрия, лепили из глины их фигуры и могли в любой момент процитировать кусок текста из письма казаков султану.

Что же это за письмо, так вдохновившее художника? Вот как описывает обстоятельства его появления сам Дмитрий Яворницкий в главе 24 второго тома его трёхтомного исследования «История запорожских казаков». После победоносного и разорительного рейда казаков по территории Крыма в 1675 году «ненависть мусульман к запорожским казакам и всему христианскому населению Украины <...> так сильно разгорелась, что турки решились предпринять поход на Запорожскую Сечь и разорить её до основания. Существует предание, что прежде чем отправить войска на Запорожскую Сечь, турецкий султан Мухаммад IV послал запорожцам письмо с требованием добровольно покориться ему как непобедимому рыцарю; на это письмо запорожцы, не стесняясь в выражениях, ответили султану собственным письмом, в котором отрицали всякую доблесть у него и жестоко смеялись над кичливостью «непобедимого рыцаря». У многих любителей южнорусской старины и до сих пор хранятся копии этого, может быть, мнимого, но совершенно согласного с духом запорожских казаков письма турецкого султана и курьезного ответа на него казаков.

«Султан Мухмуд IV запорожским казакам. Я, султан сын Магомета, брат солнца и луны, внук и наместник Божий, властелин царств - Македонского, Вавилонского, Иерусалимского, Великого и Малого Египта, царь над царями, властитель над властелинами, необыкновенный рыцарь, никем непобедимый воин, неотступный хранитель гроба Господня, попечитель самого Бога, надежда и утешение мусульман, устрашитель и великий защитник христиан, - повелеваю вам, запорожские казаки, сдаться мне добровольно и без всякого сопротивления и меня вашими нападениями не заставлять беспокоить. Султан турецкий Мухмуд IV».

«Запорожские казаки турецкому султану. Ты – шайтан [1] турецкий, проклятого чорта брат и товариш, самого Люцыперя секретарь! Який ты в чорта лыцарь? Чорт выкидае, а твое вийско пожирае. Не будеш ты годен синив хрис-

тияньских пид собою мати [2]; твоего вийска мы не боимось, землею и водою будем битьця з тобою. Вавилонский ты кухарь, македонский колесник, иерусалимський броварнык [3], александрийский козолуп, Великого и Малого Египта свынарь, армянська свыня, татарский сагайдак [4], каменецкий кат [5], подолянський злодиюка, самого гасвида [6] внук и всего свиту и пидсвиту блазень [7], а нашого Бога дурень, свыняча морда, кобыляча с...а, ризныцька собака, нехрещёный лоб, хай бы взяв тебе чорт! Оттак тоби казаки видказали, плюгавче! [8]. Невгоден еси матери вирных христиан! Числа не знаем, бо календаря не маем, місяць у неби, год у кнызи, а день такой у нас, як и у вас, поцилуй за те ось – куды нас! Кошовый атаман Иван Серко зо всим коштом запорожським».

[1]. Шайтан – чёрт.

[2]. Мати – иметь.

[3]. Броварнык - пивовар.

[4]. Сагайдак – козёл.

[5]. Намёк на разорение султаном Каменецк-Подольского.

[6]. Гасвид – дьявол.

[7]. Блазень – глупец.

[8]. Плюгавець – поганец.

Обратим внимание на то, что Яворницкий не настаивал на подлинности текстов, более того, высказывал предположение об их мнимости. Известно, что подлинники писем не обнаружены, существуют их многочисленные, многовариантные по содержанию и лексике копии. Опуская детали, отметим, что тексты писем турецкого султана и ответных писем казаков (как запорожских, так и чигиринских) в разное время исследовали многие историки, и большинство из них пришло к выводу о том, что письма являются подложными, поддельными творениями.

Вымышленные казацкие письма должны были подчеркнуть крутой нрав и независимый характер казаков. Благодаря им запорожские казаки получили свой «приз» — о них заговорили, их история многим стала любопытна. А некогда появившаяся интрига

сохраняется до сих пор.

Первый законченный эскиз маслом появился в 1887 году. Репин подарил его Яворницкому. Позже Яворницкий продал его [П. М. Третьякову](#), и эскиз был сохранён в [Третьяковской галерее](#). Основной вариант картины был завершён в 1891 году, тогда же картина была представлена миру на персональной выставке Репина. Это было огромное панно, размером 2,03x3,58, писанное маслом на холсте.

После первого публичного обозрения художника критиковали за то, что, по мнению многих, картина была «исторически недостоверной». Тем не менее, судьба полотна сложилась удачно. После шумного успеха на нескольких выставках в России и за рубежом ([Чикаго](#), [Будапешт](#), [Мюнхен](#), [Стокгольм](#)) картину в 1892 году купил за 35 тыс. рублей император [Александр III](#). Картина оставалась в царском собрании до 1917 года, а после революции оказалась в собрании [Русско-го музея](#).

Ещё не завершив основной вариант, Репин в 1889 году начал работу над вторым, который он так и не закончил. Это полотно несколько уступает по размерам первоначальному варианту и является, так сказать, кулуарным экземпляром. Второй вариант «Запорожцев» художник попытался сделать более «исторически достоверным». Хранится он сейчас в [Харьковском художественном музее](#).

Интересно, что общение с Яворницким побудило украинского композитора Николая Лысенко на написание в 1880–1890 гг. оперы «Тарас Бульба». Целиком опера была поставлена в 1924 году в Харькове, а в 1927 – в Киеве.

Яворницкий же преподавал в [Петер-бургском университете](#), но в 1891 году вновь по подозрению в участии в украинском националистическом движении был уволен и лишён права преподавать в учебных заведениях. В апреле 1892 года он убыл в 3-летнюю командировку в Среднюю Азию (сначала жил в [Ташкенте](#), потом в [Самарканде](#)), где занимал должность [чиновника по особым поручениям](#). Учёный должен был исследовать этот край и его исторические достопри-

мечательности. В 1893 г. увидел свет «Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношении», за который Д. Яворницкий был награждён орденом [Станислава 3-й степени](#) и орденом [Бухарской Золотой Звезды](#) (в 1894 г.), а также получил чин [коллежского асессора](#).

В апреле 1895 года Дмитрий Иванович переехал в Варшаву, где читал лекции по русской истории в [Варшавском университете](#).

В 1896—1905 годах продолжил преподавательскую работу в [Московском университете](#), где также читал лекции по русской истории. В конце 1901 года Яворницкий защитил магистерскую диссертацию на историко-филологическом факультете [Казанского университета](#). На защиту учёный представлял 2-е издание 1-го тома своей фундаментальной монографии «История запорожских казаков», изданного в Москве в 1900 году. В [1902 году](#), по приглашению Екатеринославского губернского земства, Яворницкий занял место заведующего Екатеринославским историческим музеем. Ровно 30 лет своей жизни отдал Дмитрий Иванович этому музею, систематизировал и значительно пополнил его коллекции. Им было открыто множество предметов казачьей старины.

В 1914 году Яворницкий активно участвовал в сборе средств в помощь раненым, беженцам и сиротам. Во время Гражданской войны в 1918—1920 годах преподавал в существовавшем тогда [Екатеринославском университете](#), где создал кафедру [украиноведения](#). В 1917 году был председателем Екатеринославского украинского губернского съезда Центральной Рады [Украинской Народной Республики](#). Ради спасения уникальных собраний,

опасаясь за их судьбу, учёный отказался эмигрировать в 1919 году.

В 1920—1933 годах Яворницкий преподавал в Екатеринославском (Днепропетровском) институте народного образования, где в 1925—1929 годах возглавлял кафедру украиноведения.

В 1925 году был избран членом-корреспондентом, в 1929 г. – действительным членом АН УССР. В 1927-1932 гг. был ответственным руководителем археологического надзора за раскопками на территории строительства [Днепрогэса](#).

В 1932 году Д. И. Яворницкий был обвинён в «украинском буржуазном национализме» и снят с должности директора Исторического музея. На тот момент ему было уже 78 лет.

В 1937 году, став доктором общественных наук, Яворницкий успел закончить свой труд «История города Екатеринослава», после чего приступил к систематизации богатейшего фольклорного и этнографического материала. Эту работу 5 августа 1940 г. прервала неожиданно наступившая смерть.

11 октября 1940 года указом Президиума ВС УССР, Днепропетровскому историческому музею было присвоено имя его первого директора — академика Д. И. Яворницкого. В 1961 году останки Яворницкого были перенесены с Днепропетровского городского кладбища на территорию Днепропетровского исторического музея.

В 1995 году на могиле Яворницкого на площади у стен исторического музея в Днепропетровске был установлен памятник по проекту скульптора В. Р. Наконечного и архитектора В. И. Мирошниченко.

В [2005 году](#) была выпущена памятная монета Украины, посвящённая Яворницкому. В 2005 году именем Яворницкого была названа улица в Днепропетровске. В феврале 2016 года в Днепропетровске центральный проспект Карла Маркса был переименован в [проспект Дмитрия Яворницкого](#).

Возвращаясь к картине Ильи Репина, отметим, что и само это великое творение художника стало источником вдохнове-

ния. Русский и советский композитор немецкого происхождения, уроженец Киева Рейнгольд Глиэр был признанным мастером изобразительной звукописи. Яркой стороной его дарования было умение в музыке воссоздавать зрительные образы, качество, которое так широко развернулось впоследствии в его балетах. В 1921 году, уже перебравшись из Киева в Москву, Глиэр создал симфоническую картину-балет «Запорожцы» по одноименной картине Репина.

Русский художественный и музыкальный критик Владимир Стасов в своё время написал такой отзыв о картине Репина: «Картина во многом превосходная и замечательная, совсем в духе «Тараса Бульбы» Гоголя, особенно по «смеху», выраженному у некоторых действующих лиц с поразительной правдой и искренностью».

Определение это с полным основанием может быть отнесено и к партитуре Глиэра. Впечатление от зрительных образов определили жанр музыкального сочинения, его структуру и отбор тематического материала, включая украинские народные песни и танцы. По авторской программе «Симфоническая картина» состоит пяти разделов: Вступление. Писание и чтение письма. Сцена хохота. Пляски и общее веселье. Заключение.

Выше автор проиллюстрировал фактический материал знаками почтовой оплаты. Как видим, в суверенной Украине весьма почитался и художник Илья Репин и историк Дмитрий Яворницкий.

Став в 1991 году «незалежной» и «самостийной», Украина в лице её тогдашней правящей элиты принялась создавать собственную историю, отличную от истории России и СССР, в составе которых она просуществовала более 335 лет. Для этого к числу «щирых

украинцев» стали причислять многих ставших знаменитыми во всём мире подданных Российской империи и граждан Советского Союза. В частности, одной из форм такого «причисления» стал выпуск почтовых марок. Приведём лишь несколько примеров: так, родившийся в 1773 году в городе Нежине под Черниговом Юрий Фёдорович Лисянский (марка Украины 1998 года) покинул родные места в десятилетнем возрасте, посвятив всю свою жизнь службе в Российском флоте и дальним океанским походам; оперный певец Иван Семенович Козловский (марка Украины 1995 года), родившийся в Киевской губернии Российской империи в 1900 году, Украину оставил в 25 лет, народным артистом Украины он стал незадолго до смерти аж в 1993 году, уже, будучи к тому времени Героем социалистического Труда, народным артистом СССР и лауреатом Сталинских премий. Конструктору космической техники Сергею Павловичу Королеву (род. в 1906 году в г. Житомире Волынской губернии Российской империи) почта Украины посвятила не менее трёх выпусков почтовых марок в 1997, 1998, 2002 гг., однако из его биографии известно, что в 20-летнем возрасте он покинул Украину и все его дальнейшие достижения и награды были связаны с научно-техническими программами СССР.

Таким образом, сам факт рождения в населенном пункте, оказавшемся в конце XX века на территории государства Украина, стал считаться достаточным для того, чтобы навсегда «приписать» знаменитого человека к Украине, сделать его частью её истории, отнюдь не деля заслуги этого человека с каким-либо иным

государственным образованием или государством, в том числе и с Россией.

Но вернёмся к Дмитрию Яворницкому.

В 2004-2010 гг. на Украине была издана серия почтовых марок, посвящённая украинским деятелями науки, литературы и искусства. Среди таких деятелей, наряду с авиаконструктором Олегом Антоновым, композитором Игорем Стравинским и другими, – Иван Огиенко, сторонник Симона Петлюры, украинский националист и церковный раскольник; Вячеслав Чорновил – ярый украинский националист, сопредседатель Народного руха Украины, сыгравшего исключительную роль в распространении националистических идей и настроений. В рамках этой серии в 2005 году увидела свет и марка с портретным изображением Д. Яворницкого, копию которой читатель может рассмотреть выше. Из песни слов не выкинешь: власти Украины поставили видного учёного-историка, оказавшего немалое влияние на реализацию замысла великого художника, на одну доску с украинскими националистами и врагами России, теми, кто взрастил и взлелеял украинский радикальный национализм. Насколько это обоснованно? Вспомним, однако, некоторые детали биографии Д. Яворницкого: и в период Российской империи и в советские времена он неоднократно обвинялся властями в «сепаратизме» и в «буржуазном национализме». Значит, нет дыма без огня. В то же время, его научные заслуги несомненны, а «История запорожского казачества» переиздана в России без каких-либо купюр в 2017 году тиражом 2000 экземпляров, что по нынешним временам не так уж и мало.

Сатира и юмор

***

Кавказца избили во сне, и он решил это так не оставить. На следующий день собрал толпу друзей, и лёг спать.

***

Помню, как-то под конец учебного года приходит сын из школы, а у него по географии кол в дневнике стоит.

Спрашиваю, откуда у тебя кол? Он отвечает:

- Спросили, где Латвия находится.
- А ты что?
- А я им и говорю: от Питера шесть часов на танке...

Володя Зеленский на приёме у проктолога.

Полиция повязала группу мошенников, продающих дипломы в метро.

"Нам пришлось их отпустить"- заявил доктор экономических наук сержант Иванов

Утром увидел бабулю в маршрутке. До сих пор думаю-в мэрию,в ЖКХ,или в поликлинику ехала?!)))

Fishki.net

T.ME/ORDINARYCZARISM

СОЛДАТ ВСУ!

**УКРАИНА УБЬЕТ ТЕБЯ
ДАЖЕ В РУССКОМ ПЛЕНУ!**

№5 (42) май 2024 года

КАЗАКИ ЗА КАМНЕМ

Историко-информационный краеведческий журнал
Издание группы казаков Урала, Зауралья, Западной и Восточной Сибири
и Дальнего Востока

Все электронные версии журнала «Казачи за Камнем», книга В. Крюкова «Горький сахар»
и книга А. Толкачёва «Пасынки Родины» выставлены на сайте
единственного в России Музея НКВД.

Адрес Музея: г. Томск, Мемориальный Музей «Следственная тюрьма НКВД»
nkvd.tomsk.ru

Как найти наши издания на сайте.

Наберите электронный адрес Музея, найдите рубрику «Архив», затем «Библиотека музея»,
«Историко-художественные произведения», после чего нажмите на первую букву фамилии автора
или названия журнала.

Электронный адрес редакции: KazzaK1949@mail.ru

Точка зрения авторов статей, опубликованных в журнале, может не совпадать с мнением редакции.
Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.
С шестого номера журнал выходит только в электронном варианте.

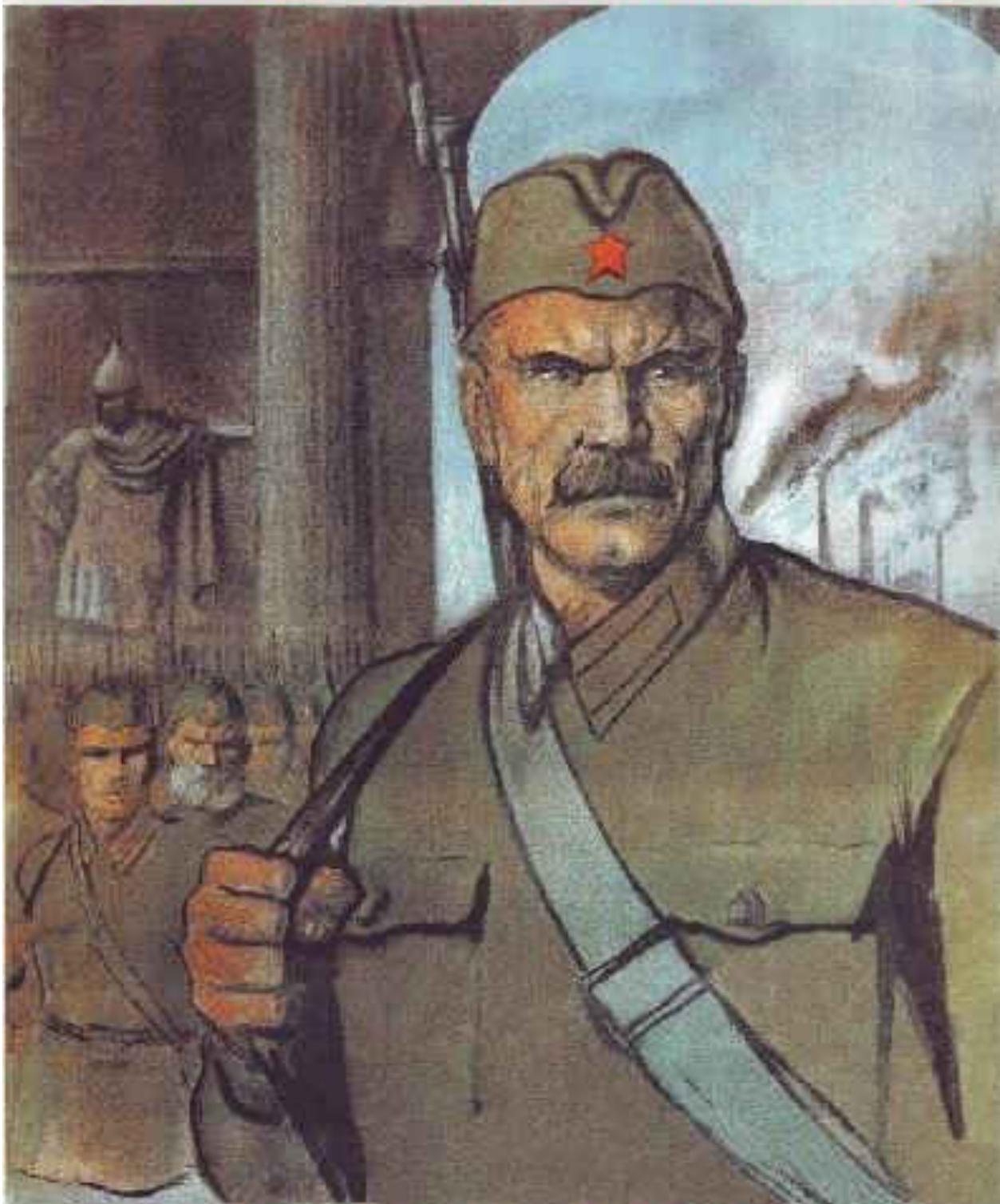
Редакция журнала «Казачи за Камнем» является независимым СМИ современного казачества, сохранившего свои традиции, пережившего геноцид, не имеет какой-либо специальной подготовки по проведению экспертиз, направленных на выявление в текстах признаков экстремистской деятельности, следственную и судебную практику по этой категории дел не отслеживает, не обобщает и не анализирует. Также не обладает знаниями специалистов в области политики, культурного наследия России и не имеет знаний по философии. Таким образом, мы объективно лишены возможности самостоятельно оценить ту или иную статью на предмет наличия или отсутствия в ней признаков экстремизма. Это касается и материалов авторов, присланных напрямую для размещения в журнале. Также, насколько нам известно, до настоящего времени не существует каких-либо общепринятых и однозначных критериев отнесения того или иного текста к числу экстремистских, в каждом конкретном случае такие признаки устанавливаются путём привлечения специалистов в различных областях (как правило, филологии и лингвистики) знаний. Вместе с тем мы являемся законопослушными гражданами, не имеющими намерений совершать общественно опасные поступки, в том числе преступления и правонарушения экстремистского характера. В соответствии с Законом «О противодействии экстремистской деятельности» на правоохранительные органы и прокуратуру РФ возложены задачи выявления и пресечения действий экстремистской направленности, в том числе путём вынесения предупреждений о недопустимости экстремистской деятельности. На основании изложенного, в случае, если на страницах журнала «Казачи за Камнем» будут выявлены признаки экстремизма, просим незамедлительно уведомить об этом редактора журнала для оперативного удаления из номера журнала указанного текста, фотографии или картинки.

Редакция журнала «Казачи за Камнем»

ColoRed © by KiS
studiokis.ru

НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ

ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ